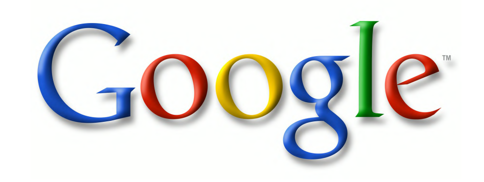

Google

[redacted]

Н. А. Добролюбовъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

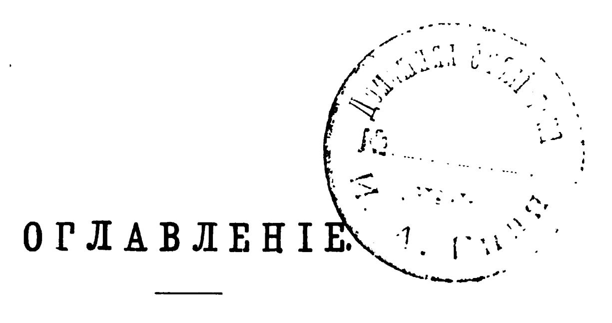
А. М. Скабичевскаго

Съ портретомъ Н. А. Добролюбова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

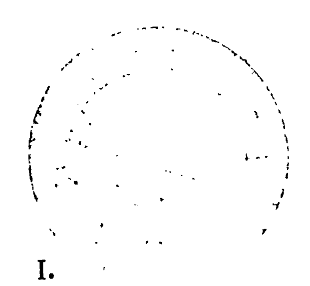
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Больш. Подъяч., № 39
1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 октября 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Дѣтство Добролюбова.—Воспитаніе домашнее, въ духовномъ училищѣ и въ семинаріи.

Не даромъ ставятся всегда рядомъ и составляютъ какъ-бы одинъ нераздѣльный тріумвиратъ три великіе русскіе критика: В. Г. Бѣлинскій, Н. А. Добролюбовъ и Д. И. Писаревъ. Это имѣетъ не одно только то основаніе, что всѣ они по силѣ талантовъ и вліянія на современниковъ стоятъ на одной высотѣ. Подобное сопоставленіе имѣетъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе, что каждый изъ этихъ трехъ критиковъ былъ яркимъ типическимъ представителемъ своей эпохи: Бѣлинскій—сороковыхъ годовъ, Добролюбовъ—конца пятидесятыхъ, Писаревъ—шестидесятыхъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность ихъ какъ-бы сливается въ одну, такъ какъ едва смолкъ голосъ Бѣлинскаго, не прошло и десяти лѣтъ послѣ его смерти, какъ явился Добролюбовъ и, сообразно времени, развилъ далѣе идеи Бѣлинскаго, а затѣмъ для дальнѣйшаго развитія передалъ ихъ Писареву.

Занимая такимъ образомъ центральное мѣсто, Добролюбовъ является въ одно и то же время созданіемъ Бѣлинскаго и создателемъ Писарева. Онъ стоитъ во главѣ своего времени, какъ воскреситель и хранитель всѣхъ лучшихъ завѣтовъ сороковыхъ годовъ и какъ иниціаторъ всего движенія шестидесятыхъ годовъ.

Стоя во главѣ своего вѣка, какъ писатель, Добролюбовъ замѣчателенъ былъ сверхъ того и тѣмъ, что и какъ человѣкъ онъ былъ героемъ своего времени, поражая своихъ современниковъ идеальной высотой своей личности, безукоризненной вѣрностью словъ и дѣлъ и нравственной чистотой, возвышавшейся своимъ строгимъ ригоризмомъ до подвижничества христіанъ первыхъ вѣковъ.

По происхожденію своему Николай Александровичъ Добролюбовъ принадлежалъ къ духовному званію. Отецъ его, Александръ

Ивановичъ, былъ священникомъ нижегородской Никольской церкви. Семейство у него было большое, состояло изъ семи душъ дѣтей, и хотя достатковъ лишнихъ не имѣло, но и тяжкой нужды не терпѣло. Вотъ въ этой-то патріархальной семьѣ стариннаго домостроевскаго типа, съ безпрекословнымъ подчиненіемъ младшихъ суровой волѣ старшихъ, первенцомъ и былъ Н. А. Добролюбовъ, родившійся 24-го января 1836 года.

Отецъ Александръ сверхъ церковной службы занятъ былъ и педагогической дѣятельностью, въ должности законоучителя въ нижегородскомъ канцелярскомъ училищѣ, давалъ частные уроки, хлопоталъ на постройкѣ своихъ домовъ,—поэтому рѣдко бывалъ дома и мало занимался дѣтьми, и послѣднія росли почти всецѣло подъ попеченіемъ своей матери, Зинаиды Васильевны,—женщины, по общимъ отзывамъ, умной и прекрасной. Этимъ обусловливалось то, что Добролюбовъ въ дѣтствѣ своемъ несравненно болѣе привязанъ былъ къ матери, чѣмъ къ отцу. Отецъ по своему любилъ сына. Замѣчая его необыкновенную даровитость, раннее и быстрое развитіе способностей, старикъ не скрывалъ отъ сына своихъ восторговъ, любилъ иногда похвастаться имъ и передъ чужими, приходившими къ нему въ гости и по дѣлу. По своему любилъ отца и сынъ. Но это была не столько любовь, сколько холодное почтеніе по чувству долга. Такъ, ниже мы увидимъ, что мальчикъ подвергалъ критикѣ отношенія старика къ нему, и не всегда одобрительной, а доходило дѣло и до сомнѣній въ любви отца къ нему. Такъ, по смерти матери въ письмѣ къ одному родственнику (15 апрѣля 1854 г.) онъ между прочимъ говоритъ: «повѣришь-ли, я часто желалъ знать, что думаетъ обо мнѣ, какія намѣренія касательно меня имѣетъ отецъ мой, *какія чувства онъ питаетъ ко мнѣ»*...

Совсѣмъ иначе любилъ онъ мать свою.

«О матери,—пишетъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ,—никогда мнѣ въ голову этого не приходило; я знаю, что душа ея раскрыта передо мною, что въ ней я найду только безпредѣльную любовь, заботливость и полное желаніе счастливой будущности... Теперь уже никто не взглянетъ на меня такимъ взглядомъ, полнымъ безпредѣльной любви и счастія, никто не обойметъ меня съ такой простодушной лаской, никто не пойметъ моихъ внутреннихъ, мелкихъ волненій, печалей и радостей... Знаешь-ли, что во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жилъ, учился, работалъ, мечталъ всегда съ думой о счастьи матери! Всегда она была на первомъ планѣ: при всякомъ успѣхѣ, при всякомъ счастливомъ оборотѣ дѣла я думалъ только о томъ, какъ это обрадуетъ маменьку...»

Въ найденной же въ его бумагахъ запискѣ, писанной нѣсколько недѣль спустя послѣ смерти матери, онъ пишетъ:

«Отъ нея получилъ я свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ лѣтъ своего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ-бы я ни былъ; для нея было все, что я ни дѣлалъ».

И дѣйствительно, не только нравственнымъ закаломъ, но и первымъ пробужденіемъ умственныхъ способностей Добролюбовъ всецѣло былъ обязанъ матери. Уже трехъ лѣтъ со словъ ея онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими. Она-же выучила его и читать да, кажется, и писать азбуку. Когда ему пошелъ девятый годъ, приглашенъ былъ въ учителя для него кончившій курсъ семинаріи Садовскій; но занимался съ нимъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ поступилъ въ священники. Тогда былъ приглашенъ воспитанникъ семинаріи философскаго класса, Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, впослѣдствіи женившійся на сестрѣ Добролюбова, Антонинѣ Александровнѣ.

«Пойдя къ нему въ учителя,—разсказываетъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Добролюбовѣ,—я старался во-первыхъ заохотить его къ ученію, чтобы *«учиться»* обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ,—доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспріимчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ, только иногда навѣдывался объ его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы, по тому или другому предмету. Такимъ образомъ наше ученіе продолжалось около трехъ лѣтъ, если изъ этой цифры не исключать мѣсяцевъ пяти или шести его болѣзней или моихъ каникулъ.»

Въ 1846 году десятилѣтняго мальчика отдали въ высшій классъ духовнаго училища. По воспоминаніямъ о Добролюбовѣ товарища его М. Е. Лебедева, 12—15-ти лѣтніе ученики четвертаго класса были непріятно поражены, что къ нимъ привели въ классъ учиться десятилѣтняго мальчика. «Говорятъ, братцы, подготовленъ хорошо,—разсуждали они.—А латинскій какъ знаетъ! Книгъ много у отца... Онъ ужъ Карамзина прочиталъ».

папашу. Къ вящшему несчастію, мамаша съ старшей моей сестрой уѣхали къ А. Н. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу,—за дѣло!—и принялся писать свои дѣла... Я подумалъ, что ждáть мнѣ больше нечего, взялъ свѣчку и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что «еслибъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибы у меня хоть немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ бы безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади....» Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я таки испугался предстоящей сцены и поскорѣе, по приказанію папаши, сошелъ въ кухню и разспросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить и вдругъ, Богъ вѣсть какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «Ты—негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца; мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты—дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты—дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучаете; когда нибудь вспомните, чтò я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ я недолго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ—подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньгу; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги - охъ!—трудно достаются: надо умѣть да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило—гнило, хило—гнило; немного въ тебѣ мозгу: а еще умнымъ считаешься».—Все это, на разныя манеры повторяемое, я слушалъ съ 8 до 11 часовъ, ровно три часа... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки, но нынѣ они особенно были ужасны для меня. Они продолжались три часа; прекратились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя большею частію и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего-бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ-ли?» на что я отвѣчалъ только: такъ-съ... Я бы нашелся, чтó сказать; но у меня недоставало духу говорить.. Не понимаю, что это такое. А па-

пашѣ это видимо непріятно... Но что же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота.. Впрочемъ что винить папашу!—я виноватъ, одинъ я—причиной этого. Должно быть я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи... Однако чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ, не правда-ли?.. Можно повеселиться!.»

Такова грустная картина дѣтства Добролюбова: провинціальная скука внѣ дома, оскорбительное невниманіе и небрежность въ обращеніи со стороны губернскихъ шутихъ, едва удостоивавшихъ ничтожнаго и неловкаго семинариста величественнаго кивка головы или сухого пріема, а дома — ежеминутныя ожиданія какой-нибудь бури, невыносимыхъ попрековъ и унизительныхъ порицаній. Полное безмолвіе передъ гнѣвомъ отца и мучительное чувство отчужденности отъ него, заставлявшее мальчика тѣмъ крѣпче прижиматься къ страстно любимой матушкѣ, нѣжныя ласки которой однѣ только скрашивали жизнь его. Прибавьте ко всему этому отчужденность Добролюбова отъ большинства своихъ семинарскихъ товарищей. Будучи значительно младше своихъ соклассниковъ, онъ поэтому одному уже не могъ участвовать ни въ ихъ буйныхъ потасовкахъ въ низшихъ классахъ, ни въ кутежахъ — въ высшихъ. Въ то же время и товарищи чуждались его, смотря на него, какъ на своего рода аристократа среди нихъ, такъ какъ онъ былъ сынъ городского священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства, и въ домъ такого важнаго лица немногіе семинаристы отваживались ступать ногою, и неболѣе трехъ-четырехъ было постоянныхъ гостей Добролюбова, которые имѣли случай не только удостовѣриться, что Добролюбовъ не былъ букой, гордымъ и т. п., но и сами могли въ его обществѣ и семействѣ стряхнуть съ своихъ костей семинарскую дикость. Впрочемъ былъ одинъ изъ сотоварищей Добролюбова, нѣкто В. Л., съ которымъ, судя по свидѣтельству самого Добролюбова въ своемъ дневникѣ, онъ стоялъ въ болѣе близкихъ и интимныхъ отношеніяхъ, настолько подчинялся его вліянію, что, по собственнымъ словамъ, боялся его, замѣчалъ каждое его слово, которое могло имѣть отношеніе къ нему, не смѣлъ противорѣчить его мнѣніямъ, любилъ выставлять себя передъ нимъ съ хорошей стороны и пр. Но надо полагать, что это вліяніе не было особенно благотворно. По крайней мѣрѣ

вотъ что пишетъ въ своемъ дневникѣ Добролюбовъ, съ радостью говоря объ избавленіи своемъ отъ этого вліянія:

«Чудное дѣло, какъ подумать, что̀ значитъ школьный товарищъ. Не сойдись я съ нимъ, — я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе. Я-то на него конечно не имѣю вліянія, но онъ на меня довольно значительное. Не могу еще рѣшить, хорошо или худо было это вліяніе, но оно состояло вотъ въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьезнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что только попадется въ глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и надменнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія; изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія многому—насмѣшку надъ этимъ многимъ, изъ внимательности – находчивость. Быть можетъ это мнѣ и пригодится; но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страждетъ теперь мое необъятное самолюбіе.»

Однообразная, монотонная и замкнутая жизнь, чуждая какихъ бы то ни было развлеченій, еще болѣе способствовала тому, что съ каждымъ годомъ Добролюбовъ все болѣе и болѣе зарывался въ книги. Въ домѣ отца онъ нашелъ библіотеку, состоявшую изъ 400 томовъ, въ которой, помимо книгъ богословскаго или религіозно-нравственнаго содержанія, было немало и свѣтскихъ, между прочимъ «Всеобщая исторія» Милотта, «Естественная исторія» Двигубскаго, «Энциклопедическій словарь» Плюшара, «Опытный человѣкъ» Попе, «О разумѣ законовъ» Монтескьё, «О множествѣ міровъ» Фонтенеля и пр. Съ жадностью накинулся юноша на всѣ эти книги, доставая ихъ сверхъ того и со стороны, гдѣ случалось; читалъ онъ сверхъ ученыхъ сочиненій и русскихъ авторовъ, и журналы. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и піитики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ упражненіяхъ по всеобщей исторіи была видна также начитанность. Его возраженія напримѣръ по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова—были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не нашелъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями въ 30, 40 и 100 листовъ по философскимъ темамъ отчасти и изъ русской церковной исторіи.

Не ограничиваясь этими классными сочиненіями, Добролюбовъ рано, 13 уже лѣтъ, обнаружилъ страсть къ авторству, конечно въ видѣ писанія стиховъ, причемъ онъ между прочимъ переводилъ

Горація. Въ 1850 году онъ даже рѣшился послать въ «Москвитянинъ» письмо, прося у редакціи 100 р. и обѣщая за нихъ прислать 40 стихотвореній. «Это, пишетъ онъ въ дневникѣ, давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда нибудь выведутъ меня на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого»... Затѣмъ въ 1852 году онъ послалъ въ редакцію «Сына Отечества» 12 стихотвореній подъ псевдонимомъ Владиміра Ленскаго. Написалъ онъ въ томъ же году три статейки для «Нижегородскихъ Вѣдомостей». Но, по его словамъ, одну цензоръ не пропустилъ,—невиннѣйшую статью—о погодѣ; другія двѣ, кажется, сгибли у редактора, по крайней мѣрѣ доселѣ (т. е. до 20 января 1851 года) остаюсь для нихъ, т. е. онѣ для меня остаются во мракѣ неизвѣстности».

Между тѣмъ шло своимъ путемъ и внутреннее развитіе Добролюбова, переходя тѣ фазы, какія въ то время переживали всѣ люди его поколѣнія. Такъ, первымъ выходомъ изъ дѣтской непосредственности были религіозная экзальтація и суровый аскетизмъ, въ какіе вдался Добролюбовъ съ 17-тилѣтняго возраста. Въ этомъ сказывалось стремленіе пробуждающагося ума отнестись сознательно, серьезно осмыслить то воспитаніе въ духѣ религіознаго благочестія, какое получилъ Добролюбовъ въ домѣ своихъ патріархальныхъ родителей и въ семинаріи. Такъ, по словамъ Кострова, онъ былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ, считалъ за грѣхъ напиться чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубокимъ чувствомъ. Во время говѣнья въ мартѣ 1853 года онъ велъ весьма любопытный дневникъ своихъ прегрѣшеній, подъ заглавіемъ «Психоторіумъ», т. е. углубленіе въ душу:

«7-го марта 1853 г. 1-й часъ пополудни. Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собой. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы Онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени и какъ много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ, затѣмъ человѣкоугодіе и, хотя легкій, смѣхъ съ това-

фищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ...» и т. д., и т. д.

Этотъ ежедневный списокъ «прегрѣшеній» съ благочестивыми укоризнами себѣ велъ Добролюбовъ съ 7 марта до 9 апрѣля, такъ что набралось цѣлыхъ 32 страницы за эти 34 дня. Всѣ они, разумѣется, похожи одинъ на другой; вотъ напр. 29-я страница «Психоторіума»:

«4-го апрѣля 12-й часъ пополудни. Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, непріязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость и притворство, призываніе лукаваго, честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности, чревоугодіе и лакомство» и т. д. Списокъ этихъ прегрѣшеній заключается словами: «Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!»

Но аскетизмъ и самобичеванія не были конечно исключительнымъ содержаніемъ жизни Добролюбова. Рядомъ съ этимъ духовно-нравственнымъ возбужденіемъ шли разнаго рода впечатлѣнія и вліянія, навѣваемыя и книгами, и жизнью. Такъ, рядомъ съ перечисленіями «прегрѣшеній» Добролюбовъ, по собственнымъ словамъ его, «хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій». Вмѣстѣ съ тѣмъ, читая списки грѣховъ, вы видите въ числѣ ихъ первые проблески тревожныхъ сомнѣній, которыя все болѣе и болѣе начинаютъ овладѣвать юношей, и тщетно онъ гонитъ ихъ отъ себя. Начинается для него періодъ рефлексій и романтическихъ порывовъ. Какъ мы видѣли въ описаніи 1 января 1852 г., у него была уже какая-то «одна», провести вечеръ въ обществѣ которой ему было особенно пріятно. Въ то же время съ презрѣніемъ и ненавистью начинаетъ смотрѣть юноша на всю окружающую его пошлость губернской жизни. «Все пошло, глупо, мелко—восклицаетъ онъ въ своемъ дневникѣ—ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца»...

Голова его между тѣмъ наполняется мечтами объ университетѣ, о литературной славѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страстно привязывается къ учителю нѣмецкаго языка, Ивану Максимовичу Сладкопѣвцеву. Привязанность эта, имѣвшая конечно реальныя основанія, въ видѣ благотворнаго вліяніи Сладкопѣвцева на развитіе юноши, тѣмъ не менѣе носила вполнѣ романтическій характеръ, соединяясь съ той безотчетной влюбчивостью къ своимъ любимымъ наставникамъ, какую нерѣдко испытываютъ

17-тилѣтніе мальчики. Такъ Добролюбовъ, еще не видавъ Сладкопѣвцева, успѣлъ уже заочно влюбиться въ него, по однимъ слухамъ, распространивши свое обожаніе даже на внѣшность предмета любви:

«Смутно я постигалъ что-то прекрасное,—говоритъ онъ въ письмахъ Сладкопѣвцеву,—въ этомъ соединеніи понятія: брюнетъ, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный... Не говоря уже о умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю брюнетовъ, уважаю петербургскую академію и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное... Чего ищешь, то обыкновенно скоро находишь; на слѣдующій же день я съ полчаса прогуливался по нижнему корридору и дождался таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо разсмотрѣть вашей физіономіи; но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточенъ былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. Я люблю эти гордыя, энергическія физіономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума, мужества. Признаюсь, я нѣсколько ошибся, когда признавалъ васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, передъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно посматривать на слѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза.»

Это благоговѣйное смотрѣніе вслѣдъ продолжалось около года. Во все это время юноша обожалъ своего учителя издали, не смѣя и думать сблизиться съ нимъ, издали радовался и печалился, боялся и стоялъ горой за своего кумира. Когда случай наконецъ свелъ его съ Сладкопѣвцевымъ, онъ шелъ къ нему съ тѣмъ трепетомъ, съ какимъ идутъ на первое свиданіе. Познакомившись съ учителемъ, Добролюбовъ еще болѣе привязался къ нему:

«Что-то особенно привлекало меня къ нему,— пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, возбуждало во мнѣ болѣе чѣмъ привязанность--какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважаю его, какъ не уважалъ ни одного профессора, ни самаго ректора или архіерея,—словомъ, какъ не уважалъ ни одного начальника. Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его, просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вздумалъ бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько бы отъ того не уменьшилось... Какъ собака, я былъ привязанъ къ нему и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ и т. д.»

Но блаженный міръ золотыхъ мечтаній о славѣ, наукѣ, университетѣ и упоеніе безкорыстнаго дѣтскаго обожанія—все это вскорѣ было разрушено самымъ безжалостнымъ образомъ суро-

вымъ холодомъ жизни. Первыми разсѣялись мечты объ университетѣ, встрѣтивши рѣшительный отпоръ со стороны отца:

«Мнѣ непремѣнно—пишетъ онъ въ дневникѣ—хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого и представилъ только невыгоды университетскаго воспитанія и преимущества академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить; я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ-нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но между тѣмъ я видѣлъ ясно, что для моего отца дѣйствительно очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно будь я порѣшительнѣй, я бы объявилъ, что хочу этого, и что проживу тамъ на 50 цѣлковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображеніе работало, разсудокъ едва сдерживалъ порывы страсти. Счастье или несчастье мое, что у меня нѣтъ крѣпкой воли!.. А то бы надѣлалъ я дѣла. Теперь же случилось такъ, что, по пословицѣ,—«сила есть да воли нѣтъ»,—и все дѣло окончилось тѣмъ, что я раза три поговорилъ съ родными, такъ грустно и жалобно, съ такимъ отчаяннымъ видомъ, который однакожъ никого не тронулъ,—походилъ нѣсколько времени повѣся носъ, помурлыкалъ про себя Кольцова *«Долго-ль буду я сиднемъ дома жить»*, да *«Путь широкій давно»*, да изъ Лермонтова *«Не вѣрь себѣ»* и *«Въ минуту жизни трудную»*, да еще изъ Баратынскаго: *«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти...»* Жутко было мнѣ тогда; но наконецъ папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ слушать ничего не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что этого нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. И стихи Гетё *«невозможное возможно человѣку одному»* не для меня написаны...»

Мечты объ авторствѣ и литературной славѣ въ свою очередь начали колебаться:

«Главнымъ образомъ,—пишетъ Добролюбовъ въ дневникѣ,—соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію увидѣть сѣверную Пальмиру, не по разсчетамъ на превосходство столичнаго образованія; это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслію, а теперь уже начинаю раздумывать, что *«то кровь кипитъ, то силъ избытокъ»*. Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и притомъ я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно, переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?.. Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе *«Мучатъ сомнѣнія душу тревожную»*, а потомъ опять какая-то апатія нападетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается...»

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ потерпѣла жестокое испытаніе и привязанность Добролюбова къ Сладкопѣвцеву. Послѣдняго перевели въ Тамбовъ, и эта утрата довела Добролюбова до крайней степени отчаянья и ожесточенія.

«Боже мой!—пишетъ онъ въ дневникѣ,—люди пристращаются къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ, и они не имѣютъ препятствій для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемой собственностью, если только не принадлежатъ всѣмъ, что́ также не мѣшаетъ всякому насладиться ими... Чѣмъ же виноватъ я, что привязываюсь къ человѣку, превосходнѣйшему творенію Божію? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой же души? Ужели преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту человѣка и, отгадавши, всѣми силами души привязываюсь къ нему? И за что же наказывать меня, за что отнимать у меня счастіе, когда оно такъ чисто, невинно, благородно? Сколько ни имѣй я привязанностей, всегда злая судьба умчитъ отъ меня далеко любимый предметъ, и въ душѣ—тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатичнымъ сердцемъ: слезы сострадательности чаще всѣхъ, бывало, вытекали изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни было. Это было такъ, что я себя не запомню. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сушитъ и охлаждаетъ мое сердце, и нѣтъ ничего мудренаго, что скоро оно будетъ и твердо, и холодно, какъ камень. Вотъ хоть бы и теперь—что̀ вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что за обстоятельства? А между тѣмъ я страдаю, и еще какъ страдаю,—тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя высказать: всѣ станутъ смѣяться. Я бѣшусь только внутренно и произношу тысячу проклятій. Но какія проклятія, какія слова выразятъ то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей. Я пробовалъ всѣ энергическія восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю,—слабо, не выражаетъ... и я попрежнему взволнованъ, и по прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣлалъ бы чортъ знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выцарапалъ бы глаза, откусилъ бы и пальцы тому, который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бѣшеные порывы...»

Всѣ эти разочарованія привели Добролюбова къ мучительному сознанію своего ничтожества передъ обстоятельствами, которыя какъ будто нарочно смѣялись надъ нимъ, разрушая въ прахъ самыя завѣтныя мечты его и вертя имъ по какому-то слѣпому произволу. Тяжелое уныніе и апатія были слѣдствіемъ этого сознанія:

«Я совершенно опустился—пишетъ Добролюбовъ объ этомъ своемъ

состояніи—ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: Къ чему? Что тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти не замѣченнымъ въ твоей жизни и при первой попыткѣ выдвинуться изъ толпы обстоятельства, какъ ничтожнаго червя, раздавятъ тебя.. И ничего ты не додѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, несмотря на всю твою самонадѣянность, и припомнился мнѣ жолчный стихъ Лермонтова: «*Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!*»

Это былъ кризисъ, послѣ котораго энергія воскресла съ новой силой и напряженностью, но это была энергія не романтическихъ порывовъ, а сознательной борьбы съ гнетущими обстоятельствами. Юноша впервые трезво взглянулъ на свое положеніе и созналъ, что даромъ ему ничего не дастся, что достигнуть чего нибудь онъ можетъ только усидчивымъ, кропотливымъ трудомъ, и въ немъ появились первые проблески новаго идеала,—идеала положительнаго труженика, который, энергически стремясь къ высокимъ цѣлямъ, не пренебрегаетъ въ то же время матеріальными условіями жизни, сознаетъ ихъ неотразимость и старается принимать ихъ въ соображеніе при каждомъ своемъ шагѣ:

«Тогда я все собирался ѣхать въ университетъ,—пишетъ онъ объ этой перемѣнѣ въ началѣ 1853 года,—и между тѣмъ ничего не дѣлалъ: нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнить. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ сберегается въ четыре года около 100 р. сер.,—вещь не маловажная. Кромѣ того замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ это не диво: я люблю наблюдать надъ собой), что я сдѣлался гораздо серьезнѣе, положительнѣе, чѣмъ прежде. Бывало я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать: науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать—для самого себя—безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, разсчитывая на славу, разсчитываю вмѣстѣ на барыши, хотя не могу еще отказаться отъ плана—употребить ихъ опять-таки для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода они ни были, и сгораю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я большею частью предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны.. Поэтому-то я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлъ библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю чаще для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе я пока не

простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываньемъ, списываньемъ и писаньемъ.»

Замѣчательное вліяніе на этотъ кризисъ имѣло чтеніе Добролюбовымъ беллетристовъ 40-хъ годовъ, —вліяніе, котораго не избѣгали въ тѣ годы всѣ сверстники Добролюбова. Изображенія сентиментальныхъ мечтателей вродѣ Адуева или безхарактерныхъ и безвольныхъ Гамлетовъ вродѣ Вихляева, Шамилова и проч. спускали молодыхъ людей изъ заоблачныхъ высотъ на землю, возбуждали ихъ молодую энергію къ развитію въ себѣ характера и воли. То же самое испыталъ и Добролюбовъ:

«Въ началѣ прошлаго года—пишетъ онъ все о томъ же своемъ возрожденіи—я какъ-то все сбивался; хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать какъ Чацкій, а между тѣмъ представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова. Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то по крайней мѣрѣ созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы, и мало по малу исправляюсь теперь. Конечно много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сказать, что и чтеніе «Богатаго жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ, можетъ быть онъ помогъ мнѣ, чтобы я со временемъ лучше могъ поблагодарить его...»

Прямое слѣдствіе всего этого пережитаго въ 17 лѣтъ кризиса было то, что Добролюбовъ почувствовалъ себя выросшимъ изъ рамокъ семинарскаго ученія и далѣе оставаться въ семинаріи сдѣлалось для него немыслимо. Такъ какъ отецъ Добролюбова наотрѣзъ отказалъ сыну въ поступленіи въ университетъ, то Добролюбовъ рѣшилъ поступить въ с.-петербургскую Духовную Академію. На это дѣло старикъ согласился легче; не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о его молодости, но юноша представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было слажено.

По свидѣтельству Лебедева, въ 1853 году былъ вызовъ изъ богословскаго класса (высшее отдѣленіе семинаріи) въ с.-петербургскую Духовную Академію, и что отправили двоихъ, въ томъ числѣ Добролюбова. Но это сомнительно. Если и былъ такой вызовъ въ 1853 году, то онъ могъ касаться лишь воспитанниковъ, кончившихъ въ томъ году семинарскій курсъ. По крайней мѣрѣ Добролюбовъ ни слова не говоритъ ни о какомъ вызовѣ, а дѣло представляетъ въ такомъ видѣ, что послѣ долгихъ колебаній были

написаны Добролюбовымъ двѣ просьбы: одна—къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу Протасову, другая—мѣстному архіерею, и 13 марта 1853 года прошеніе Протасову было отправлено въ Петербургъ, а 4-го августа Добролюбовъ поѣхалъ въ Петербургъ, въ сопутствіи товарища своего Ивана Гавриловича Журавлева, который, какъ оказывается, одинъ только ѣхалъ въ Духовную Академію по вызову.

II.

Поступленіе Добролюбова въ Педагогическій институтъ.—Занятія его и отношенія къ профессорамъ и товарищамъ.—Потеря матери и отца и послѣдствія ея.

Трогательное впечатлѣніе производитъ первое письмо Добролюбова къ своимъ родителямъ, писанное дорогой, въ Москвѣ 6-го августа, и вполнѣ рисующее юношу нѣжнымъ маменькинымъ сыночкомъ, только-что оперившимся и вылетѣвшимъ изъ родительскаго гнѣзда птенцомъ.

«Воображаю, милые мои папаша и мамаша,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ,—съ какимъ мучительнымъ безпокойствомъ смотрѣли вы вслѣдъ удалявшемуся дилижансу, который оторвалъ меня отъ родимаго края. Васъ тревожила не столько горесть разставанья, сколько страхъ грядущихъ непріятностей, которыя могли встрѣтиться со мной на невѣдомомъ пути. Но Богъ, Которому молились такъ усердно всѣ мы, и особенно вы, мамаша, милосердый Богъ сохранилъ меня цѣла и невредима...»

Снарядивъ въ дальнюю дорогу милаго сынка, заботливая матушка не преминула снабдить его цѣлымъ ворохомъ всякаго рода печеній и вареній, и Добролюбовъ въ томъ-же письмѣ считаетъ нужнымъ сообщить, что «до самой Москвы мы продовольствовались почти однимъ домашнимъ запасомъ, а чаю, я полагаю, и въ Петербургѣ мнѣ не выпить: ужасающее количество; мятныхъ лепешекъ станетъ на цѣлую вѣчность, по замѣчанію Ивана Гавриловича».

Успокоивъ такимъ образомъ заботливость своей матушки, безъ сомнѣнія тревожившейся, хватитъ-ли сынку запасовъ на дорогу и не пришлось-бы ему прохарчиться, Добролюбовъ затѣмъ обращается къ папашѣ, которому тоже знаетъ чѣмъ угодить: ему онъ сообщаетъ, какъ онъ лазилъ на колокольню Симонова монастыря и ходилъ съ товарищемъ въ Новоспасское принять благословеніе высокопреосвященнаго Филарета: «онъ еще свѣжъ, сообщаетъ Добролюбовъ, сѣдъ меньше васъ, папаша, но говорить едва

можетъ какъ слѣдуетъ въ церкви. Я стоялъ отъ него черезъ три человѣка и едва могъ разслушать нѣкоторыя слова изъ Евангелія, которое онъ читалъ на молебнѣ».

Изъ Москвы Добролюбову пришлось въ первый разъ въ жизни ѣхать по желѣзной дорогѣ, и во второмъ письмѣ домой уже изъ Петербурга онъ простодушно признается, что въ Нижнемъ онъ представлялъ себѣ вагонъ просто экипажемъ, а каково-же было его удивленіе, когда вагонъ оказался маленькимъ четвероугольнымъ домикомъ, настоящимъ ноевымъ ковчегомъ, состоящимъ изъ одной большой комнаты, въ которой надѣланы скамейки для пассажировъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Добролюбовъ первымъ дѣломъ испыталъ непріятность, какой приходится подвергаться многимъ такимъ-же неопытнымъ провинціаламъ, какъ былъ онъ. Когда вышли они съ товарищемъ изъ вокзала, лилъ дождь, осенній, мелкій, споркій. Наняли извозчика за 25 к. сер. до Духовной Академіи. Смотрятъ, довезъ ихъ извозчикъ до Казанскаго моста и остановился: «здѣсь» — говоритъ. Спрашиваютъ будочника, гдѣ пайти академію (а Добролюбовъ ужъ зналъ, что у Казанскаго моста нѣтъ ея); будочникъ указалъ имъ, и ихъ привезли на Васильевскій островъ, условившись, что еще четвертакъ должны они отдать извозчику. Пріѣхали—смотрятъ Академія Художествъ!..

— Что ты за болванъ, братецъ мой! восклицаетъ Добролюбовъ: — куда ты меня завезъ?

— Да куда-же, сударь? Мы только и знаемъ, что одну Микодемію; развѣ еще есть какая?

Дѣлать нечего, растолковали кое-какъ, что Духовная Академія и Невская лавра значитъ то-же, что Невскій монастырь, и что тутъ-же Невскій проспектъ. Извозчикъ понялъ наконецъ, но очень основательно началъ доказывать, что, провезши ихъ за полтинникъ, онъ не иначе можетъ довезти обратно, какъ за полтинникъ-же. Дождикъ продолжалъ лить, чемоданы были довольно тяжелы, пришлось согласиться. Въ этомъ фактѣ Добролюбовъ впослѣдствіи видѣлъ предзнаменованіе того, что ему суждено учиться не въ Духовной академіи, а въ Педагогическомъ институтѣ и выставлялъ его даже въ письмѣ къ родителямъ какъ указаніе свыше.

Въ академіи Добролюбовъ увидалъ всѣхъ земляковъ, кончившихъ здѣсь курсъ, сходилъ въ столовую академическую, былъ у всенощной, послѣ того былъ представленъ инспектору, и тотъ сообщилъ ему, что до окончанія экзаменовъ онъ долженъ жить на

частной квартирѣ. Земляки заранѣе уже отыскали ему комнатку недалеко отъ Академіи за три рубля сер. въ мѣсяцъ; столъ-же ему хозяинъ квартиры согласился давать по 35 к. въ день.

Думалъ-ли Добролюбовъ, когда переносилъ свои бѣдныя семинарскія пожитки въ нанятое помѣщеніе, что случайный наемъ комнатки имѣлъ роковое значеніе въ его жизни, перевернулъ всю его дальнѣйшую судьбу. Въ сущности это была не отдѣльная комнатка, а лишь часть ея, то, что называется у насъ «уголъ». Въ другомъ-же углу той же комнаты поселился студентъ Педагогическаго института,—одинъ изъ тѣхъ, которые годъ назадъ поступили въ институтъ, не выдержавши экзамена въ академію. Студентъ поселился въ углу на время, такъ какъ пріѣхалъ изъ провинціи раньше срока отпуска на каникулы; студенты-же Педагогическаго института, никуда не уѣхавшіе, жили еще на казенной дачѣ. Вотъ съ этой самой дачи пришелъ къ нему товарищъ и сообщилъ: «въ институтѣ, братъ, слезы; на 56 вакансій явилось только 23 человѣка и изъ числа ихъ только 20 могли быть допущены къ экзамену, потому что изъ трехъ остальныхъ одному 18 лѣтъ, другому—14, третій—какой-то отчаянный. Черезъ нѣсколько дней еще былъ экзаменъ: явилось пять человѣкъ, и всѣ приняты почти безъ экзамена».

Это извѣстіе исполнило Добролюбова сильной тревогой. Педагогическій институтъ уступалъ во многомъ университету, но все-таки, какъ высшее заведеніе свѣтскаго характера, болѣе улыбался ему, чѣмъ академія. Къ тому-же казенное содержаніе студентовъ института отлично рѣшало денежный вопросъ, стоявшій поперекъ поступленія въ университетъ. Въ то же время студенты института внушили Добролюбову, что ничто не мѣшаетъ ему попытаться держать пріемные экзамены въ институтъ одновременно съ академическими, такъ какъ институтское начальство допускаетъ къ экзаменамъ безъ предварительнаго представленія документовъ. Если-же отцу будутъ угрожать какія-либо непріятности со стороны духовнаго начальства за то, что сынъ поступилъ въ институтъ вмѣсто академіи, то можно будетъ нарочно провалиться на академическихъ экзаменахъ.

Извѣстивши обо всемъ этомъ родителей, Добролюбовъ вечеромъ 12-го числа отправился къ инспектору института, А. Н. Тихомандритскому, и спросилъ его, можно-ли держать экзаменъ безъ документовъ, которые представитъ послѣ, объяснилъ обстоятельно все дѣло и получилъ позволеніе явиться на экзаменъ 17

числа. Въ тотъ-же самый день назначенъ былъ экзаменъ въ академіи. Поэтому вечеромъ 16 числа Добролюбовъ послалъ товарищу Журавлеву записку, что зубная боль препятствуетъ ему быть на экзаменѣ. На другой день пошелъ онъ въ институтъ вмѣстѣ съ сыномъ вятскаго ректора. Пришедши туда, прежде всего долженъ онъ былъ написать сочиненіе: «О его призваніи къ педагогическому званію».«И какъ написать что нибудь дѣльное,—повѣствуетъ онъ въ письмѣ къ родителямъ,—на такую пошлую тему было трудно, то я и напичкалъ туда всякаго вздору: и то, что я хорошо учился, и то, что я имѣю иногда страшную охоту научить кого-нибудь, и то, что мнѣ 17 лѣтъ, и то, что мнѣ самому прежде очень хочется поучиться у своихъ знаменитыхъ наставниковъ. Знаменитый наставникъ посмотрѣлъ сочиненіе, посмѣялся, показалъ другимъ и рѣшилъ, что оно написано очень хорошо».

На экзаменѣ Добролюбовъ вышелъ прежде всего къ Лоренцу, который проштудировалъ его по всей всеобщей исторіи и заключилъ: «Вы очень хорошо знаете исторію!» Это ободрило юношу, и съ веселымъ духомъ держалъ онъ экзамены по другимъ предметамъ, а послѣ нихъ подошелъ къ инспектору и спросилъ его: «Александръ Никитичъ! позвольте узнать, могу-ли я надѣяться поступить въ институтъ! Иначе я могу еще теперь обратиться въ Академію».

Инспекторъ вмѣсто отвѣта развернулъ списокъ и, показавъ экзаменующемуся его баллы, довольно высокіе, сказалъ: «Помилуйте, а это что-же!».

Затѣмъ 20 числа былъ другой экзаменъ. Въ этотъ день поутру Добролюбовъ спросилъ инспектора, не нужно-ли представить документы. Тотъ отвѣчалъ:

— Вы только держите экзаменъ такъ, какъ начали, и все будетъ хорошо. Объ этомъ не безпокойтесь!..

По окончаніи экзамена инспекторъ поздравилъ Добролюбова съ поступленіемъ. На другой день былъ докторскій осмотръ поступающихъ. Добролюбовъ оказался здоровымъ, и съ этой стороны препятствія на поступленіе не было. «Затѣмъ въ этотъ-же день,—повѣствуетъ далѣе Добролюбовъ въ томъ-же письмѣ,—21-го числа позвали насъ въ конференцію и директоръ прочиталъ: «Принимаются такіе-то безусловно». Такихъ нашлось человѣкъ 12; меня не было. «Безъ благословенія родителей нѣтъ счастія», подумалъ я. Но директоръ началъ снова: «затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые хотя оказались хорошими, даже очень хорошими по всѣмъ предме-

тамъ, но слабы или въ нѣмецкомъ, или во французскомъ языкѣ, и потому (тутъ, можете себѣ представить, онъ остановился и закашлялся; я задрожалъ) могутъ быть приняты только съ условіемъ, что они къ первымъ зимнимъ праздникамъ окажутъ свои успѣхи въ этихъ языкахъ! Въ этотъ разрядъ попала большая часть семинаристовъ, и я первый».

Каково-же было разочарованіе Добролюбова, когда, вернувшись изъ института домой, онъ нашелъ письмо, въ которомъ отецъ, не одобряя его самовольнаго поступка, писалъ ему, что если онъ не поступитъ въ Академію, хотя-бы даже послѣднимъ, онъ осрамитъ и себя, и своихъ родителей, и семинарію, и что онъ не ожидалъ отъ него такого легковѣрія. Какъ велико было отчаяніе юноши, объ этомъ можно судить по слѣдующему письму, отлично характеризующему отношеніе Добролюбова къ родителямъ:

«Простите меня, мои милые, родные мои, папаша и мамаша, которыхъ такъ много люблю и почитаю я въ глубинѣ души моей. Простите моему легкомыслію и неопытности! Я не устоялъ въ своемъ послѣднемъ намѣреніи, и письмо ваше пришло уже слишкомъ поздно — къ вечеру того дня, въ который по утру объявленъ я студентомъ главнаго Педагогическаго института. Не оправдалъ я надеждъ и ожиданій вашихъ, и - горе непослушному сыну! Тоска, какой никогда не бывало, надрывала меня эти два дня, и только Богу извѣстно, сколькихъ слезъ, сколькихъ мукъ, безплоднаго раскаянья стоило мнѣ послѣднее письмо ваше!.. Горе же мнѣ, несчастному своевольнику, —читаемъ мы въ заключеніе письма - безъ благословенія родителей! Я чувствую, что не найду счастія съ одной своей неопытностью и глупостью. Неужели же оставите вы меня, столь много любившіе меня, такъ много желавшіе мнѣ всего добраго? Неужели по произволу пустите вы меня за мою вину предъ вами! Простите, умоляю васъ! Простите и требуйте, чего хотите, чтобы испытать мое послушаніе. Скажите слово — и я явлюсь тотъ-же часъ изъ института, ворочусь въ семинарію и потомъ пойду, куда вамъ будетъ угодно, хоть въ казанскую Академію. Лучше вытерпѣть всѣ муки раздраженнаго самолюбія, разбившихся надеждъ и несбывшихся мечтаній, чѣмъ нести на себѣ тяжесть гнѣва родительскаго. Я вполнѣ испыталъ это въ послѣдніе дни послѣ полученія вашего письма. Избавьте-же меня отъ этого состоянія, простите, простите меня... Я знаю, что вы меня любите.. Не смѣю подписаться тѣмъ, чѣмъ недавно я сдѣлался, чтобы не раздражать васъ.. Но все еще надѣюсь, что вы позволите мнѣ назваться сыномъ вашимъ Добролюбовъ.»

Но опасенія какихъ-либо непріятностей, ожидавшихъ будто бы отца Добролюбова отъ духовнаго начальства вслѣдствіе поступка сына, оказались напрасными. Архіерей отнесся къ факту поступленія Добролюбова въ институтъ, напротивъ того, одобрительно и высказалъ удовольствіе успѣхамъ, съ какимъ выдержалъ экзаменъ въ высшее свѣтское учебное заведеніе воспитанникъ семинаріи, на-

ходившейся подъ его начальствомъ. Вслѣдствіе этого отецъ Добролюбова смѣнилъ гнѣвъ на милость и послалъ сыну разрѣшеніе на поступленіе въ институтъ, исполнившее его неописанной радости и восторга.

Двадцать четвертаго августа Добролюбовъ, забравши свои документы изъ академіи, переселился въ институтъ, чувствуя себя на седьмомъ небѣ. Первыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ института, были самыя свѣтлыя. По крайней мѣрѣ жизнь свою въ институтѣ и всѣ порядки онъ расписывалъ въ письмахъ роднымъ и знакомымъ радужными красками.

«Въ столовой насъ кормятъ,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ родственникамъ,—обыкновенно довольно хорошо: каждый день щи или супъ, потомъ какой нибудь соусъ—картофельный, брюквенный, морковный, капустный (этого я впрочемъ никогда не ѣмъ: какъ-то приторно и непріятно); иногда же вмѣсто этого какія-нибудь макароны, сосиски и т. п.; наконецъ всегда бываютъ или пирожки, или ватрушки. По воскресеньямъ прибавляются еще въ видѣ дессерта слоеные пирожки. Все это не важная вещь, но хорошо то, что каждому ставятъ особый приборъ, никто не стѣсняетъ, хочешь ѣсть,—подадутъ еще тарелку, словомъ—какъ будто дома! Это не то, что въ академіи, гдѣ, кажется, нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ хлебаютъ изъ общей чаши. Лекціи здѣсь, кромѣ двухъ-трехъ, читаются превосходныя. Директоръ очень внимателенъ, инспекторъ—просто удивительный человѣкъ по своей добротѣ и благородству. Начальство вообще превосходное и держитъ себя къ воспитанниками очень близко. Напримѣръ, недавно одинъ студентъ говорилъ съ инспекторомъ, что̀ ему дѣлать съ нѣмецкимъ языкомъ, котораго онъ не знаетъ. Инспекторъ успокоилъ его; въ это время подошелъ я, и онъ, указывая на меня, сказалъ: «Да вотъ вамъ, посмотрите, г. Добролюбовъ тоже по французски не знаетъ, т е. совсѣмъ не знаетъ и не учился, а я увѣренъ, что онъ будетъ у насъ отличный студентъ, лучше этихъ гимназистовъ...» Слыша такіе отзывы, видя такую внимательность, невольно захочешь заниматься, и весело работаешь, зная, что трудъ не останется безъ вознагражденія. Да и трудъ-то по душѣ...»

Въ этомъ сказывается крайняя невзыскательность юноши, неизбалованнаго бѣдной обстановкой жизни въ родительскомъ домѣ; съ другой же стороны желаніе всячески оправдать передъ родителями свой поступокъ и показать имъ, что шагъ, сдѣланный имъ, какъ нельзя болѣе удаченъ и основателенъ. Этимъ же объясняются и всѣ тѣ мѣста писемъ Добролюбова домой, въ которыхъ онъ геройски стоитъ за институтъ и старается всячески опровергнуть тѣ слухи объ упадкѣ института, какіе распространялись бывшими его воспитанниками. Такъ, въ письмѣ своему зятю М. А. Кострову, отъ 11 сентября 1857 г., онъ пишетъ между прочимъ:

«Скажите пожалуйста моимъ роднымъ, чтобы они не вѣрили различнымъ нелѣпостямъ, разсказываемымъ какимъ нибудь П. И. Н. Положимъ, что онъ 15 лѣтъ учителемъ, но тѣмъ не менѣе онъ ничего не смыслитъ касательно Педагогическаго института. Желательно бы знать напримѣръ, на какихъ данныхъ основано извѣстіе, что Педагогическій институтъ упадаетъ, и въ какомъ смыслѣ должно понимать его? Что касается самаго зданія, то оно, могу васъ увѣрить, стоитъ цѣло и невредимо, даже не покривилось на одинъ бокъ. Въ отвлеченномъ смыслѣ тоже, кажется, нельзя найти признаковъ упадка. Директоръ нашъ, И. И. Давыдовъ, давно уже извѣстенъ ученостью своей и трудами. Профессора—все славные, и большею частью заслуженные; предметомъ своимъ каждый изъ нихъ занимается навѣрное лучше какого нибудь... Да и во всякомъ случаѣ такіе профессора, какъ Лоренцъ, Устряловъ, Срезневскій, Благовѣщенскій, Михайловъ, Ленцъ, Остроградскій и другіе не ударятъ лицомъ въ грязь никакого заведенія. Стало быть упадокъ въ ученикахъ? Такъ это еще Богъ вѣсть, гдѣ они лучше—въ академіи или здѣсь. И сюда поступаютъ многіе семинаристы и во всякомъ случаѣ могутъ украсить это заведеніе своими богословскими и философскими познаніями. Увѣрьте-же, пожалуйста, и увѣрьте всѣхъ тамъ, что моя особа ничего, ровно ничего не потеряла, попавши въ институтъ, а не въ академію, и что ежели и суждено когда нибудь упасть институту, то я по всей вѣроятности не дождусь этого (развѣ будетъ сильное наводненіе: онъ стоитъ на самомъ берегу Невы...»)

Рѣшивши свою участь поступленіемъ въ институтъ и добившись того, о чемъ мечталъ въ послѣдній годъ семинарскаго курса, Добролюбовъ имѣлъ возможность наконецъ оглядѣться вокругъ себя и ближе познакомиться съ городомъ, куда кинула его судьба. Но, какъ это часто случается у насъ съ выходцами изъ провинцій, Петербургъ не особенно поразилъ его своими столичными красотами, и тщетно товарищи-семинаристы ждали отъ него пышныхъ описаній ихъ, заподозрили даже въ гордости и черствости, въ чемъ и самъ Добролюбовъ готовъ былъ заподозрить себя, какъ это мы видимъ изъ письма его къ М. И. Благообразову 11 сентября 1853 г.

«Жалѣю, право, что я такой черствый человѣкъ... Цѣлый мѣсяцъ въ Петербургѣ, и ни строчки о немъ не сказалъ никому въ своихъ письмахъ. Я разъ пять, десять по крайней мѣрѣ прошелъ насквозь весь Невскій проспектъ, гулялъ по гранитной набережной, переходилъ висячіе мосты, глазѣлъ на Исаакія, былъ въ Лѣтнемъ саду, въ Казанскомъ соборѣ, созерцалъ картины Тиціана и Рубенса, и все это произвело на меня весьма ничтожное впечатлѣніе. Только однажды вечеромъ видъ взволнованной Невы нѣсколько поразилъ меня, и то болѣе потому, что я стоялъ въ это время на мосту, который колебался подъ моими ногами и будто двигался съ своего мѣста, такъ что я вздрогнулъ въ первый разъ, какъ примѣтилъ это движеніе. Былъ я здѣсь въ театрѣ, видѣлъ Каратыгина, Мартынова, Максимова и др. Игра Каратыгина сначала заставила меня забыть, что я въ театрѣ и что это игра: такъ просто и естественно выходитъ у него каждое слово.

Потому я не вдругъ даже понялъ, какъ много таланта и труда нужно для такой игры: мнѣ казалось это такъ просто, что не за что и хвалить Каратыгина. Уже по приходѣ домой раскусилъ я загадку...»

Этому равнодушію къ красотамъ Петербурга много содѣйствовала и тоска по родинѣ, естественно овладѣвшая Добролюбовымъ, какъ только кончились всѣ его хлопоты и мытарства по поступленію въ институтъ и по освоеніи съ новой жизнью. Онъ никому не выражалъ этой тоски, между тѣмъ она проглядываетъ во многихъ письмахъ къ роднымъ, начиная съ самаго обилія этихъ писемъ, посылаемыхъ не только отцу и матери, но и разнымъ родственникамъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ. Особенно тоска эта должна была усиливаться въ дни семейныхъ праздниковъ, которые Добролюбову приходилось теперь проводить въ разлукѣ съ родными. Такъ, въ письмѣ 1 октября 1853 г., онъ между прочимъ пишетъ матери:

Я помню малѣйшія обстоятельства того, какъ мы бывало праздновали день именинъ вашихъ, и дай Богъ нынѣ праздновать вамъ его еще веселѣе, еще радостнѣе прежняго... Это легко можетъ быть, когда вы представите, что нынѣ сынъ вашъ находится на гораздо лучшемъ мѣстѣ, чѣмъ прежде, что онъ любитъ васъ такъ же сильно, какъ прежде, и даже еще болѣе ощущаетъ въ себѣ это чувство любви, ничѣмъ теперь не возмущаемое и не затемняемое, ни тѣнью неудовольствія, своенравія, ослушанія, которыми бывало я такъ часто огорчалъ васъ! Съ спокойной и свѣтлой душой, съ радостнымъ сердцемъ приношу я вамъ поздравленіе съ днемъ вашего ангела и молю Господа, да подастъ онъ вамъ здоровье, долголѣтіе, радость, миръ и спокойствіе.. Пусть весь кружокъ родныхъ, которыхъ я поздравляю съ дорогой именинницей, восполнитъ своей внимательностью мое отсутствіе на вашемъ мирномъ праздникѣ.»

Та же тоска конечно внушила Добролюбову ту особенную, страстную нѣжность, съ какой обращался онъ къ своимъ родителямъ въ письмахъ къ нимъ. Такъ, въ письмѣ 6 октября мы читаемъ:

«Просвѣщенный филологическими наставленіями Срезневскаго и прочихъ, я съ увѣренностью полагаю теперь, что русскій языкъ хотя весьма силенъ, звученъ и выразителенъ, но не имѣетъ достаточной мягкости и нѣжности для выраженія глубочайшихъ чувствованій любящаго сердца. Какъ напримѣръ порусски назову я васъ, папаша и мамаша, милый, добрый, дорогой и пр., и пр., все—это согласитесь—выражаетъ слишкомъ мало. Поэтому впредь я отказываюсь передавать вамъ свои чувства подобными эпитетами и называю васъ просто—папаша и мамаша—безъ всякихъ прибавленій, надѣясь, что и эти два слова очень достаточно выражаютъ сущность нашихъ взаимныхъ отношеній...»

Въ письмѣ же къ М. А. Кострову 4 ноября онъ дѣлаетъ слѣдующую приписку:

«Я не говорю вамъ о моей благодарности за то участіе, которое вы принимали въ милой моей мамашѣ. Но не могу не просить васъ, еще и еще разъ, будьте добры къ нимъ по прежнему, постарайтесь утѣшить мамашу, успокоить, развеселить, если опять она будетъ грустить обо мнѣ. Скажите, что меня одна только и тревожитъ мысль, не плачетъ-ли обо мнѣ мамаша, не тревожится-ли папаша. Болѣе всего умоляю васъ, ради Бога, не смѣйтесь надъ щекотливымъ чувствомъ материнской любви. Въ одномъ изъ писемъ мамаши есть выраженіе, которое заставляетъ думать, что вы (т. е. не вы собственно, а всѣ наши родные вообще) забавляетесь этимъ. Но я здѣсь очень хорошо понимаю, что это чувство святое и великое, и что нужно болѣе чтить его...»

Впрочемъ Добролюбову некогда было слишкомъ предаваться тоскѣ по дому. Вскорѣ начались занятія и поглотили всего его. Увлеченіе факультетскими предметами было такъ велико, что въ первое же полугодіе перваго курса, сверхъ ученія греческаго языка, римскихъ классиковъ, нѣмецкой литературы и географіи, онъ успѣлъ подать проф. Срезневскому тетрадь собранныхъ имъ словъ Нижегородской губерніи, а къ 15-му декабря приготовилъ проф. Лебедеву сочиненіе по словесности, избравъ темою сравненіе перевода «Энеиды» Шершеневича съ подлинникомъ. Сверхъ того онъ усиленно занялся изученіемъ французскаго языка. Классы лектора этого языка Кресси затрудняли его вслѣдствіе незнанія послѣднимъ русскаго языка; и вотъ онъ приступилъ къ самостоятельному изученію французскаго языка, вооружившись романомъ «Les Mystères de Paris», и цѣлыхъ два мѣсяца, не выпуская изъ рукъ, носился онъ съ этимъ романомъ, пока не одолѣлъ его до конца.

По воспоминаніямъ одного изъ товарищей Добролюбова, Радонежскаго, Добролюбовъ владѣлъ особеннымъ искусствомъ налету схватывать мысль профессора и записывалъ такъ, что записки его по всѣмъ предметамъ, впродолженіи всего курса, служили источникомъ, откуда каждый студентъ, обязанный поочередно составлять лекціи профессору, бралъ все необходимое. Черезъ годъ Добролюбовъ дошелъ до такого умѣнья записывать профессорскія лекціи, что, не опуская въ нихъ ничего существенно важнаго, успѣвалъ еще пародировать иную лекцію. Эти пародіи иногда со смѣхомъ читались въ аудиторіяхъ и дортуарахъ.

При отличныхъ способностяхъ Добролюбовъ владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіи, онъ никогда не терялъ времени на «черную» работу, т. е. на переписку, на составленіе лекцій, на репетиціи. Онъ читалъ читалъ вездѣ и всегда, по временамъ внося содер-

жаніе прочитаннаго въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библіографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ зарабатывалъ себѣ копѣйку,—въ шкафѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ, и полки въ шкафѣ ломились...

Все это невольно обратило на него вниманіе, какъ начальства, такъ и товарищей. Вслѣдствіе того что онъ прекрасно выдержалъ пріемный экзаменъ, его сдѣлали старшимъ въ той камерѣ института, гдѣ онъ былъ помѣщенъ. Скоро сотоварищи Добролюбова убѣдились въ его превосходствѣ надъ собой. Какъ у словесниковъ, у нихъ часто заходили споры о литературѣ. Въ этихъ спорахъ скоро Добролюбовъ показалъ свою начитанность, какую было трудно представить въ семинаристѣ, и силу горячаго убѣжденія, и недовѣрчивость къ словамъ съ каѳедры. Неохотно приступали товарищи Добролюбова къ славянской филологіи. Добролюбовъ же съ первой лекціи И. И. Срезневскаго полюбилъ и предметъ, и профессора. Профессоръ впослѣдствіи самъ горячо полюбилъ своего слушателя и не въ примѣръ прочимъ иногда звалъ его на лекціи по имени и отчеству.

«Если не всѣ любили Добролюбова,—говоритъ между прочимъ Радонежскій въ своихъ воспоминаніяхъ, - не всѣ соглашались съ нимъ, но положительно говорю,—всѣ его уважали. Смѣло можно сказать: всѣ мы, его товарищи, обязаны многимъ и многимъ Н. А— чу, какъ студенту, откликавшемуся на все, за всѣмъ современнымъ слѣдившему. Большая часть изъ насъ у него искали разъясненія на многіе вопросы, съ которыми не могли сами совладать. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ; но эти убѣжденія его были свои, этотъ пылъ, эта искренняя откровенность были всегдашней, неизмѣнной принадлежностью благородной натуры Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что̀, по его убѣжденію, не было добро и правда...

Но при всемъ своемъ углубленіи въ научныя занятія Добролюбовъ никогда не представлялъ изъ себя педанта, глухого и слѣпого ко всему, что происходило вокругъ. Напротивъ того, чтобы онъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьезнымъ и срочнымъ трудомъ ни занимался, всегда съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живого разговора, откровенной бесѣды, которые при его участіи, начинаясь литературой или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе. Онъ еще и тогда относился

къ этимъ послѣднимъ слишкомъ строго для 17-ти лѣтняго юноши. Направленіе таланта Добролюбова, по словамъ Радонежскаго, впослѣдствіи такъ ярко обнаруженное имъ, прорывалось еще очень рано. Въ то же время міросозерцаніе Добролюбова впродолженіи всего перваго курса оставалось нетронутымъ въ томъ видѣ религіозной экзальтаціи, въ какомъ выработалось оно въ семинаріи. Такъ, въ письмѣ къ родителямъ 18 ноября онъ разсказываетъ о чудѣ, случившемся съ нимъ на репетиціи пр. Устрялова,—«обстоятельствѣ, которое онъ считаетъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и которому подобныхъ примѣчалъ уже не разъ въ своей жизни».«Я все думаю,—замѣчаетъ при этомъ Добролюбовъ,—что ваши молитвы хранятъ меня», и далѣе повѣствуетъ, какъ Устряловъ спросилъ его совсѣмъ не о томъ, что онъ приготовлялъ, и ему угрожало срѣзаться. Но съ утра онъ молился объ отвѣтѣ; въ томъ критическомъ положеніи онъ вспомнилъ о молитвѣ и дрожащимъ голосомъ началъ читать о норманахъ. И вдругъ профессоръ остановилъ его и началъ задавать все такіе вопросы, на которые ему ничего не стоило отвѣтить. Во всемъ этомъ Добролюбовъ видитъ явный перстъ Провидѣнія, предохранившій его отъ ложной гордости и показавшій, на Кого онъ всегда долженъ надѣяться.«И я счастливъ,—заключаетъ онъ свой разсказъ,—теперь тѣмъ, что созналъ эту истину. Для всякаго другого, даже самаго близкаго мнѣ человѣка, это обстоятельство само по себѣ не важно; но я разсказываю вамъ его, потому что изъ самаго разсказа вы можете видѣть мою настроенность». Участвуя вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ въ патріотическомъ настроеніи по случаю съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгоравшейся севастопольской войны, читая и сообщая родителямъ рукописные и печатные стихи, массами ходившіе по рукамъ, Добролюбовъ передаетъ между прочимъ въ письмѣ 12 февраля 1854 г. два слуха, ходившіе въ то время въ народѣ;—одинъ о томъ, какъ въ одномъ сраженіи съ турками явилась чудная Дѣва и поборола русскимъ, и какъ однажды ночью явился государю какой-то монахъ, сказавъ: «не бойся, будь твердъ и мудръ, какъ прежде», и исчезъ. При этомъ Добролюбовъ замѣчаетъ, что во времена чрезвычайныхъ политическихъ событій часто случаются чрезвычайныя явленія и въ мірѣ нравственномъ, и что онъ передаетъ, правда, только слухъ, но такой слухъ, которому сердце его хотѣло бы вѣрить.

Между тѣмъ жизнь не замедлила двумя жестокими ударами

нарушить эту дѣтскую безмятежность чистой души юноши и, сразу обрушивъ на его голову массу тяжкаго горя, исполнить его мучительными сомнѣніями, доводившими въ первыя минуты до мрачнаго ожесточенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнуть отъ природы крѣпкое здоровье его.

Первымъ ударомъ была смерть страстно любимой имъ матери, послѣдовавшая 8 марта 1854 года. Долго скрывали отъ Добролюбова родные эту страшную потерю, стараясь медленно подготовить его къ ней. Зинаида Васильевна была уже въ могилѣ, когда онъ получилъ первое извѣстіе о тяжкой болѣзни ея, причиненной неблагополучными родами. Въ какую тревогу и смятеніе повергло Добролюбова это извѣстіе, мы можемъ судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ письма его къ отцу 17 марта:

«Я все не вѣрю, я не могу подумать, чтобы могло совершиться это ужасное несчастіе... Богъ знаетъ, какъ много, какъ постоянно нужна была для васъ милая, нѣжная, кроткая, любящая мамаша наша, какъ благодѣтельный геній, милый другъ и хранитель... Боже мой! Въ прахѣ и смиреніи повергаюсь передъ Твоей святой волей! Едва дерзкія мысли посѣтили было мою голову (о томъ, что онъ будетъ радостью и гордостью матери), какъ вотъ страшная кара грозитъ уже мнѣ, видимымъ образомъ наказывая самонадѣянность надменнаго ума.. Но я смиряюсь, я надѣюсь, я вѣрую, Господи!.. Помози моему невѣрію, подкрѣпи меня, сохрани мнѣ, моимъ милымъ добрую нашу хранительницу! Я могу только молиться, я могу обращаться только къ Господу Богу съ моей глубокой горестью.. »

Далѣе затѣмъ онъ обращается къ отцу, сестрамъ, братьямъ и даже къ докторамъ, умоляя ихъ употребить всѣ средства и усилія къ исцѣленію больной:

«Я увѣренъ папаша, что вы ничего не пожалѣете, употребите всѣ средства для того, чтобы сохранить драгоцѣнную, слабую жизнь... Я самъ, съ своей стороны, молюсь Богу, вмѣстѣ прошу заочно и докторовъ нашихъ, особенно добраго Егора Егоровича, который давно знаетъ натуру мамаши, который однажды и меня спасъ отъ смерти... Пусть употребитъ онъ все стараніе и искусство... Благодарный сынъ отплатитъ за мать свою

«Сестры и братья мои! Не плачьте, не шумите, пожалуйста!.. Умоляю васъ... Можетъ быть вы не понимаете всей опасности... Покойте, радуйте мамашу, не давайте повода никакому потрясенію... Нянюшка! — побереги ихъ, посмотри за ними! Ради Господа Бога!.. Добрые родные наши, всѣ, всѣ вы, которые любили меня и насъ всѣхъ!.. Употребите свои старанія и заботы... Услужите этимъ всей семьѣ нашей, обяжите насъ на вѣки, на вѣки!.. Издали, но близко къ вамъ, умоляю я васъ объ этомъ...»

Извѣстіе о смерти матери, пришедшее черезъ недѣлю послѣ этого, не застало такимъ образомъ Добролюбова врасплохъ: онъ

успѣлъ привыкнуть къ мысли о потерѣ своей возлюбленной, и при всемъ своемъ отчаяніи сохранилъ на столько мужества, что могъ утѣшать отца. Такъ, 25 марта Добролюбовъ писалъ отцу.

«Добрый мой, милый мой, драгоцѣнный для меня папашенька! Что мнѣ отвѣтить вамъ на ваше послѣднее письмо! Велика моя горесть, но прежде всего не могу я не поблагодарить васъ за вашу предусмотрительность... Ваша любовь, ваше благоразуміе разсчитали вѣрно... Втеченіе недѣли я привыкъ къ тягостной мысли, и нынѣшняя вѣсть поразила меня уже не такъ сильно, какъ я ожидалъ... Тяжко, тяжко, невыразимо тяжко мнѣ; но я не изнемогъ подъ бременемъ страданій и сохранилъ силу разсудка и мысли. Всего болѣе безпокоюсь я о васъ, мой милый, несравненный папаша... Вамъ вѣрно было горько присутствовать при послѣднихъ страданіяхъ нашей милой мамашеньки. Вѣрно и теперь еще тяжело, горько, грустно вамъ... Вы пишете, успокаивая меня, что вы предаетесь въ волю Благого Премудраго Промысла... Дай Богъ вамъ силу и твердость къ перенесенію этого бѣдствія!..

«Въ отношеніи ко мнѣ,—читаемъ мы далѣе,—тоже вы сдѣлали весьма много при этомъ... Вы спасли меня отъ тягостнаго отчаянія, вы поддержали мои силы, дали мнѣ время оправиться, привыкнуть къ тягостной мысли, и я не сомнѣваюсь, что всѣ ваши распоряженія по дому и хозяйству будутъ такъ-же прекрасны и вполнѣ замѣнятъ для моихъ милыхъ сестеръ и братьевъ попеченія матери... Наша добрая бабенька будетъ вѣрно такъ добра, что позаботится о нихъ, приложитъ все свое попеченіе объ ихъ воспитаніи и образованіи... Бѣдныя, бѣдныя мои сестры, милые братьи мои! Какъ-бы нужна для васъ теперь любовь материнская! Но Господь оставилъ вамъ милаго, несравненнаго папашу, любите его, радуйте, утѣшайте, молитесь, чтобы Господь Богъ подкрѣпилъ его! Такъ много, такъ много горя!.. Папашенька! надѣйтесь, надѣйтесь, что еще счастіе снова посѣтитъ смиренную долю нашу, а въ кругу дѣтей, которыя будутъ тѣмъ больше любить и утѣшать васъ, вы найдете отраду и забвеніе о незабвенной...»

Въ то время какъ Добролюбовъ такимъ образомъ утѣшалъ своего отца и старался всячески ободрить его, истинныя чувства свои онъ передавалъ прочимъ родственникамъ, и особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо его къ двоюродному брату М. И. Благообразову, 15 апрѣля 1854 г., обнаруживающее всю величину его отчаянія. Въ письмѣ этомъ въ отвѣтъ на несправедливые упреки въ холодности ко всему Добролюбовъ отвѣчаетъ, что люди, которые ко всему холодны, ни къ чему не привязаны въ мірѣ, должны же на что нибудь обратить запасъ любви, находящейся неизбѣжно въ ихъ сердцѣ. И эти люди не расточаютъ своихъ чувствъ зря, всякому встрѣчному: они обращаютъ его на существо, которое уже слишкомъ много имѣетъ правъ на ихъ привязанность. Въ этомъ существѣ заключается для нихъ весь міръ, а съ потерею его міръ дѣлается для нихъ

пустымъ, мрачнымъ и постылымъ, потому что не остается уже ничего, чѣмъ бы могли они замѣнить любимый предметъ, на что могли бы обратить любовь свою.

«Изъ такихъ люд й и я,—пишетъ далѣе Добролюбовъ.—Былъ у меня одинъ предметъ, къ которому я не былъ холоденъ, который любилъ со всей стойкостью и горячностью молодого сердца, въ которомъ сосредоточилъ я всю любовь, которая была только въ душѣ моей,—этотъ предметъ была мать моя. Поймешь-ли ты теперь, какъ много, необъятно много потерялъ я въ ней? Теперь все въ мірѣ мнѣ чужое, все я могу подозрѣвать, ни къ кому не обращусь я съ полной дѣтской довѣренностью, ко всякому я желалъ бы проникнуть въ сердце и узнать скрытыя его мысли». Выдержки изъ дальнѣйшаго продолженія этого письма уже приведены нами на стр. 6. Ниже Добролюбовъ пишетъ:

«Душа моя должна быть закрыта для всѣхъ, да и самъ я не могу съ сердечнымъ участіемъ внимать разсказамъ другихъ объ ихъ внутренней жизни. Все исчезло для меня вмѣстѣ съ обожаемой матерью... Отчій домъ не манитъ меня къ себѣ, семья меньше интересуетъ меня, воспоминанія дѣтства только растревожатъ сердечную рану, будущность представляется мнѣ теперь въ какомъ-то жалкомъ, безотрадномъ видѣ; я, какъ лермонтовскій демонъ, представляю себѣ: «Какое должно быть мученье всю жизнь, весь вѣкъ безъ раздѣленья и наслаждаться, и страдать...» Оканчивается-же письмо слѣдующими словами: «по крайней мѣрѣ молитесь о ней, чтобы хоть въ небесахъ она была блаженна; молитесь жарко и часто... Я рѣдко могу молиться, я слишкомъ ожесточенъ...

«Ты скажешь опять можетъ быть, что я разсуждаю, а не чувствую. Но въ томъ-то и бѣда моя, что я разсуждаю. Еслибы я могъ, какъ другіе, разразиться слезами и рыданіями, воплями и жалобами, то, разумѣется, тоска моя облегчилась бы и скоро прошла. Но я не знаю этихъ порывовъ сильныхъ чувствованій, я всегда разсуждаю, всегда владѣю собой, и потому-то мое положеніе такъ безотрадно, такъ горько. Разсудокъ подсказываетъ мнѣ всю великость утраты, не позволяетъ мнѣ забыться ни на минуту, я вижу страшное горе во всей его истинѣ, и между тѣмъ слезы душатъ меня, но не льются изъ глазъ. За этимъ письмомъ едва-ли не въ первый разъ я плакалъ, и мнѣ стало легче послѣ этихъ слезъ, легче послѣ моихъ признаній. Не отвергай же ихъ, не бросай на нихъ тѣни сомнѣнія, отвѣть мнѣ по дружески. А то— ужасное положеніе!.. Опять, какъ Демонъ, остаюсь я «съ своей холодностью надменной, одинъ, одинъ во всей вселенной, безъ упованья и любви!..» Пожалѣй меня, подумай обо мнѣ...»

Какъ ни сильно было горе юноши, но жизнь со всѣми своими заботами и суетою не давала времени всецѣло предаваться ему. Предстояли экзамены, которые Добролюбовъ выдержалъ прекрасно и переведенъ былъ на второй курсъ четвертымъ. Послѣ же экзаменовъ онъ поѣхалъ домой въ Нижній.

«Въ 1854 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ,—повѣ-

ствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Добролюбовѣ Радонежскій,— мы втроемъ отправились на каникулы по желѣзной дорогѣ, «*вмѣстѣ съ волами*», какъ выразился Добролюбовъ, т. е. на тяжеломъ поѣздѣ, до Твери. Въ Твери мы сѣли на пароходъ съ тѣмъ, чтобы отправиться по Волгѣ; я—въ Ярославль, еще товарищъ—въ Кострому, а Добролюбовъ—въ Нижній. Всю дорогу нашъ Ник. А—чъ былъ какъ-то особенно печаленъ. Къ тому-же онъ помѣстился на палубѣ, и его буквально испекло жаркимъ іюньскимъ солнцемъ. На пароходѣ съ нами ѣхали два болгарскихъ монаха; онъ съ ними всю дорогу проговорилъ о болгарскомъ языкѣ, о жизни болгаръ... Оттого-ли, что у Добролюбова не было денегъ, или онъ не хотѣлъ ихъ тратить, или ему наскучила дорога, или не былъ хорошо здоровъ, или его томило недоброе предчувствіе—не знаю; но онъ всю дорогу грустилъ, ничего почти не ѣлъ и не пилъ впродолженіи двухъ сутокъ»...

«Мрачно какъ-то посмотрѣлъ на меня знакомый съ дѣтства переулокъ,—пишетъ онъ своему товарищу Д. Ѳ. Щеглову 25 іюня 1854 г.,—грустно мнѣ было увидѣть нашъ домъ. Отецъ выбѣжалъ встрѣтить меня на крыльцо. Мы обнялись и заплакали оба, ни слова не сказавши другъ другу... «Не плачь, мой другъ»,—это были первыя слова, которыя я услышалъ отъ отца послѣ годовой разлуки... Грустное свиданье, не правда-ли? Потомъ встрѣтили меня сестры. Маленькихъ братьевъ нашелъ я еще въ постели. Младшій (въ сентябрѣ будетъ 3 года) и не узналъ меня съ перваго раза, а Володя узналъ тотчасъ... Папаша провелъ меня по всѣмъ комнатамъ, и я шелъ за нимъ, все какъ будто ожидая еще кого-то увидѣть, еще кого-то найти, хотя зналъ, что уже искать нечего. Вездѣ было попрежнему, все то же и такъ же, на томъ же мѣстѣ, только прежняя двуспальная кровать замѣнилась маленькой, односпальной... Отецъ пошелъ потомъ къ обѣднѣ, а я остался и долго плакалъ, сидя на томъ мѣстѣ, гдѣ умирала бѣдная маменька. Наконецъ и я собрался съ сестрами къ обѣднѣ, пришелъ къ концу, но—признаюсь—усердно молился. Я искалъ какого нибудь друга, какого нибудь близкаго сердца, которому бы я могъ, не опасаясь и не стѣсняясь, вылить свое горе, свои чувства. Не было этого сердца, и мнѣ пріятно было думать, что хоть невидимо моя дорогая, любимая мать слышитъ и видитъ меня. Это было такое непривычное для меня положеніе, что я измѣнилъ всегдашней своей положительности. Притомъ самая церковь наша имѣетъ для меня высокую pretium affectionis. Все здѣсь на меня дѣйствовало давно знакомымъ воздухомъ, все пробуждало давно прошедшія, давно забытыя и давно осмѣянныя чувства. Послѣ обѣдни сходилъ я на кладбище. Тутъ я не плакалъ, а только думалъ, тутъ я даже успокоился немного. Теперь я грущу очень немного. Отецъ все еще иногда плачетъ. Маленькую нашу взяла къ себѣ года на два, на три одна знакомая намъ помѣщица. Папенька безъ труда согласился на это. Положеніе нашего семейства вблизи гораздо лучше, нежели представляется издали. Теперь

уже мнѣ некогда и негдѣ распространяться объ этомъ. Если не будетъ лѣнь, опишу тебѣ въ другой разъ подробно о своемъ пребываніи въ Нижнемъ; теперь скажу только, что всѣ мои великолѣпныя предположенія о занятіяхъ въ каникулы исчезли. Въ цѣлый мѣсяцъ я съ большимъ трудомъ могъ прочитать нѣсколько нумеровъ «Современника» прошлаго и нынѣшняго года. Совершенно нѣтъ времени... Когда я дома и у меня никого нѣтъ, то я вожусь съ братьями, да еще съ двумя гимназистами, однимъ нижегородскимъ, другимъ петербургскимъ. Это братъ и племянникъ князя Трубецкого, живущіе нынѣ въ нашемъ домѣ. Одинъ изъ нихъ мальчикъ лѣтъ 13, дѣлаетъ мнѣ впрочемъ пользу: взялся учить меня по-французски.»

Но извѣстно, что одна бѣда всегда ведетъ за собой другую, и Добролюбова, едва успѣвшаго утѣшиться отъ одного горя, внезапно постигъ новый ударъ: 6-го августа умеръ внезапно отъ холеры его отецъ, оставивъ все семейство на рукахъ своего восемнадцатилѣтняго сына. Это событіе повергло Добролюбова уже не въ отчаяніе, а просто въ какое-то оцѣпенѣніе. Въ первыя минуты онъ до того растерялся, что былъ готовъ бросить институтъ и опредѣлиться на службу уѣзднымъ учителемъ, и лишь возможность пристроить дѣтей по рукамъ родственниковъ и достаточныхъ знакомыхъ, и то соображеніе, что въ Петербургѣ частными уроками можно заработать болѣе, чѣмъ въ должности уѣзднаго учителя, отклонили его отъ этого поистинѣ гибельнаго шага. Вотъ что пишетъ онъ Д. Ѳ. Щеглову подъ первымъ впечатлѣніемъ новаго несчастья 9 августа 1854 г.

«Тяжело мнѣ, мой другъ Дмитрій Ѳедоровичъ, но кажется, что я долженъ проститься съ институтомъ. Судьба жестоко испытываетъ меня и ожесточаетъ противъ всего, лишая того, что мнѣ было особенно дорого въ мірѣ. 6 августа мой отецъ умеръ отъ холеры. Семеро маленькихъ дѣтей остались на моихъ рукахъ, запутанныя дѣла по дому—тоже. А между тѣмъ я еще тоже считаюсь малолѣтнимъ и подверженъ опекѣ. Ты теперь понимаешь, въ какія отношенія вступилъ я теперь къ своему семейству. Ты читалъ не повѣсть, а трагедію... Я надѣюсь на твое расположеніе даже и въ такомъ случаѣ, если я не возвращусь больше въ институтъ. Но можетъ быть я найду средства устроить моихъ сестеръ и братьевъ гораздо лучше, нежели какъ могъ бы сдѣлать, еслибы остался въ Нижнемъ уѣзднымъ учителемъ. Папеньку всѣ въ городѣ такъ любили, что принимаютъ теперь въ насъ живѣйшее участіе. Подличаетъ съ нами одно только духовенство и архіерей. Вчера на похоронахъ я былъ страшно золъ. Не выронилъ ни одной слезы, но разругалъ дьяконовъ, которые хохотали, неся гробъ моего отца; разругалъ моего бывшаго профессора, который сказалъ пренелѣпую рѣчь, увѣряя въ ней, что Богъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ, что онъ любитъ сиротъ и проч... Я страшно разстроенъ. Чувствую, что ничего хорошаго не могу сдѣлать, и между тѣмъ знаю, что все долженъ дѣлать я, за всѣхъ сестеръ и братьевъ. Къ счастію еще, я деревянный, иначе я бы непремѣнно разбился...»

Почти одновременная потеря родителей такъ потрясла весь и умственный, и нравственный міръ Добролюбова, что всѣ его убѣжденія, въ духѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ съ дѣтства, поколебались, и началась мучительная переработка всего его міросозерцанія. Когда въ концѣ августа, на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, Радонежскій встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, ѣхавшаго на тотъ разъ съ какимъ-то бариномъ-землякомъ во II-мъ классѣ, передъ нимъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ.

— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ? спросилъ онъ его.

— Отецъ умеръ, отвѣчалъ онъ.

«Въ холодномъ тонѣ отвѣта,—замѣчаетъ при этомъ Радонежскій,—сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительной улыбкой, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покоробило. Эти грустныя семейныя обстоятельства, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, имѣли сильное вліяніе на Ник. А—ча. Съ этой минуты его душа навсегда простилась съ мечтами... и жизнь, жизнь со всей ея реальностью стала предметомъ его изученія»...

III.

Слѣдующіе годы институтской жизни.—Отношенія къ начальству и товарищамъ.—Начало литературной дѣятельности.—Окончаніе курса.

Не смотря на то, что семейство было пристроено и домъ, оставшійся послѣ родителей, былъ отданъ въ наемъ, расположеніе духа Добролюбова оставалось мрачнымъ и письма его къ роднымъ, относящіяся къ этому времени, носятъ одинъ и тотъ же характеръ унынія и ожесточенія. Добролюбовъ никакъ не могъ помириться, что братья и сестры его сидятъ на шеѣ у разныхъ благодѣтелей, которые содержатъ ихъ изъ милости, будучи и сами людьми небогатыми, и чтобы избавиться отъ этого униженія, онъ по возвращеніи въ Петербургъ, какъ волъ, запрегся въ добываніе скудныхъ средствъ грошовыми уроками и переводами. Средствъ этихъ для полнаго обезпеченія семьи конечно на первыхъ порахъ было недостаточно, и хотя въ своемъ письмѣ къ старшей сестрѣ Ниночкѣ 14 сентября 1854 г. Добролюбовъ утѣшаетъ ее, говоря, что «теперь забота любящаго брата доставить вамъ средства, какія возможно, и будь увѣрена, я это сдѣлаю: если не нынѣ, то

черезъ два, три года... но вы всѣ найдете во мнѣ помощника въ жизни», но совсѣмъ въ другомъ тонѣ пишетъ онъ 4 ноября къ брату Михаилу Ивановичу:

«Ты пробуешь увѣрить меня—пишетъ онъ,—что матеріальное состояніе нашего семейства очень хорошо, что мы не должны называться бѣдными и проч. Можетъ быть, говоря это, ты имѣлъ намѣреніе утѣшить меня,—благодарю, но прошу впредь не представлять мнѣ такихъ утѣшеній, которыя конечно не могутъ имѣть своего дѣйствія, потому что я не двухлѣтній мальчикъ и хорошо понимаю всю тяжесть, всю горесть, всю безвыходность положенія нашихъ дѣлъ въ матеріальномъ отношеніи. Если все останется въ настоящемъ положеніи, то черезъ три года мои сестры будутъ имѣть уже неотъемлемое (даже твоей хитрой логикой) право называться нищими-невѣстами или запереться въ монастырь послушницами...»

Когда-же тетушка Варвара Васильевна упрекнула его въ письмѣ, что онъ рѣдко пишетъ ей, потому что сталъ гнушаться простыми, незнатными родственниками, Добролюбовъ въ письмѣ своемъ къ ней, 29-го декабря. писалъ между прочимъ:

«*Знатные люди!*» Да повѣрите ли, что только по необходимости веду я подобныя связи, и что никогда не склонно было сердце мое къ кружку, который выше меня? Да и могъ ли я здѣсь держаться при моемъ воспитаніи, при моемъ положеніи, при отсутствіи всякихъ средствъ... Да вотъ вамъ случай; я теперь гощу праздники у Галаховыхъ *). Меня принимаютъ прекрасно, ласкаютъ и занимаются мной. Но, вставая по утру, я поскорѣй стараюсь накинуть сюртукъ, чтобы человѣкъ не взялъ его чистить и не увидалъ, какъ онъ худъ и вытертъ, мой несчастный казенный сюртукъ. И сколько труда стоитъ мнѣ прикрыть впродолженіи дня разные недостатки этого сюртука... А новаго сшить... куда, я и думать не смѣю...»

Изнуренный трудами, безсонными ночами и вѣчной тревогой о своей сирой семьѣ, Добролюбовъ слегъ весной 1855 года больнымъ въ институтскій лазаретъ. Онъ приписываетъ свою болѣзнь простудѣ, но очень возможно, что это были нервыя предвѣстія чахотки, сведшей его въ преждевременную могилу. И къ довершенію всѣхъ бѣдъ во время болѣзни онъ получилъ извѣстіе о смерти маленькой своей сестренки Юленьки, которая была уже опредѣлена въ царскосельское училище и ей предстояло въ скоромъ времени пріѣхать для этого въ Петербургъ.

«Смерть Юленьки,—пишетъ онъ 24 марта 1855 г. своей теткѣ Варварѣ Васильевнѣ,—такъ неожиданно случившаяся въ то самое время, когда она почти совсѣмъ уже была устроена, когда я уже радовался, надѣясь свидѣться хоть съ ней въ этомъ году, здѣсь, въ Петербургѣ, эта смерть столько принесла мнѣ горя, что я до сихъ поръ еще не могу

*) У Сергѣя Павловича и Натальи Алексѣевны Галаховыхъ, людей богатыхъ и принадлежавшихъ къ петербургскому свѣтскому обществу.

опомниться... Какъ будто какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ нашимъ родомъ, какъ будто такъ уже суждено, что изъ поколѣнія въ поколѣніе переходятъ и должны переходить въ немъ только одни непрерывныя бѣдствія!.. Тошно, горько, тяжко на свѣтѣ... Зачѣмъ было рождаться на свѣтъ, чтобы такъ страдать съ ранней молодости, чтобы такъ провести лучшіе годы, которые даются для наслажденія и радости человѣку!..»

Но какъ ни тяжко было матеріальное положеніе Добролюбова и какъ ни много заботъ и тревогъ причинялъ ему вопросъ объ обезпеченіи братьевъ и сестеръ, молодость брала свое: юноша развивался вмѣстѣ со своими сверстниками-товарищами подъ вліяніемъ лекцій профессоровъ, чтенія журналовъ и ученыхъ занятій, въ которыя онъ былъ погруженъ днемъ и ночью. Мало-помалу все болѣе и болѣе живое участіе принималъ онъ въ литературномъ движеніи того времени, и это участіе привело къ такому событію его жизни при переходѣ его на третій курсъ, которое, доставивши ему начало литературной извѣстности, вмѣстѣ съ тѣмъ причинило не мало непріятностей и едва не испортило его дѣлъ. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ событіи въ письмѣ къ Михаилу Ивановичу, 20-го іюня 1855 года:

«Ты знаешь, что я писалъ прежде стихи. Знаешь также, что я приверженецъ новой литературной школы и что подлости старичковъ, подвизающихся въ «Сѣверной Пчелѣ», раздражали меня, какъ нельзя болѣе. Въ началѣ нынѣшняго года (т. е. академическаго) представился мнѣ случай отомстить одному изъ нихъ, Гречу. Я написалъ пасквиль на случай его юбилея и стихи разошлись по городу весьма быстро. Ихъ читали на литературныхъ вечерахъ, ихъ хвалили профессора наши, не зная еще автора... Между тѣмъ нѣкоторые изъ товарищей, знавшихъ дѣло, были столько неосторожны, что проболтались въ нѣсколькихъ домахъ, и скоро мое имя стало подъ рукой повторяться тѣми, которые читали и списывали эти стихи. Наконецъ дошло до директора (института). Меня спросили и обыскали. Не нашли того, чего искали, но захватили другія бумаги. тоже довольно смѣлаго содержанія.. Много было возни и хлопотъ. Я могъ поплатиться за мое легкомысліе цѣлой карьерой; но, къ счастью, имѣлъ довольно благоразумія, чтобы не запираться передъ директоромъ и, признавшись въ либеральности своего направленія, показалъ видъ чистосердечнаго раскаянія Профессора заступились за меня; поведеніе мое было всегда весьма скромно; С. П. Галаховъ просилъ за меня директора (не зная впрочемъ, что я писалъ стихи),—и заблужденія юности были оставлены безъ дальнѣйшихъ послѣдствій... Я отлично сдалъ всѣ экзамены, и директоръ самъ поздравилъ меня съ переходомъ въ третій курсъ, куда по числу балловъ *я долженъ* перейти вторымъ, но можетъ быть еще меня понизятъ немножко. Тетенька пусть не знаетъ этого или ты можешь сказать имъ что-нибудь полегче, чтобы онѣ не стали тревожиться и плакать Богъ знаетъ изъ-за чего. Бѣды большой еще нѣтъ

въ моихъ дѣлахъ. Пушкинъ и Лермонтовъ писали пасквили, Искандеръ до сихъ поръ пишетъ на Россію ѣдкія статьи, Даль выгнанъ былъ изъ корпуса за «написаніе пасквилей». А я, слава Богу, отдѣлался еще довольно легко, и теперь подобное обстоятельство со мной не повторится.»

Но Добролюбову пришлось по поводу своихъ стиховъ еще испытать нѣсколько тревогъ. Такъ, въ письмѣ все къ тому же Михаилу Ивановичу 30-го іюня онъ пишетъ:

«Я, братъ, тоже жду себѣ большихъ и большихъ непріятностей. Въ извѣстныхъ тебѣ стихахъ затронутъ былъ кн. Вяземскій и названъ продажнымъ поэтомъ. Теперь вдругъ ни съ того, ни съ сего онъ сдѣланъ товарищемъ нашего министра. Мое имя извѣстно, немудрено, что обиженные мною пріятели его подожгутъ, и въ институтѣ меня не будетъ. Начальники, изъ желанія угодить товарищу министра, начнутъ снова меня преслѣдовать и даже защищать меня всякій побоится. Каюсь теперь въ неосторожности, да утѣшаюсь хоть тѣмъ, что это по крайней мѣрѣ не дѣло, а слово, и довольно не глупое и имѣвшее своего рода успѣхъ, такъ что все-таки много есть людей, которые въ душѣ всегда будутъ за меня...»

Но опасенія Добролюбова были напрасны. Кн. Вяземскій или не зналъ, что авторъ стихотворенія на юбилей Греча—студентъ Педагогическаго института Добролюбовъ, или великодушно простилъ ему оскорбленіе, и вмѣсто того, чтобы имѣть преслѣдователя въ новомъ товарищѣ министра, Добролюбовъ нашелъ въ немъ защитника.

Такъ, когда Добролюбовъ, безпокоясь объ участи семьи и видя невозможность прокормить ее случайными заработками въ Петербургѣ, намѣревался уволиться изъ института и ѣхать на родину и уже подалъ объ этомъ прошеніе товарищу министра, послѣдній принялъ въ немъ горячее участіе, совѣтовалъ во что-бы ни стало окончить курсъ, а по окончаніи обѣщалъ ему хорошее мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Вяземскій принялъ участіе и въ семьѣ Добролюбова. Такъ, по его ходатайству, приходъ умершаго отца Добролюбова былъ зачисленъ за его дочерью, не смотря на всѣ сопротивленія мѣстнаго архіерея, давшаго о Добролюбовѣ въ Синодъ самый дурной отзывъ вродѣ того, что «юноша Добролюбовъ много меня оскорблялъ и прежде, и своихъ отца и мать поступленіемъ въ свѣтское заседеніе, а не въ духовную академію, куда онъ былъ принятъ по моему ходатайству».

Судя по письму къ товарищу А. П. Златовратскому 9 іюня 1857 г., можно сказать, что вообще годъ пребыванія Добролюбова на третьемъ курсѣ института былъ для него самый бурный по разнымъ непріятнымъ столкновеніямъ съ начальствомъ. Въ ин-

ститутѣ въ это время были постоянныя недоразумѣнія между студентами и директоромъ, И. И. Давыдовымъ; студенты дѣлились на двѣ партіи: партію приверженцевъ Давыдова, заискивавшихъ его милости, и партію оппозиціонную. Добролюбовъ принадлежалъ къ послѣдней, принималъ горячее участіе во всѣхъ дрязгахъ, но вскорѣ убѣдился въ ихъ тщетѣ и въ то же время разочаровался во многихъ товарищахъ.

«Скажу только,—пишетъ онъ въ вышеупомянутомъ письмѣ,—что человѣку, у котораго есть интересы и цѣли повыше институтскихъ отмѣтокъ и благосклонностей, странно и смѣшно было бы принимать серьезно всѣ эти пустяки, которые волновали нашихъ товарищей въ послѣдній годъ... Я жилъ душой въ институтѣ, я работалъ, сколько было силъ моихъ, подвергаясь опасностямъ и непріятностямъ (тебѣ хорошо извѣстнымъ),—пока у меня было дѣло полезное и благородное и пока я не утратилъ вѣры въ тѣхъ, для которыхъ между прочимъ работалъ. Цѣли своей я достигъ хоть отчасти, а преслѣдовать ее до конца почелъ излишнимъ и безплоднымъ, увидавши, съ кѣмъ имѣю дѣло. Все, что было мной совершено противъ начальства въ послѣднее время, было уже не плодомъ святого убѣжденія, а дѣломъ старой привычки, поднимавшейся при удобномъ случаѣ... Еслибы я далъ себѣ трудъ подумать, я бы никогда не сталъ терять даже получаса времени (котораго стоило мнѣ это дѣло) для людей, которые стоютъ моего полнаго равнодушія, если не болѣе.»

Но рядомъ съ такимъ разочарованіемъ въ товарищахъ и пренебрежительнымъ на нихъ взглядомъ Добролюбовъ ставитъ на видъ свою терпимость, позволявшую ему относиться съ одинаковой привѣтливостью къ людямъ, которые въ глазахъ его друзей не стоили такого обращенія.

«Нѣтъ, Златовратскій, оправдывается онъ въ этой своей чертѣ: если ты въ чемъ меня могъ упрекнуть, то развѣ въ нечистоплотности, какъ выражается мой двоюродный братъ. Мнѣ ничего не значитъ сѣсть на запыленную скамейку въ городскомъ саду—если я усталъ,—также какъ ничего не стоитъ заговорить съ А. или Б.; я не замѣчу, что надѣну нечищенные сапоги, также какъ не замѣчу, что похристосовался съ В. На меня не производитъ непріятнаго впечатлѣнія паутина, которой весь я окутаюсь, собирая малину въ саду, также какъ не пугаетъ меня пошлость Г., когда я наблюдаю его наивную натуру... Я съ удовольствіемъ могу расцѣловать руку Д., дѣвушкѣ (всѣми презираемой), которая мнѣ нравится, также какъ съ удовольствіемъ могу выслушать остроту Е. или умную выходку Ж. Вотъ мое несчастіе, котораго никто, кромѣ меня, не видитъ; а я и вижу, да не стараюсь отъ него избавиться, а, напротивъ, благословляю судьбу за него: во мнѣ мало исключительности, у меня не достаетъ духу дѣятельной оцѣнки человѣка, и я, умѣя презирать мерзости, не гнушаюсь добромъ; а если его нѣтъ, то я не нахожу особеннаго удовольствія охотиться за зломъ, а просто оставляю его безъ вниманія и ищу добра въ другомъ мѣстѣ.»

Эта терпимость, это прощеніе зла ради нѣсколькихъ крупицъ добра, замѣчаемыхъ въ человѣкѣ, конечно вполнѣ гармонировали съ кроткой и нѣжной душой Добролюбова, жаждавшаго любви и умѣвшаго страстно и крѣпко привязываться къ людямъ. Здѣсь мы видимъ уже зародышъ тѣхъ гуманныхъ, чисто христіанскихъ взглядовъ, проводимыхъ Добролюбовымъ въ его статьяхъ,—взглядовъ, основанныхъ на извѣстномъ евангельскомъ изреченіи—«не вѣдятъ-бо, что творятъ» и обусловливающихъ существующее на землѣ зло не злой волей, а ненормальными отношеніями, завѣщанными вѣками варварства и невѣжества.

На родину Добролюбовъ не ѣздилъ до окончанія курса, оставаясь на каникулахъ въ Петербургѣ и занимаясь уроками. Такъ, лѣто 1858 года онъ провелъ у нѣкоихъ гг. Малоземовыхъ на дачѣ въ Полюстровѣ, гдѣ онъ приготовлялъ къ поступленію въ корпусъ одного мальчика за скудную плату 30 руб.

«Какъ ни ничтожна эта сумма,—пишетъ онъ своимъ родственникамъ,—но я не раскаялся, что согласился принять на себя это дѣло. Мальчикъ, ученикъ мой, очень неглупъ и любитъ заниматься; мои объясненія слушаетъ онъ съ охотой и вниманіемъ, а слѣдовательно мнѣ заниматься съ нимъ очень пріятно. Семейство, въ которое попалъ я, чрезвычайно доброе и милое; меня всѣ очень полюбили, заботятся обо мнѣ, какъ о родномъ. Дѣти всѣ привязались ко мнѣ какъ нельзя больше: просто не отходятъ отъ меня не хотятъ безъ меня обѣдать, если я запоздаю какъ нибудь въ городѣ или на прогулкѣ, отказываются отъ гулянья и остаются дома безъ всякаго неудовольствія, ежели только я остаюсь. По всему этому вы можете судить, какъ я самъ привязанъ къ дѣтямъ и ко всему семейству г-дъ Малоземовыхъ, у которыхъ нахожусь теперь. Что касается до внѣшнихъ удобствъ, то я тоже очень доволенъ всѣмъ: довольно хорошій обѣдъ, сытный завтракъ, кофе, ягоды и пр. каждый день. Нерѣдко пріѣзжаютъ гости, съ которыми даже весело и незамѣтно проходитъ мое время. Кромѣ того я пользуюсь правомъ безплатнаго входа въ купальню, въ садъ Безбородко, гдѣ три раза въ недѣлю играетъ музыка и бываетъ иногда иллюминація и гдѣ каждый разъ нужно бы платить по 15 к. сер. за входъ. Прибавьте къ этому катанія на лодкѣ, иногда отправленіе въ другія увеселительныя мѣста, куда я тоже сопровождаю всегда семейство, не платя ничего,—и вы увидите, какъ мнѣ здѣсь спокойно и пріятно послѣ однообразной институтской жизни, нарушавшейся обыкновенно только домашними непріятностями.»

Впродолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ пребыванія въ педагогическомъ институтѣ (1856 и 1857-й) окончательно выработались убѣжденія Добролюбова, его стремленія, всѣ цѣликомъ направленныя къ общественнымъ идеаламъ, и при этомъ суровый, ригорическій характеръ, доходившій порою до аскетизма.

Такъ, въ одномъ отрывкѣ изъ дневника, который Добролюбовъ

велъ въ 1857 году, вотъ какую параллель проводитъ онъ между собой и однимъ изъ своихъ товарищей, съ которымъ былъ прежде въ большой дружбѣ, поссорился, а затѣмъ снова помирился, но считалъ невозможнымъ возстановленіе прежней интимности.

«Каждая вещь,—говоритъ Добролюбовъ, — которую мы дѣлаемъ, основывается конечно на эгоизмѣ, тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Пріятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочувствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми-же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю, и т. п. Но съ Z у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ: въ послѣднихъ цѣляхъ мы расходимся. Я хоть сейчасъ готовъ вступить въ небогатое общество съ равными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ признаетъ неравенство правъ и состояній даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества... Я искалъ какой-то безотчетной, безпечной любви къ человѣчеству и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ *по глупости*, и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сердиться; противодѣйствуя подлостямъ, я дѣлаю это безъ гнѣва, безъ возмущенія, а просто по сознанію надобности и обязанности дать щелчокъ дураку. Z, напротивъ, отличается страстностью дѣйствій, и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ; все затѣянное имъ начиналось съ съ него къ нему непосредственно относилось; все затѣянное мной касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, потому что лично я никогда ничѣмъ не былъ обиженъ отъ нашего начальства»...

Молодыя страсти, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе закипая въ груди, брали свое и давали себя чувствовать въ видѣ частыхъ вспышекъ влюбчивости, то въ какую нибудь барышнюизъ тѣхъ немногихъ семей, съ которыми Добролюбовъ былъ знакомъ, то въ актрису, увлекавшую его своей игрой и наружностью. Такъ, побывавши въ театрѣ на «Горе отъ ума», онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что въ другой разъ уже не пойдетъ смотрѣть его,—развѣ для того, чтобы любоваться N. «Она,—пишетъ Добролюбовъ,—въ самомъ дѣлѣ поразительно-хороша, и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такою мою будущую bien-aimée... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные, умные глаза, эти роскошные волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшемъ измѣненіи физіономіи—все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. Но впечатлѣніе, про-

изведенное на меня N, именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ «благоговѣньемъ богомольнымъ передъ святыней красоты». Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ—есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другого рода чувства волновали меня, когда танцовали Жебелева съ Богдановымъ мазуречку»...

Красота актрисы, плѣнившей юношу въ «Горе отъ ума», затмила красоту какой-то барышни NN, къ которой до того времени Добролюбовъ былъ неравнодушенъ, но теперь удивлялся, что сталъ холоденъ къ ней. «Вотъ что значитъ,—писалъ онъ въ дневникѣ,— посмотрѣть на лучшее, послѣ котораго не нравится уже хорошее. «Ни одна не станетъ въ спорѣ красоты съ тобой»—вотъ чего-бы я хотѣлъ для моей bien-aimée. Дождусь-ли когда нибудь такого счастья!»...

Но и красота актрисы была въ свою очередь скоро вытѣснена изъ воображенія молодого человѣка красотой новой барышни, которую онъ встрѣтилъ въ семействѣ ZZ. «Это чудо что такое!— писалъ онъ въ своемъ дневникѣ;—ей должно быть лѣтъ 15 или 17. Она великолѣпная брюнетка, небольшого роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица. Если я ея никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица. Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга послѣ того, какъ она черезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она сразу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады»...

Но Добролюбовъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на такія молодыя увлеченія, какъ на слабости, которымъ не слѣдуетъ давать поблажки, а, напротивъ того,—закалить себя въ виду предстоящей борьбы.

«Странное дѣло,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ по поводу увлеченія актрисой,—нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота танцовать,—чортъ знаетъ что это такое! Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а, напротивъ того, держаться отъ него дальше, питать желчь свою. При этомъ разумѣется конечно, что я не буду дѣлать себѣ насиліе, а стану ругаться только

до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно,—и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя этому дѣлу,—словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развитъ, и слѣдовательно не гожусь, то, во-первыхъ, выйдетъ изъ него—«не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственной личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься.»

Однажды (8 января) за обѣдомъ въ одномъ семействѣ, гдѣ давалъ уроки Добролюбовъ, зашла рѣчь объ убійствѣ Сабура Вержесомъ,—случаѣ,надѣлавшемъ тогда много шума на цѣлую Европу. Ужаснѣе всего казалось, что Вержесъ совершилъ убійство открыто въ публичномъ мѣстѣ, среди многолюдной толпы. Собесѣдники Добролюбова говорили въ этомъ тонѣ.

«— Я сказалъ,—пишетъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ,—что оправдывать убійство вообще нельзя, но не нужно и такъ строго обвинять (Вержеса) только за то, что оно совершено открыто и честно, а не подло и скрытно. Отсюда разговоръ легко перешелъ конечно къ ослиной добродѣтели, которой Н. П. произнесла панегирикъ, а я захохоталъ. Смѣхъ мой ее озадачилъ и даже нѣсколько оскорбилъ. Начался споръ, въ которомъ я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и даже не имѣетъ права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ. Вмѣсто всякаго отвѣта на мою диссертацію въ этомъ смыслѣ, Н. П. только руками всплеснула: «ахъ, какой онъ, подумаешь, вольнодумецъ! Господи, Боже мой!» Скоро однако же она согласилась, что вольнодумство это очень благородно, но прибавила, что оно можетъ быть гибельно. Въ этомъ я съ нею согласился...»

Ниже въ томъ же дневникѣ мы читаемъ:

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдусь,—влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время... И такъ вотъ она начинается, жизнь-то... Вотъ время для разгула власти страстей... А я, дурачокъ, думалъ въ своей педагогической

и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я «пережилъ свои желанья» и «разлюбилъ свои мечты...» Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то вродѣ Катона безстрастнаго или Зенона-стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое...»

Въ воспоминаніяхъ товарищей еще рельефнѣе выражается увлеченіе Добролюбова общественными вопросами. Такъ, по словамъ Радонежскаго, однажды, когда въ минуту пѣвучаго настроенія онъ запѣлъ въ присутствіи Добролюбова какой-то романсъ, послѣдній воскликнулъ:

— Радонежскій! — перестанешь ли ты сердечные романсы распѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія что нибудь получше? На, вотъ, пой!.. И Добролюбовъ сунулъ товарищу стихотворенія Некрасова.— «Оставь пожалуйста любовь и цвѣты, пой «жизнь» — или плачь, это одно и то же,—ну, свисти!..»

«Пѣсня, прибавляетъ къ этому Радонежскій, иногда пѣтая мною — «Не слышно шуму городского» особенно нравилась Добролюбову, и онъ, вообще не любившій пѣнія, очень часто просилъ меня ее пѣть и всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ.»

«Покойный Николай Александровичъ,—говоритъ далѣе Радонежскій,—не любилъ мишуры нигдѣ и ни въ чемъ, не любилъ рисоваться, и всегда ратовалъ противъ наряднаго черезчуръ мундира, особенно ловкаго поклона, заискивающаго разговора, подобострастнаго отношенія къ кому бы то ни было... На танцклассѣ, куда онъ являлся въ четыре года можетъ быть пять разъ, смѣшилъ танцмейстера своей неловкостью и мудростей кадрили французской не постигъ...»

«Во время коронаціи студентамъ института прислали двѣ ложи даровыя въ Александринскомъ театрѣ. Бросили жребій, кому изъ студентовъ ѣхать, Добролюбову и мнѣ достались также мѣста. Давали «Парашу Сибирячку» и еще что-то. Въ одной изъ нихъ игралъ покойный Максимовъ. Во время дѣйствія за нѣкоторые монологи вызывали Максимова послѣ того, какъ онъ кончилъ свое явленіе. Максимовъ имѣлъ привычку выходить раскланиваться и, разумѣется, своимъ выходомъ нарушалъ художественную иллюзію... Въ то время, когда всѣ хлопали являвшемуся на вызовъ Максимову, хотя по ходу дѣйствія явленіе его не слѣдовало, Добролюбовъ, вставая съ своего мѣста и высунувшись изъ ложи, кричалъ громко: «невѣжа, лакей!»—шикалъ и свисталъ. (То же было съ Добролюбовымъ, когда Максимовъ въ другой разъ при немъ игралъ

роль Чацкаго.) И всегда потомъ, если заходила рѣчь объ Александринскомъ театрѣ, онъ ругалъ Максимова...»

«Какъ-то вечеромъ, часовъ въ десять послѣ ужина, сидѣли мы въ своей камерѣ за столомъ: Добролюбовъ, я и еще три студента. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувши на лобъ очки. Является отъ знакомыхъ одинъ студентъ, нѣкто N, считавшій себя аристократомъ между нами голышами, какъ помѣщикъ. N сталъ разсказывать одному студенту новость: будто бы носятся слухи объ освобожденіи крестьянъ (это было вначалѣ 1857 года). Передавая этотъ слухъ, N выразилъ оттѣнокъ неудовольствія, какъ помѣщикъ... Добролюбовъ, не переставая читать, доселѣ довольно покойно слушалъ разсказъ N. Но когда N сказалъ, что подобная реформа еще недовольно современна для Россіи, и что интересъ его личный, интересъ помѣщичій черезъ это пострадаетъ, Добролюбовъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и неистовымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ отъ него, умѣвшаго владѣть собою, закричалъ: «Господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ, безчестье нашей камеры!..» И выраженіямъ страсти своей и гнѣва Добролюбовъ далъ полную волю!.. Самъ Добролюбовъ передаетъ въ своемъ дневникѣ этотъ эпизодъ нѣсколько иначе:

«Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ»,—говоритъ онъ,—напечатанъ былъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Вѣсть объ этомъ распространилась по городу, и извозчики, дворники, мастеровые и т. п. толпами бросились въ сенатскую лавку—покупать себѣ *вольныя*... Произошла давка, шумъ, смятеніе. Указы перестали продавать. К. ходилъ вчера въ сенатскую лавку. Чиновникъ отвѣтилъ на его вопросъ объ указѣ касательно крѣпостныхъ: нѣтъ и не было... Но тутъ же и въ тѣ минуты, которыя К. пробылъ въ лавкѣ и возлѣ, человѣкъ 15 разнаго званія приходили спрашивать объ этомъ указѣ, и всѣмъ тотъ же отвѣтъ. Говорятъ, что многіе извозчики оставили своихъ хозяевъ, разсчитавъ, что теперь имъ оброку платить не нужно, и слѣдовательно отъ себя работать могутъ, что̀ гораздо выгоднѣе. С. встрѣтилъ третьяго дня вечеромъ двухъ пьяныхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что мы, дескать, вольные съ новаго года, а другой ему возразилъ: врешь, съ перваго числа. Это меня возбудило и настроило какъ-то напряженно. Вечеромъ заговорили опять объ этомъ указѣ, и N, думая съострить, самодовольно замѣтилъ, что для студентовъ эта новость не можетъ быть интересной, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. N сталъ по обычаю очень тупо острить на этотъ счетъ, и, видя, что дѣло, святое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, я горячо замѣтилъ N неприличіе его выходки. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать и по обычаю заикнулся и, стоя предо мной, только производилъ непріятное трещаніе горломъ. Я сказалъ, что его острота обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ товарищемъ, и что между нами

много есть людей, которымъ интересы русскаго народа ближе къ сердцу, нежели какой-нибудь чухонской свиньѣ. Выговоривши это слово, я уже почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость, обративши вниманіе на слова пошлаго мальчишки; но начало было сдѣлано. N сказалъ мнѣ самъ какую-то грубость, и я продолжалъ ругаться съ нимъ, пока не заставилъ его замолчать грознымъ движеніемъ, которое можно было растолковать, какъ намѣреніе прибить N. Движеніе это было уже не искренно, а просто разсчитано. Черезъ пять минутъ я совсѣмъ эту исторію позабылъ, увлекшись теченіемъ мыслей—въ одной изъ статей первой книжки «Современника», которую сталъ читать, чтобы успокоиться...»

Къ послѣднимъ годамъ институтскаго курса относится и начало литературной дѣятельности Добролюбова. Отъ стиховъ, которые онъ началъ писать, какъ мы видѣли, уже на семинарской скамьѣ, онъ перешелъ къ прозѣ. Въ 1855 году выпустилъ 19 нумеровъ рукописнаго журнала «Слухи» и тогда же принялся за опыты въ беллетристическомъ родѣ. Вотъ что сообщаетъ объ одномъ изъ этихъ опытовъ Радонежскій:

«Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ по вечерамъ тамъ что-то писалъ и записывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: «что ты пишешь, Николай?..»

«— »А вотъ слушай.» И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о *воспитаніи* двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ — маменькинъ сынокъ, другой пріемышъ—соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку... Мнѣ особенно памятны тѣ страницы, гдѣ авторъ говорилъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему,—и сцена, гдѣ мальчикъ пріемышъ-сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына. Я долго слушалъ этотъ разсказъ, полный горячаго сочувствія къ сиротѣ и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ... На глазахъ у меня навернулись слезы. Потомъ эти мальчики были отданы въ одно учебное заведеніе, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно. Барченокъ жилъ и учился съ протекціей... Сирота самъ собой, безъ помощи, всегда въ борьбѣ съ нуждой и людьми, подъ вліяніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, кончено было (тутъ же былъ и конецъ рукописи будущаго большого романа) на томъ мѣстѣ, когда эти два героя начинаютъ слу-

жебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маменькинъ сынокъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто. Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ прежде думалъ, писать повѣсти. Кажется, эти повѣсти и романы покойный Добролюбовъ такъ и некончилъ.»

«Когда Добролюбовъ кончилъ «чтеніе», я спросилъ: «ужели ты, Николай, способенъ писать романы? Я считалъ тебя болѣе серьезнымъ...»

«— Не даромъ у меня ничего и не выходитъ. «Воображенія» у меня вовсе нѣтъ. Я, замѣчаешь, резонерствую, и это скверно... Впрочемъ покажу Чернышевскому, что́ онъ скажетъ,—отвѣчалъ мнѣ Добролюбовъ.»

«На той же недѣлѣ онъ отправился, кажется, съ неоконченной повѣстью къ Чернышевскому. Послѣ того онъ мнѣ передалъ результатъ литературнаго консиліума: «Чернышевскій мнѣ положительно сказалъ, чтобы я не совался въ беллетристику, что я пишу не повѣсти, а *критику* на сцены, мною *придуманныя...*» Эти слова—буквально подлинныя Добролюбова.»

Можетъ быть и эту самую повѣсть, а можетъ быть и другую присылалъ, по словамъ А. Я. Головачевой-Панаевой въ ея воспоминаніяхъ, Добролюбовъ и И. И. Панаеву, бывшему однимъ изъ редакторовъ «Современника». Когда Добролюбовъ пришелъ за отвѣтомъ, Панаевъ возвратилъ ему рукопись съ наставленіемъ: лучше прилежнѣе готовить свои уроки, чѣмъ тратить безполезно время на сочиненіе повѣстей. Бывшей въ это время въ сосѣдней комнатѣ женѣ Панаева стало жаль юношу, огорошеннаго отказомъ и наставленіемъ. Она взяла у него рукопись и передала ее Некрасову. Некрасовъ прочелъ въ свою очередь рукопись и предлагалъ Добролюбову передѣлать ее и напечатать, но Добролюбовъ не захотѣлъ этого и взялъ рукопись обратно, причемъ не замедлилъ поразить Некрасова, когда тотъ съ нимъ побесѣдовалъ: «такой умный, развитой юноша,—говорилъ Некрасовъ послѣ ухода Добролюбова,—но главное, когда онъ могъ успѣть такъ хорошо познакомиться съ русской литературой? Оказалось, что онъ прочиталъ массу книгъ и съ такимъ толкомъ!»

Неудачи беллетристическихъ опытовъ натолкнули Добролюбова испытать себя въ качествѣ критика, и вотъ въ 1856 году, за годъ

до окончанія курса, товарищъ его Н. Турчаниновъ доставилъ въ редакцію «Современника» первую критическую статью его о «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», которая и была напечатана въ №№ 7 и 8 «Современника» того-же года. Статья эта сразу была замѣчена въ литературныхъ кружкахъ и поразила всѣхъ какъ эрудиціей автора, такъ и сдержанной, холодной ироніей, дававшей поводъ читателямъ во многихъ историческихъ чертахъ давно минувшаго открывать темныя стороны современной эпохи. Какую сенсацію произвела эта первая статья Добролюбова, можно судить по тому, что противъ нея выступилъ въ № 10 «Отечественныхъ Записокъ» такой аристархъ по части исторіи русской литературы и библіографіи, какъ Галаховъ, и затѣмъ въ № 11 «Современника» послѣдовалъ отвѣтъ Добролюбова, по своей безпощадной злой ироніи превзошедшій самую ту статью, которая послужила поводомъ къ полемикѣ.

Сверхъ того въ № 8-мъ «Современника» 1856 года была напечатана статья подъ заглавіемъ «Отчеты главнаго Педагогическаго института», въ которой, подъ личиною громкихъ похвалъ дѣятельности институтскаго начальства, было подпущено много яда, испортившаго не мало крови у господъ, стоявшихъ во главѣ института. Обѣ статьи были напечатаны подъ псевдонимомъ Лайбова (составленнаго изъ послѣднихъ слоговъ имени и фамиліи автора: Нико*лай* Добролю*бовъ*). Настоящее-же имя автора было скрыто въ глубокой тайнѣ во избѣжаніе какихъ-либо непріятностей въ институтѣ. Добролюбовъ долженъ былъ отложить свое сотрудничество въ «Современникѣ» до окончанія курса, ограничившись въ послѣдній годъ пребыванія своего въ институтѣ помѣщеніемъ нѣсколькихъ педагогическихъ статеекъ въ «Журналѣ для воспитанія» Чумикова и Паульсона.

Но и послѣ первыхъ успѣховъ на поприщѣ критики и публицистики мечта сдѣлаться беллетристомъ не покидала еще Добролюбова. Такъ, въ № 8 «Современника» за 1857-й годъ былъ напечатанъ разсказъ Добролюбова «Доносъ», а въ № 5 1858 г.,— «Дѣлецъ». Оба разсказа были подписаны псевдонимомъ Н. А. Александровичъ, принадлежатъ къ господствовавшему въ то время обличительному жанру, но ничего выдающагося собою не представляютъ.

Но какъ ни тщательно было скрыто отъ педагогическаго начальства имя автора статьи «Отчета», начальство повидимому догадалось, и Добролюбовъ не остался внѣ подозрѣній. Не да-

ромъ-же, несмотря на то, что въ 1857 году онъ окончилъ курсъ въ институтѣ съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя и за отличные успѣхи по всѣмъ наукамъ былъ удостоенъ золотой медали, директоръ института, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, не далъ ему этой медали изъ личнаго къ нему нерасположенія.

IV.

Матеріальные заботы и хлопоты по окончаніи курса института.—Вступленіе въ число членовъ редакціи «Современника».—Отсутствіе самомнѣнія и скромность Добролюбова.—Любовныя неудачи.—Жизнь при редакціи «Современника» (1858—1860).—Неусыпное трудолюбіе.—Ссора Тургенева съ Добролюбовымъ и Некрасовымъ.

По окончаніи курса наступили для Добролюбова, какъ и въ жизни каждаго бѣдняка, естественныя заботы и тревоги о томъ, какъ устроиться и по какой идти дорогѣ. Съ одной стороны любовь къ родинѣ, желаніе жить вблизи отъ родныхъ и воспитывать подъ личнымъ присмотромъ братьевъ и сестеръ—тянули его въ Нижній-Новгородъ на мѣсто учителя гимназіи; съ другой—передъ нимъ открывалось литературное поприще, сулящее ему, кромѣ славы, почета и возможности болѣе широкаго вліянія на современниковъ, въ значительно большей степени выгодный заработокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ казеннаго воспитанника Педагогическаго института, онъ былъ человѣкъ подневольный, обязанъ былъ нѣсколько лѣтъ служить по министерству народнаго просвѣщенія, и имѣлъ основаніе опасаться, что недовольное имъ начальство сошлетъ его на службу въ какую нибудь непроглядную глушь. Вотъ какими словами выражаетъ онъ всѣ эти тревоги въ письмѣ своему зятю 3 апрѣля 1857 г.

«Я совершенно раздумалъ служить въ Нижнемъ; всѣ мнѣ совѣтуютъ остаться въ Петербургѣ, и я самъ вижу, что *здѣсь могу быть несравненно полезнѣе для моихъ сестеръ и братьевъ*. У меня здѣсь теперь знакомствъ множество; профессора меня знаютъ, какъ человѣка отлично умнаго, и этимъ конечно нужно пользоваться, пока они не успѣютъ забыть меня; я пишу и перевожу, и довольно близокъ къ нѣкоторымъ литературнымъ кругамъ; слѣдовательно, *здѣсь для меня готовы хоть сейчасъ же всѣ средства къ жизни,—не уроки, такъ служба, не служба, такъ литература*. Особенно литература—почетный, полезный и выгодный родъ занятій. Мнѣ даже какъ-то странно иногда подумать, что съ небольшимъ усиліемъ я въ день могу выработать мѣсячное твое жалованье. Суди самъ, долженъ ли я отказываться отъ этого *для того, чтобы удовлетворить нѣжной прихоти сердца*...

Но между тѣмъ нужно тебѣ замѣтить, что начальство мое послѣ всѣхъ исторій, какими я насолилъ ему, радо будетъ отправить меня въ Иркутскъ или въ Колу, а никакъ не оставить въ Петербургѣ. Директоръ уже давно порывался меня выгнать, да профессора не позволяли... Такъ теперь я долженъ самъ себѣ отыскивать мѣсто. И я почти уже нашелъ мѣсто домашняго учителя, при которомъ моими трудами могу навѣрное получать столько, сколько учитель-же гимназіи, т. е. отъ 500 до 600 р. А тамъ и перейду на казенное мѣсто. Главное только, чтобы быть въ Петербургѣ; иначе я пропаду отъ тоски и лѣни, потому что, сознаюсь, вѣдь въ Нижнемъ трудно сыскать занятіе по душѣ; а въ какой-нибудь Костромѣ или Пензѣ и рѣшительно коптителемъ неба сдѣлаешься. Поэтому въ первое время по окончаніи курса намѣренъ я хлопотать о мѣстѣ, а тамъ, устроившись уже, ѣхать въ Нижній.»

Князья Куракины, у которыхъ Добролюбовъ давалъ уроки, выразили готовность сдѣлать все надобное для того, чтобы Добролюбовъ получилъ формальное право отказаться отъ учительской службы въ провинціи и остаться въ Петербургѣ. Но обошлось безъ этого, такъ какъ инспекторъ 2-го кадетскаго корпуса, Г. Г. Даниловичъ, зачислилъ Добролюбова номинально служащимъ въ этомъ корпусѣ. Во время-же лѣтней поѣздки Добролюбова по окончаніи курса въ Нижній-Новгородъ Некрасовъ объявилъ ему, что по возвращеніи въ Петербургъ онъ будетъ получать отъ редакціи «Современника» по 150 р. мѣсячнаго жалованья, а съ увеличеніемъ числа подписчиковъ и болѣе.

Такимъ образомъ матеріальное положеніе Добролюбова было вполнѣ обезпечено, и онъ прямо съ институтской скамьи всталъ во главѣ журнала,—явленіе до того времени еще небывалое въ русской литературѣ.

Но замѣчательно, что этотъ быстрый успѣхъ ни мало не закружилъ головы молодого литератора.

Здѣсь мы подходимъ къ чертѣ характера Добролюбова, весьма существенной и крайне симпатичной, обличающей, по нашему мнѣнію, истинное величіе души, свойственное лишь немногимъ избранникамъ судьбы: именно полное отсутствіе всякой кичливости умомъ, знаніемъ и положеніемъ въ обществѣ, всякаго самодовольства и рисовки. Въ то же время въ скромности этой не было и слѣда чего-либо напускного, дѣланнаго. Это отнюдь не было лицемѣрное смиреніе паче гордости. Стоя во главѣ литературы, Добролюбовъ непритворно и совершенно наивно продолжалъ смотрѣть на себя, какъ на бѣднаго семинариста, учившагося кое-какъ и кое-чему на мѣдныя деньги и прокармливавшаго мелкими журнальными статейками цѣлую ораву ребятишекъ, и въ то же время съ искрен-

нимъ сокрушеніемъ высказывалъ то «святое недовольство», которое свойственно лишь великимъ людямъ и которымъ была преисполнена душа его.

Такъ, отправившись лѣтомъ въ 1858 году лечиться въ Старую Руссу, вотъ что писалъ онъ оттуда 8 іюня своей пріятельницѣ Л. Н. Пещуровой:

«Мнѣ горько признаться вамъ, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ своей не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки умственнаго превосходства. Кромѣ того я лишенъ и матеріальныхъ средствъ для пріобрѣтенія знаній и развитія своихъ идей въ томъ видѣ, какъ я бы желалъ и какъ нужно было бы. Тоска и негодованіе охватываютъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и провожу въ умѣ то, надъ чѣмъ до сихъ поръ я бился. Лѣтъ съ шести или семи я постоянно сидѣлъ за книгами и рисунками. Я не зналъ дѣтскихъ игръ, не дѣлалъ ни малѣйшей гимнастики, отвыкъ отъ людского общества, пріобрѣлъ неловкость и застѣнчивость, испортилъ глаза, одеревенилъ свои члены... Еслибы я захотѣлъ теперь сдѣлаться человѣкомъ свѣтскимъ, то не могъ бы уже по самому устройству моего организма, которое пріобрѣлъ я искусственно. А между тѣмъ—и въ дѣлѣ науки и искусства я не пріобрѣлъ ровно ничего. Лѣтъ пять рисовалъ я разныхъ солдатиковъ, а теперь не могу вывести ни собачки, ни домика, ни лошадки. Читалъ я пропасть книгъ, но что читалъ—еслибы вы знали!.. Недавно перебиралъ я свои старинныя тетрадки и нашелъ, что въ 13—14 лѣтъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о вещахъ, которыя хорошо извѣстны моимъ теперешнимъ десятилѣтнимъ ученикамъ и даже ученицамъ. Чего же вы хотите? Пятнадцати лѣтъ я началъ учиться по-нѣмецки, и до сихъ поръ еще не безъ труда читаю ученыя нѣмецкія книги,—а повѣсти ихъ и теперь не умѣю читать. По французски сталъ я учиться на восемнадцатомъ году, и если теперь читаю на этомъ языкѣ, то именно благодаря вамъ. Англійскаго до сихъ поръ не знаю. Сколькихъ же сокровищъ знанія лишенъ я былъ, до двадцати лѣтъ умѣя читать только русскія книги! Да и изъ русскихъ книгъ я читалъ не то, что было нужно, и до послѣдняго времени остался какимъ-то недоумкой... Мнѣ тяжело и грустно бываетъ, когда мои теперешніе знакомые и пріятели начинаютъ иногда говорить со мной, какъ о вещахъ извѣстныхъ всѣмъ, о такихъ предметахъ науки и искусства, о которыхъ я не имѣю понятія. Я тогда терзаюсь и сержусь, и хочу все время посвятить ученію... Но это легко сказать. Пора ученья прошла. Теперь мнѣ нужно работать для того, чтобы было чѣмъ жить. А работа моя, къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно. Я самъ удивляюсь, какъ меня хватаетъ на это, и этимъ я измѣряю силу моихъ природныхъ способностей. Иногда мнѣ приходится встрѣчать людей тупыхъ и безполезныхъ,

но громадными средствами обладающихъ для образованія и развитія себѣ. Тогда я думаю: еслибы я такъ былъ воспитанъ, еслибы я столько зналъ и имѣлъ средствъ—какой замѣчательный человѣкъ изъ меня бы вышелъ! Но за неимѣніемъ этого я работаю, пишу кое-какъ; и какъ же вы хотите, чтобы мое писаніе составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, что пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ, и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ... Чтобы удовлетворить вашему желанію, скажу вамъ, что мною писана вся критика и библіографія въ «Современникѣ» нынѣшняго года. Не правда-ли, что вы никогда не разрѣзали ни одной страницы изъ этого отдѣла журнала? И не правъ ли я былъ, говоря, что статей моихъ вы, какъ и бо̀льшая часть читателей, никогда не могли не только прочитать, но даже и замѣтить?».

Это отсутствіе самомнѣнія и самоувѣренности въ соединеніи съ неизбѣжнымъ ихъ спутникомъ—застѣнчивостью, особенно неблагопріятно отражались на интимной жизни сердца Добролюбова и его отношеніяхъ къ женщинамъ. Мы видѣли, что уже въ годы институтскаго курса онъ влюблялся и жаждалъ любви. По выходѣже изъ училища и по мѣрѣ наступленія болѣе зрѣлыхъ лѣтъ эта жажда дѣлалась все болѣе интенсивной. Нѣжное, привязчивое сердце Добролюбова болѣе всего цѣнило въ любви ея духовную, поэтическую сторону и жаждало идеальной любви въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова.

«Еслибы у меня была женщина,—пишетъ онъ своему пріятелю И. И. Бирдюгову 17 дек. 1858 года,—съ которой я могъ бы дѣлить свои чувства и мысли до такой степени, чтобы она читала даже вмѣстѣ со мной мои (или, положимъ, все равно—твои) произведенія, я былъ бы счастливъ, и ничего не хотѣлъ бы болѣе. Любовь къ такой женщинѣ и ея сочувствіе—вотъ мое единственное желаніе теперь. Въ немъ сосредоточиваются всѣ мои внутреннія силы, вся жизнь моя, и сознаніе полной безплодности и вѣчной неосуществимости этого желанія гнететъ, мучаетъ меня, наполняетъ тоской, злостью, завистью, всѣмъ, что̀ есть безобразнаго и тягостнаго въ человѣческой натурѣ.»

Съ такими высокими требованіями отъ любви Добролюбовъ идеализировалъ даже и мимолетныя страсти, на которыя у насъ принято смотрѣть съ преступнымъ легкомысліемъ. Такъ, лѣтомъ 1858 г. во время своей поѣздки въ старую Руссу Добролюбовъ сблизился съ дѣвушкой, по словамъ его біографа, доброй и честной, но совершенно необразованной, не умѣвшей даже и держать себя хоть бы такъ, какъ умѣли держать себя горничныя, жившія въ услуженіи у семействъ не то-что свѣтскаго, а хоть бы чиновничьяго круга. Послѣ перваго увлеченія Добролюбовъ вскорѣ

отрезвѣлъ и понялъ, что никогда не любилъ этой дѣвушки, а просто увлеченъ былъ *сожалѣніемъ*, которое принялъ за любовь.

«Я и теперь жалѣю ее,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Бирдюгову,—мое сердце болитъ о ней, но я уже умѣю назвать свое чувство настоящимъ именемъ. Любви къ ней я не могу чувствовать, потому что нельзя любить женщину, надъ которой сознаешь свое превосходство во всѣхъ отношеніяхъ. Любовь потому-то и возвышаетъ человѣка, что предметъ любви непремѣнно возвышается въ глазахъ его надъ нимъ самимъ и надъ всѣмъ остальнымъ міромъ.

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой...

говоритъ Байронъ въ переводѣ Огарева къ своей bien-aimée,—и я убѣжденъ, что кто не чувствуетъ того-же самаго относительно своей милой, тотъ не любитъ въ самомъ дѣлѣ, а обманываетъ себя, увлекаясь чувственностью или бездѣльемъ... Между тѣмъ къ В. я никогда этого не чувствовалъ... Какая-же это любовь?»

Придя къ такому сознанію, Добролюбовъ рѣшился немедленно же прекратить свою связь съ дѣвушкой, но, судя по тому-же письму, не легко ему это было:

«Еслибы ты видѣлъ,—пишетъ онъ,—какъ горько, какъ безумно плакалъ я, объявляя В. мое рѣшеніе о прекращеніи нашихъ отношеній... О чемъ были эти слезы? Всего скорѣе это былъ плачъ о томъ, что такъ долго не умѣлъ я понять своей души и въ своей ничтожности довольствовался такимъ мизернымъ чувствованьицемъ, принимая его даже за святое чувство любви... Несчастная, юродивая у меня натуришка»...

Но и честно прервавши связь съ дѣвушкой, Добролюбовъ не бросилъ ее безъ всякаго призрѣнія и участія, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ зачастую: онъ до самой смерти заботился о ея безбѣдномъ существованіи, высылая ей деньги, тревожась, когда до его слуха доходила вѣсть о ея болѣзни; равно и послѣ его смерти друзья его, чтя его память, не оставили ее безъ участія до тѣхъ поръ, пока, выучившись какому-то ремеслу, она не получила возможности встать совсѣмъ на ноги.

Нужно замѣтить, что вообще всѣ сообщенія Добролюбова о своихъ любовныхъ приключеніяхъ (которыя, т. е. сообщенія, онъ дѣлалъ постоянно Бирдюгову, избравъ почему-то его одного въ повѣренные своихъ сердечныхъ дѣлъ) носятъ крайне минорный

тонъ. Застѣнчивый, неловкій, неуклюжій семинаристъ, какимъ оставался до самой своей смерти, Добролюбовъ не имѣлъ успѣха среди женскаго пола, и это его глубоко огорчало. Такъ, въ письмѣ къ Бирдюгову 18 января 1859 года онъ жалуется:

«По крайней мѣрѣ обо мнѣ до сихъ поръ женское мнѣніе таково, что можетъ сокрушить самую смѣлую самоувѣренность. Недавно Панаевъ возилъ меня въ маскарадъ и пробовалъ навязать меня интриговавшимъ его маскамъ; попытки были неудачны. Я бродилъ «сумраченъ, тихъ, одинокъ» и т. д. Встрѣтился одинъ офицеръ, котораго видѣлъ я у Л—скаго. Этотъ, сострадая моей участи, тоже хотѣлъ напустить на меня одну знакомую ему маску, но получилъ въ отвѣтъ, что «къ этакому уроду она даже подойти не въ состояніи». Могу прибавить и еще случай: Л—ская хочетъ женить меня на своей сестрѣ, а та не хочетъ выходить за меня; наконецъ говоритъ, что хочетъ, потому что мнѣ очень удобно будетъ рожки приставлять. Все это и самая женитьба, разумѣется, дѣлается и говорится на-смѣхъ; но ты видишь, что и самыя шутки принимаютъ всегда оборотъ, не весьма лестный для моего самолюбія».

Къ этой дѣвушкѣ, которую въ письмахъ къ Бирдюгову Добролюбовъ называетъ А. С., онъ чувствовалъ себя неравнодушнымъ; она повидимому кокетничала съ нимъ и кружила ему голову. Такъ, въ письмѣ къ Бирдюгову 22 апрѣля 1859 г. онъ пишетъ:

«Недавно мнѣ показалось, что въ обращеніи А. С. со мной есть какая-то нѣжность, какъ будто начало возникающей любви. Это было для меня такъ ново и пріятно, что я не могъ не обратить своего вниманія на чувство, возбужденное во мнѣ этимъ случаемъ. Строгій анализъ показалъ мнѣ, что чувство это—не любовь, а просто пріятное щекотаніе самолюбія. *Она* меня еще и теперь очень интересуетъ, даже гораздо больше, чѣмъ прежде, но, судя по тому, *что именно* пробуждается во мнѣ при ея внимательности,—я убѣждаюсь, что весь интересъ пропадетъ, какъ только я узнаю, что она меня полюбила. Теперь я только догадываюсь, что могу заставить ее полюбить себя, но все еще сомнѣваюсь, и потому продолжаю съ ней обращаться такъ, чтобы добиться пріятной несомнѣнности. Состояніе это, когда надежда перевѣшиваетъ сомнѣніе, довольно пріятно, и еслибы она была столько умна, что весь вѣкъ могла-бы держать меня въ такомъ состояніи, я-бы завтра-же на ней женился. Но я знаю, что та-

кихъ умныхъ женщинъ нѣтъ на свѣтѣ, знаю, что очевидность скоро должна заступить мѣсто сомнѣнія и надежды, а потому развязка моего любезничанья очень близка. Я даже по всей вѣроятности не стану и ждать того, чтобы она дѣйствительно меня полюбила,—съ меня довольно будетъ убѣжденія, что она совершенно готова на это!!. «А если она въ самомъ дѣлѣ полюбитъ и будетъ страдать?.. Не лучше-ли бросить эти игрушки огнемъ?» Вздоръ,—мы съ ней оба не таковскіе... Любовь, не получая себѣ пищи, пройдетъ у нея въ полтора дня... А если и нѣтъ, такъ что за бѣда?

Пускай ее поплачетъ,—
Ей ничего не значитъ...

Но, разумѣется, тутъ-то я и оказываюсь свиньей.. Я себя и не оправдываю...»

Можно представить себѣ разочарованіе Добролюбова въ тщетѣ всѣхъ подобныхъ размышленій, когда онъ окончательно убѣдился, что А. С. ни на одну минуту не была расположена полюбить его.

Но самымъ интереснымъ, характернымъ, обрисовывающимъ Добролюбова съ головы до ногъ, является мимолетный романъ, происшедшій съ нимъ на масляницѣ 1860 года и разсказанный имъ въ письмѣ къ Бирдюгову 25 февраля 1860 года. Добролюбовъ былъ позванъ къ одному знакомому на праздникъ совершеннолѣтія его дочери.

«Это было въ субботу, 6-го февраля,—пишетъ онъ.—Пріѣхало народу очень много, танцовали паръ 20, играли столахъ на 5. И между танцующими открылъ я одну дѣвушку, отъ которой не могъ оторвать глазъ; такъ была хороша она. Прежде всего поразилъ меня контрастъ черныхъ глазъ и бровей ея съ свѣтлорусыми волосами, потомъ розовая нѣжность ея кожи, правильное до послѣдней степени, симметрическое расположеніе всѣхъ чертъ, ротикъ съ улыбкой счастія и доброты, и такое умное, живое и въ то же время ласкающее выраженіе всей физіономіи, особенно глазъ... Ахъ, какіе это глаза, еслибы ты видѣлъ! Они не жгутъ и не горятъ, а какъ-то свѣтятся и грѣютъ тебя... Я впивался въ нее и почелъ бы себя счастливымъ, еслибы на меня упалъ одинъ взглядъ этихъ глазъ. Но она танцовала, а я былъ въ толпѣ смотрящихъ изъ дверей. А какъ она танцовала! Сколько прелести и граціи было въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ поворотѣ головы, въ каждой улыбкѣ, которой она размѣнивалась со своимъ кавалеромъ! Нѣтъ, никакой Грезъ никогда бы не могъ создать такой головки! А тутъ она была предо мною—живая, порхающая, говорящая съ другими! А я не смѣлъ даже подойти къ ней близко... Въ первый разъ я отъ глубины души проклялъ свою неуклюжесть и свое неумѣнье танцовать. Но проклятіями взять было нечего. Я рѣшился дѣйствовать иначе. Я спросилъ кто она? мнѣ назвали фамилію; спро-

силъ: съ кѣмъ она пріѣхала? Съ отцомъ. Я удовольствовался и прошелъ въ другую комнату. Тамъ спросилъ я, чтобы мнѣ показали г-на такого-то (т. е. отца ея). Мнѣ указали и я началъ около него вертѣться. Подслушалъ я, что онъ не успѣлъ составить себѣ партіи и ищетъ партнеровъ; тотчасъ же побѣжалъ я къ хозяину и попросилъ, чтобы онъ устроилъ партію въ ералашъ; такой-то съ такимъ-то сейчасъ изъявили желаніе играть, я—тоже хочу, остается найти четвертаго. Хозяинъ, ничего не подозрѣвая, сладилъ партію, и я сталъ играть съ почтеннымъ отцомъ, которому тутъ же былъ и представленъ. Надо тебѣ сказать, что онъ генералъ со звѣздой, и несмотря на то, я ему куртизанилъ въ картахъ и вообще ужасно егозилъ передъ нимъ. Пойми, какъ я врѣзался-то! Разумѣется, вся эта исторія кончилась тѣмъ, что мы познакомились. Я выспросилъ его адресъ и на другой день явился къ нему съ визитомъ и получилъ приглашеніе бывать по середамъ. Настаетъ середа, ѣду. И нужно же такъ случиться, что у него какой-то комитетъ пришелся тутъ, его дома нѣтъ, женѣ его я не представленъ, общество все незнакомое. Попросилъ одного случившагося знакомаго представить меня хозяйкѣ, но и послѣ этого остался одинокъ. Только и нашелъ отрады, что въ разговорѣ съ однимъ молодымъ путейскимъ офицерикомъ, который пренаивно спрашивалъ меня: живъ ли Кольцовъ, а впрочемъ находилъ, что Бенедиктовъ плохъ и пр. Наконецъ явился хозяинъ, и меня посадили за карты. Я пасовалъ каждую игру, и мнѣ дѣйствительно ничего не шло (играли въ табельку), да я и не о томъ думалъ. Наконецъ уставши до нельзя, я посадилъ вмѣсто себя другого, а самъ вышелъ въ ту комнату, гдѣ были дамы. Тамъ оказался и офицерикъ. Всѣ смѣялись, разсказывали что-то и между прочимъ играли въ дурачки, страшно плутуя и оставляя каждый разъ какую-то старушку, которая тоже плутовала, да не совсѣмъ искусно. Я попросилъ позволенія присоединиться къ игрѣ, въ которой и *она* участвовала. Сѣсть мнѣ пришлось возлѣ нея, такъ что ей приходилось ходить ко мнѣ. Въ первую же игру она пошла мнѣ тремя картами, когда у меня было только двѣ на рукахъ. Я показалъ ей ихъ, а она кивнула головой на схоженныя ею карты и сказала выразительно: «кройте». Я посмотрѣлъ, въ ходѣ оказалось четыре карты, а не три. Я тогда нечаянно уронилъ одну изъ нихъ на полъ, потомъ поднялъ и взялъ себѣ на руки, а затѣмъ раскрылъ всѣ карты, и мы оба вышли. Подобныя продѣлки повторялись каждую игру, и веселью конца не было. Въ промежуткахъ шли разсказы, анекдоты и всяческое посильное остроуміе. Она была на этотъ разъ небрежно одѣта и причесана и производила менѣе эффекта, но я зато убѣдился, что она дѣйствительно умна и имѣетъ живое сердце. Съ какими мечтами ѣхалъ я оттуда, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующей среды. И не выдержалъ: среди недѣли нашелъ дѣло къ ея отцу и заѣхалъ въ 12 часовъ, разсчитывая застать всѣхъ за завтракомъ. Но остался въ дуракахъ: ея не видалъ, а отца встрѣтилъ уже почти на порогѣ: онъ собирался уходить изъ дому. Наконецъ являюсь сегодня въ половинѣ 10-го, здороваюсь, смотрю: одни играютъ въ карты, и сама хозяйка тоже, другіе разсуждаютъ о томъ, можно ли назвать счастливымъ въ производствѣ такого-то подполковника, и проводятъ параллель съ его товарищами; дамы все разсуждаютъ о сгорѣвшихъ на масляницѣ двухъ

дѣвушкахъ. Я осмотрѣлся и не нашелъ около себя дружелюбнаго лица, съ которымъ бы могъ заговорить, кромѣ опять того же офицерика. Въ прошедшую среду мы съ нимъ немножко сошлись, такъ что я началъ разговоръ такимъ образомъ: «Хорошо мое положеніе въ этомъ домѣ, никого не знаю, никому не представленъ, и заговорить ни съ кѣмъ не могу». Онъ посмотрѣлъ на меня, и тутъ только замѣтилъ я, что онъ чѣмъ-то особенно сіяетъ.—«А вы знаете мое положеніе въ этомъ домѣ?» спросилъ онъ меня.—«Какое? Въ томъ же родѣ, какъ и мое?»—«Нѣтъ, совсѣмъ въ другомъ», отвѣчалъ онъ и ухмыльнулся: «Я сегодня объявленъ здѣсь женихомъ».—«Какъ?» закричалъ я.—«Да, я женюсь на дочери N.». Не знаю, что со мной сдѣлалось при этомъ извѣстіи. Я судорожно сжалъ рукой горячій стаканъ чаю, бывшій у меня, прислонился къ двери, и боль обожженной руки отвлекла начинавшееся головокруженіе.—«Я очень доволенъ», прибавилъ онъ, весело смотря мнѣ въ глаза.—«Еще бы», отвѣчалъ я: - «да это такое счастье, больше котораго я ничего и не подумалъ бы пожелать себѣ». Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько странно; я опомнился. «Ну, поздравляю васъ», началъ я добродушнымъ тономъ:—«Она, кажется, очень умная и добрая, и притомъ...» Словомъ, я пустился въ панегирикъ ей, который не былъ ему непріятенъ... Между прочимъ я спросилъ, давно ли онъ знакомъ съ ней;—три года, говоритъ. Я заглянулъ въ гостиную, гдѣ она гуляла съ какой-то подругой. У нея на лицѣ такая радость, столько любви и счастья; посмотрѣлъ я на нихъ вмѣстѣ: она такъ кокетливо оборачиваетъ къ нему головку, такъ томно кладетъ свою руку на его, такъ на него смотритъ, какъ будто говоритъ: «возьми меня, возьми, я твоя....» Посмотрѣлъ я на все это, потомъ посмотрѣлъ на часы: было четверть 11-го. Я пробылъ всего три четверти часа; уѣхать было еще нельзя. Я подошелъ къ играющимъ, глядѣлъ въ карты, но ничего не понималъ. Поставивъ однако два ремиза, хозяинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну, какъ же было не купить?»—Я не вдругъ сообразилъ смыслъ вопроса, не вдругъ понялъ, что по требованію приличія долженъ я былъ сказать «да» или «нѣтъ...» Я промычалъ что-то и вскорѣ потомъ отошелъ. Присталъ я къ какому-то разговору; но въ головѣ у меня ходило что-то, точно я ухомъ прилегъ къ котлу паровоза: такъ и кипѣло; такъ и ходило все—шумъ и безтолковщина. Въ срединѣ разговора я очнулся какъ-то, слышу хвалятъ какого-то профессора должно быть за то, что добросовѣстно за наукой слѣдитъ; я кивнулъ головой и промычалъ. Потомъ еще разъ очнулся: говорили ужъ что-то объ операторахъ, я улыбнулся въ знакъ согласія и посмотрѣлъ на часы. Было одиннадцать. Я взялъ шляпу и сталъ прощаться. Поклонившись всѣмъ, мнѣ незнакомымъ, я подаю руку жениху.—«А вы знакомы?» спросила мать, до того не говорившая со мной ни слова.—«Какъ же, maman, прошедшую среду познакомились; мы еще всѣ въ дурачки играли», съ какой-то дѣтской радостью и гордостью подхватила она. И при этомъ она такъ на него поглядѣла, что въ значеніи ея словъ нельзя было сомнѣваться. Они значили: «не правда ли, что ты, мой милый, лучше всѣхъ здѣсь! Вотъ чужой человѣкъ, въ первый разъ явившійся,—какъ, не сошедшись ни съ кѣмъ, тотчасъ же познакомился съ тобой». Мнѣ показалось даже, что она улыбнулась ласковѣе при прощаньи, именно за то, что я сошелся съ ея милымъ. А отецъ,

прощаясь со мной, наивно проговорилъ:—«А жаль, что вамъ партія не составилась сегодня».—Я немножко дрогнулъ и отвѣчалъ:—«Что дѣлать!» такимъ отчаянно грустнымъ тономъ, что меня всѣ окружающіе сочли вѣроятно чудовищнымъ экземпляромъ записного картежника. А я думалъ совсѣмъ о другой партіи...

Дорога отъ нихъ ко мнѣ была длинная; ванька попался плохой; въ лицо мнѣ хлесталъ мокрый снѣгъ. Въ груди у меня шевелились рыданья, я хотѣлъ всплакнуть отъ бездѣлья; но и то какъ-то не вышло. Дома принялся было за исправленіе одной рукописи, которую хотѣлъ теперь печатать; но почувствовалъ себя въ настроеніи къ дружескимъ изліяніямъ, и принялся за письмо къ тебѣ...

«И такъ отъ 6-го до 24-го февраля я предавался безумной, хотя и робкой надеждѣ на то, что могу быть счастливъ. Сколько было тутъ плановъ, мечтаній, думъ и сомнѣній! Радостныхъ минутъ только не было, исключая впрочемъ той, когда я получилъ приглашеніе ея отца бывать у нихъ, и тѣхъ немногихъ минутъ, когда мы играли въ дурачки... И вотъ она аллегорія-то: какъ я ни плутовалъ, а все-таки въ дуракахъ остался. А она вотъ выходитъ! Чортъ знаетъ, что такое!

«Я тебѣ не расписываю своихъ чувствъ. Но объ ихъ силѣ ты можешь заключить по несвойственной мнѣ смѣлости и стремительности дѣйствій, высказанныхъ мной въ этомъ случаѣ. Суди же и о важности моего огорченія. Все, окружающее меня, все, что я знаю,—дрянь въ сравненіи съ ней; а я принужденъ съ этой дрянью возиться и любезничать, въ то время, какъ у меня сердце защемлено, въ мечтахъ все она, въ глазахъ все ея милый образъ и рядомъ этотъ женихъ... добрѣйшій впрочемъ малый, съ которымъ ей жить будетъ спокойно. Она же институтка и кипучей жизни страстей не вѣдаетъ; это видно по тому сіянію, которое разлито по ея нѣжному, доброму и умному лицу. Пусть она будетъ счастлива, и пусть никто не возмутитъ ея спокойствія, ея наслажденія жизнью... Я бы заѣлъ и погубилъ ее... И по дѣломъ не достается мнѣ владѣть такой красотой, такимъ богатствомъ!—Эхъ, прощай, Вася. Напиши мнѣ что нибудь. Твой Н. Д.

P. S. А вѣдь и офицерикъ-то плюгавенькій... Эхъ-ма!!!»

Любовныя неудачи были естественно причиной того, что Добролюбовъ все болѣе и болѣе погружался въ литературный трудъ, находя въ немъ единственное утѣшеніе въ своей жизни. Надо было удивляться, говоритъ Головачова въ своихъ воспоминаніяхъ, когда Добролюбовъ успѣвалъ перечитать всѣ русскія и иностранныя газеты, журналы, всѣ выходящія новыя книги, массы рукописей, которыя тогда присылались и приносились въ редакцію. Авторамъ не нужно было по нѣскольку разъ являться въ редакцію, чтобы узнать объ участи своей рукописи. Добролюбовъ всегда прочитывалъ рукопись къ тому дню, который назначалъ автору.

«Много времени терялось у Добролюбова на бесѣды съ новичками-писателями, желавшими узнать его мнѣніе о недостат-

кахъ своихъ первыхъ опытовъ. Если Добролюбовъ видѣлъ какія-нибудь литературныя способности въ молодомъ авторѣ, то охотно давалъ совѣты и поощрялъ къ дальнѣйшимъ работамъ. Не мало труда и времени нужно было употребить также на исправленіе нѣкоторыхъ рукописей. Наконецъ приходилось безпрестанно отрываться отъ дѣла и для объясненій съ ними. Такимъ образомъ Добролюбовъ могъ приниматься за писаніе своихъ статей только вечеромъ, и часто засиживался за работой до 4 часовъ утра».

Для того, чтобы неотступно быть при редакціи, Добролюбовъ послѣ своей поѣздки въ Старую Руссу поселился въ двухъ комнаткахъ, которыя Некрасовъ нарочно принанялъ для него къ своей квартирѣ и велѣлъ пробить дверь въ людскую, чтобы Добролюбовъ могъ имѣть теплое сообщеніе съ редакціей.

Когда Головачова вернулась съ дачи, успѣвшій уже къ тому времени переѣхать къ нимъ Добролюбовъ сказалъ ей, улыбаясь:

— Вотъ и я попалъ на литературное подворье.

«Онъ вспомнилъ,—замѣчаетъ при этомъ Головачова,—что я, бесѣдуя съ нимъ въ первый разъ на дачѣ, выразилась, что наша квартира точно литературное подворье, такъ какъ у насъ постоянно жили литераторы.

— Не думаю,—возразила Головачова,—чтобы вамъ было удобно жить въ такихъ маленькихъ комнатахъ и такъ близко отъ нашей людской,—вамъ будутъ мѣшать работать.

— Въ меблированныхъ комнатахъ еще болѣе неудобствъ,— отвѣчалъ онъ,—я часто оставался безъ обѣда; заработаешься и забудешь во время потребовать его, а потомъ принесутъ Богъ знаетъ откуда обѣдъ холодный, скверный; съѣшь его и почувствуешь боль въ желудкѣ, а я давно уже страдаю хронической болѣзнью желудка и чувствую, какъ слабѣю отъ этой болѣзни.

«Сначала я посылала,—говоритъ далѣе въ своихъ воспоминаніяхъ Головачова,—Добролюбову въ комнату утренній чай и завтракъ, потому что Некрасовъ и Панаевъ вставали поздно и въ разное время; но немного спустя онъ попросилъ у меня позволенія приходить пить чай ко мнѣ (я вставала рано), ссылаясь на то, что въ это время, безъ него, уберутъ его комнаты, и онъ тотчасъ-же послѣ чая можетъ сѣсть за работу.

«За утреннимъ чаемъ я заставляла Добролюбова ѣсть что-нибудь мясное, потому что иногда онъ приходилъ къ чаю, совсѣмъ не ложась спать и проработавъ всю ночь. Такъ какъ при этомъ я настояла, чтобы Добролюбовъ послѣ ѣды отдыхалъ съ пол-

часа, то къ чаю началъ являться и Чернышевскій, чтобы, пользуясь этимъ свободнымъ временемъ, поговорить съ Добролюбовымъ.

«Ихъ отношенія удивляли меня тѣмъ, что не были ни въ чемъ рѣшительно схожи съ взаимными отношеніями другихъ, окружавшихъ меня лицъ. Чернышевскій былъ гораздо старше Добролюбова, но держалъ себя съ нимъ какъ товарищъ.

Нѣсколько позже, по утрамъ когда вставалъ Некрасовъ, Добролюбовъ бесѣдовалъ съ нимъ относительно состава книжекъ «Современника», и вообще о статьяхъ, предназначавшихся для напечатанія въ журналѣ. Онъ очень заботился, чтобы ни одна фраза не противорѣчила направленію журнала, и волновался, если авторъ статей выражалъ свои мысли слишкомъ многословно. Особеннымъ многословіемъ, по словамъ Головачовой, отличался литераторъ *Ш*. Однажды Добролюбовъ настаивалъ на необходимости выкинуть изъ его статьи три страницы.

— За что-же,—говорилъ Добролюбовъ,—заставлять читателя терять время на ненужную болтовню автора, разводящаго на трехъ страницахъ мысль, которую можно выразить двумя фразами; да и добро бы, еслибы эта мысль была нова, а то самая избитая.

— Не стоитъ поднимать возню!—замѣтилъ Некрасовъ,—потомъ объясненія съ *Ш*.

— Я беру на себя эти объясненія.

— Это не избавитъ и меня отъ нихъ. И такъ на «Современникъ» всѣ точатъ зубы! Обрадуются, что у редакціи выйдетъ непріятность съ *Ш*... и пойдутъ разные толки.

— Редакція обязана дорожить мнѣніемъ читателя, а не литературными сплетнями,—отвѣчалъ Добролюбовъ.—Если бояться всѣхъ сплетенъ и подлаживаться ко всѣмъ требованіямъ литераторовъ, то лучше вовсе не издавать журнала; достаточно и того, что редакціи нужно сообразоваться съ цензурой. Пусть господа литераторы сплетничаютъ, что̀ хотятъ; неужели можно обращать на это вниманіе и жертвовать своими убѣжденіями? Рано или поздно правда разоблачится, а клевета, распущенная изъ мелочного самолюбія, заклеймитъ презрѣніемъ самихъ-же клеветниковъ.

Не ограничиваясь критическими статьями и рецензіями, Добролюбовъ, какъ извѣстно, въ концѣ 1858 года открылъ въ «Современникѣ» особенный сатирико-обличительный отдѣлъ, подъ заглавіемъ «Свистокъ».

«Свистокъ», по словамъ Головачовой, всегда сочинялся послѣ

обѣда, за кофеемъ. Тутъ же импровизировались стихотворенія: Добролюбовымъ, Панаевымъ и Некрасовымъ. Въ «Свисткѣ» принималъ участіе и В. Курочкинъ. Когда изъ-за «Свистка» въ литературѣ поднялась цѣлая буря на «Современникъ», Головачова шутя говорила Добролюбову:—«что, освистали васъ?»

— А мы еще громче будемъ свистать!—отвѣчалъ Добролюбовъ:—эта руготня только подзадоритъ насъ, какъ жаворонковъ въ клѣткѣ, когда начинаютъ во время ихъ пѣнія стучать ножами о тарелку. «Свистокъ» сдѣлаетъ свое дѣло, осмѣетъ все пошлое, что печатаютъ бездарные поэты. Серьезно разбирать всю эту глубокомысленную поэтическую пошлость и фальшь не стоитъ; за что утруждать бѣднаго читателя, а «Свистокъ» онъ прочтетъ легко и еще посмѣется.

Не ограничиваясь всѣми этими неусыпными трудами, Добролюбовъ не переставалъ заботиться о своей семьѣ, выписалъ двухъ своихъ маленькихъ братьевъ, Володю и Ваню, для поступленія ихъ въ среднія учебныя заведенія, и самъ занимался между дѣлами приготовленіемъ ихъ къ вступительному экзамену. Кромѣ заботъ о сестрахъ и братьяхъ, Добролюбову пришлось заботиться пристроить на службу также пріѣхавшаго къ нему дядю.

Идеальное прямодушіе во всѣхъ литературныхъ отношеніяхъ, отсутствіе поклоненія какимъ бы то ни было авторитетамъ и заискиваній передъ громкими именами и знаменитостями, наконецъ полное отрицаніе какихъ бы то ни было компромиссовъ, подлаживаній и уступокъ ради практическихъ соображеній было главной причиной того столкновенія Добролюбова съ Тургеневымъ, которое повело за собой разрывъ съ редакціей «Современника» какъ Тургенева, такъ и нѣкоторыхъ другихъ писателей 40-хъ годовъ (Писемскаго, Анненкова, Дружинина и пр.). Съ самаго вступленія въ «Современникъ» новыхъ критиковъ и публицистовъ, старые литераторы начали коситься на молодыхъ, и въ «Современникѣ» образовалось какъ бы два враждебные лагеря. Добролюбовъ не могъ выносить обхожденія съ нимъ Тургенева свысока, и задолго до окончательнаго разрыва произошло между ними явное обнаруженіе взаимной непріязни. Разъ, придя въ редакцію, Тургеневъ сказалъ Панаеву, Некрасову и находившимся тутъ нѣкоторымъ старымъ знакомымъ литераторамъ:

— Господа,—не забудьте, я васъ всѣхъ жду сегодня обѣдать ко мнѣ, — и затѣмъ, поворотивъ голову къ Добролюбову, прибавилъ,—приходите и вы, молодой человѣкъ.

По уходѣ Тургенева Головачова посмѣялась Добролюбову, что онъ должно быть считаетъ себя сегодня счастливѣйшимъ человѣкомъ, удостоившись приглашенія на обѣдъ отъ главнаго литературнаго генерала.

— Еще бы! Такая неожиданная честь!

— Что-же, пойдете? спросила Головачова, будучи увѣрена, что онъ не пойдетъ послѣ такого приглашенія.

— Къ сожалѣнію у меня нѣтъ фрака, а въ сюртукѣ не смѣю явиться къ генералу,—отвѣчалъ, улыбаясь Добролюбовъ.

Панаевъ и Некрасовъ были удивлены, что Добролюбовъ не хочетъ ѣхать вмѣстѣ съ ними на обѣдъ къ Тургеневу; они не обратили вниманія на тонъ приглашенія.

— Васъ же приглашалъ Тургеневъ,—сказалъ ему Некрасовъ.

— За такое приглашеніе я никогда не пойду къ Тургеневу.

Некрасовъ съ удивленіемъ произнесъ: —Да онъ всѣхъ такъ приглашалъ.

— Вы всѣ его очень короткіе знакомые, а я вовсе нѣтъ.

— Это у него такая манера,—замѣтилъ Панаевъ.

Должно быть Некрасовъ намекнулъ Тургеневу—почему Добролюбовъ не пришелъ обѣдать, потому что Тургеневъ въ слѣдующій разъ сдѣлалъ ему любезное приглашеніе, но это не тронуло Добролюбова, и онъ все-таки не пошелъ.

Тургеневъ замѣтно сталъ относиться внимательнѣе къ Добролюбову и началъ заводить съ нимъ разговоры, когда встрѣчалъ его въ редакціи, потому что литературная извѣстность Добролюбова быстро росла. Но Добролюбовъ все-таки упорствовалъ и не являлся на тургеневскіе обѣды. Наконецъ Тургеневъ обратился къ Панаеву:

— Привези ты его обѣдать ко мнѣ, увѣрь его, что онъ не застанетъ у меня общества, въ которомъ никогда не бывалъ.

Когда-же Добролюбовъ и послѣ этого не явился къ Тургеневу, тотъ понялъ наконецъ, что причина, по которой Добролюбовъ не является на его обѣды, заключается вовсе не въ страхѣ встрѣтиться съ аристократическимъ обществомъ.

— Въ нашей молодости,—сказалъ онъ Панаеву,—мы рвались хоть посмотрѣть поближе на литературныхъ авторитетныхъ лицъ, приходили въ восторгъ отъ каждаго ихъ слова, а въ новомъ поколѣніи мы видимъ игнорированіе авторитетовъ; вообще сухость, односторонность, отсутствіе всякихъ эстетическихъ увлеченій; всѣ они точно мертворожденные. Меня страшитъ, что они

внесутъ въ литературу ту же мертвечину, какая сидитъ въ нихъ самихъ. У нихъ не было ни дѣтства, ни юности, ни молодости,—это какіе-то нравственные уроды.

Убѣдившись, что Добролюбовъ не поддается на его любезныя приглашенія, оскорбленный Тургеневъ началъ говорить, что въ статьяхъ Добролюбова виденъ инквизиторскій пріемъ осмѣять, загрязнить всякое увлеченіе, всѣ благородные порывы души писателя, что онъ возводитъ на пьедесталъ матеріализмъ, сердечную сухость и съ нахальствомъ глумиться надъ поэзіей, что никогда русская литература, до вторженія въ нее семинаристовъ, не потворствовала мальчишкамъ изъ желанія пріобрѣсти этимъ популярность. Кто любитъ русскую литературу и дорожитъ ея достоинствомъ, тотъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы избавить ее отъ этихъ кутейниковъ-вандаловъ!

Эти воззванія Тургенева доходили до Добролюбова, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и удивлялся только одному: къ чему объ этомъ передаютъ ему?

— Неужели думаютъ,—говорилъ онъ,—что я испугаюсь такихъ угрозъ и въ угоду Тургеневу измѣню свои убѣжденія. Странныя понятія у этихъ господъ.

При такихъ натянутыхъ отношеніяхъ достаточно было малѣйшаго повода для окончательнаго разрыва, и такой поводъ не замедлилъ представиться въ видѣ блестящей статьи Добролюбова о романѣ Тургенева «Наканунѣ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1860 г. подъ заглавіемъ «Когда же придетъ настоящій день». Вотъ какъ разсказываетъ Головачова о томъ, какой сыръ-боръ загорѣлся по поводу этой статьи.

«Добролюбовъ написалъ статью о повѣсти Тургенева «Наканунѣ», и она была послана цензору Бекетову. Всѣ, читавшіе эту статью, находили, что Добролюбовъ хвалилъ автора и отдавалъ должное его таланту. Да иначе и быть не могло. Добролюбовъ настолько былъ честенъ, что никогда не позволялъ себѣ примѣшивать къ своимъ отзывамъ о чьихъ либо литературныхъ произведеніяхъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Некрасовъ пришелъ ко мнѣ очень встревоженный и сказалъ:

«Ну, Добролюбовъ заварилъ кашу! Тургеневъ страшно оскорбился его статьей... И какъ это я сдѣлалъ такой промахъ, что не отговорилъ Добролюбова отъ намѣренія написать статью о новой повѣсти Тургенева для нынѣшней книжки «Современника». Тургеневъ сейчасъ прислалъ ко мнѣ К. съ просьбой выбросить изъ

статьи все начало. Я еще не успѣлъ ее прочитать. По словамъ Тургенева, переданнымъ мнѣ К., Добролюбовъ будто бы глумится надъ его литературнымъ авторитетомъ и вся статья исполнена какими-то недобросовѣстными ехидными намеками.

«Я удивилась, какимъ образомъ могли попасть въ руки Тургенева корректурные листы статьи Добролюбова? Оказалось, что цензоръ Бекетовъ самъ отвезъ ихъ Тургеневу изъ желанія услужить. Не желая ссориться съ Тургеневымъ изъ-за статьи Добролюбова и увѣренный, что Добролюбовъ согласится на уступки, Некрасовъ отправился объясняться къ Добролюбову.

«Черезъ часъ,—разсказываетъ дальше Головачова,—Добролюбовъ пришелъ ко мнѣ, и я услышала въ его голосѣ раздраженіе.

— Знаете ли, что продѣлалъ цензоръ съ моей статьей?— сказалъ онъ.

«Я ему отвѣчала, что все знаю; тогда Добролюбовъ продолжалъ:—Отличился Тургеневъ! По генеральски ведетъ себя... Удивилъ меня также и Некрасовъ, вообразивъ, что я способенъ на лакейскую угодливость. Въ виду нелѣпыхъ обвиненій на мою статью, я теперь ни одной фразы не выкину изъ нея.

«Добролюбовъ прибавилъ, что сейчасъ ѣдетъ объясняться къ цензору Бекетову. Я замѣтила, что не стоитъ тратить время на объясненія.

— Какъ не стоитъ!—возразилъ Добролюбовъ,—если у человѣка не хватаетъ смысла понять самому, что нельзя дозволять себѣ такое нецеремонное обращеніе со статьями, которыя онъ обязанъ цензуровать, а не развозить для прочтенія — кому ему вздумается...

«Некрасовъ дважды въ этотъ день былъ у Тургенева, но, не заставъ его дома, оставилъ ему письмо и получилъ отвѣтъ, состоящій изъ одной фразы:

«Выбирай:—я или Добролюбовъ.»

«Было уже два часа ночи, когда Некрасовъ вернулся изъ клуба. Озадаченный Тургеневскимъ ультиматумомъ и, ходя по комнатѣ, онъ говорилъ:

— Я внимательно прочелъ статью Добролюбова и положительно не нашелъ въ ней ничего, чѣмъ могъ бы оскорбиться Тургеневъ. Я это написалъ ему, а онъ вотъ какой отвѣтъ мнѣ прислалъ!.. Какая черная кошка пробѣжала между нами? Остается одно: вовсе не печатать этой статьи. Добролюбовъ очень дорожитъ журнальнымъ дѣломъ и не захочетъ, чтобы изъ-за его

статьи у Тургенева произошелъ разрывъ съ «Современникомъ». Это повредитъ журналу, да и прибавитъ Добролюбову враговъ, которыхъ у него и такъ много; въ литературѣ обрадуются случаю, поднимутъ гвалтъ, на него посыпятся разныя сплетни, такъ что гораздо благоразумнѣе избѣжать всего этого... Я въ такомъ состояніи, что не могу идти къ нему объясняться, лучше вы передайте, какой серьезный оборотъ приняло дѣло.

«Я,—разсказываетъ Головачева,—отправилась къ Добролюбову; онъ удивился моему позднему приходу. Я придала шутливый тонъ своему порученію и сказала:

— Я явилась къ вамъ, какъ парламентеръ.

— Догадываюсь—предлагаютъ сдаться?—съ усмѣшкой спросилъ онъ.

— Разсчитываютъ на ваше благоразуміе, которое устранитъ важную потерю для журнала. Некрасовъ получилъ записку отъ Тургенева...

— Вѣроятно Тургеневъ грозитъ, что не будетъ болѣе сотрудникомъ въ «Современникѣ», если напечатаютъ мою статью,—перебилъ меня Добролюбовъ.—Непонятно мнѣ, для чего понадобилось Тургеневу придираться къ моей статьѣ? Онъ могъ бы прямо заявить Некрасову, что не желаетъ сотрудничать вмѣстѣ со мной. Каждый свободенъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ людямъ!.. Я выведу Некрасова изъ затруднительнаго положенія, я самъ не желаю быть сотрудникомъ въ журналѣ, если мнѣ нужно подлаживаться къ авторамъ, о произведеніяхъ которыхъ я пишу.

«Добролюбовъ не далъ мнѣ возразить и добавилъ:

— Нѣтъ, ужъ если вы взялись за роль парламентера, такъ выполняйте ее по всѣмъ правиламъ и передайте мой отвѣтъ Некрасову.»

Некрасовъ очутился такимъ образомъ между двухъ огней: ему предстояло разорвать или съ Тургеневымъ, или съ Добролюбовымъ. Но какое высокое мѣсто ни занималъ Тургеневъ въ то время въ литературѣ, въ его лицѣ Некрасовъ терялъ только талантливаго беллетриста; между тѣмъ какъ вслѣдъ за Добролюбовымъ ушли бы и всѣ прочіе члены редакціи, въ рукахъ которыхъ было все веденіе журнала и которымъ журналъ былъ обязанъ въ то время главнымъ образомъ успѣхомъ. Понятно, что Некрасову пришлось пожертвовать своей многолѣтней дружбой съ Тугеневымъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ могъ считать себя обиженнымъ Тургене-

вымъ, пристроившимъ свой романъ «Наканунѣ» не въ «Современникѣ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Разрывъ Тургенева съ «Современникомъ», надѣлавшій въ литературѣ много шума и повлекшій за собой много сплетенъ и всякаго рода инсинуацій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрывомъ двухъ партій, или, правильнѣй сказать, двухъ поколѣній—людей сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ.

V.

Болѣзнь Добролюбова.—Путешестія за границей.—Смерть.

Мы видѣли, что уже во время институтскаго курса Добролюбовъ прихварывалъ и вообще не отличался цвѣтущимъ здоровьемъ. Дурное питаніе въ институтскомъ пансіонѣ, петербургскій климатъ, крайне вредный для слабогрудыхъ людей, въ особенности для пріѣзжихъ съ юга, усиленныя занятія, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе осложнявшіяся,—все это подтачивало здоровье Добролюбова, и въ 1860 г. обнаружились всѣ признаки быстро развивающейся чахотки.

«Когда по утрамъ онъ приходилъ ко мнѣ пить чай,—говоритъ Головачова,—въ его лицѣ не было ни кровинки; онъ страдалъ безсонницей, отсутствіемъ аппетита и чувствовалъ сильную слабость».

«Въ прошломъ декабрѣ, – пишетъ Добролюбовъ въ письмѣ къ М. И. Шимановскому,—я пріобрѣлъ сильный хроническій бронхитъ, который при моемъ образѣ жизни и при петербургскомъ климатѣ грозитъ перейти въ чахотку. Зимой я былъ серьезно боленъ, такъ что съ мѣсяцъ не выходилъ никуда. Къ веснѣ сталъ поправляться, но плохо»...

Докторъ совѣтовалъ ему бросить всѣ занятія и ѣхать за границу; но не малаго труда стоило близкимъ и знакомымъ людямъ заставить Добролюбова послушаться этого совѣта доктора. Онъ возражалъ, что едва успѣлъ развязаться съ долгомъ, который сдѣлалъ его покойный отецъ, построивъ себѣ домъ въ Нижнемъ, что дохода съ этого дома не хватаетъ на содержаніе и воспитаніе его сестеръ и братьевъ, и въ то время какъ на немъ лежитъ обязанность заботиться о нихъ, онъ будетъ отдыхать цѣлый годъ и тратить деньги на путешествіе! И только когда всѣ окружающіе начали неотступно настаивать, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ за границу, онъ самъ понялъ, что ему необходимо возстановить силы. Некрасовъ же щедро снабдилъ его деньгами и открылъ ему без-

граничный кредитъ. Добролюбовъ въ концѣ мая 1860 г. уѣхалъ наконецъ за границу. Братья его были отданы для приготовленія къ вступительному экзамену учителю П. С. Юрьеву, который бралъ гимназистовъ на содержаніе.

Отправился Добролюбовъ, черезъ Берлинъ и Лейпцигъ, въ Дрезденъ. Какъ прежде, въ юности, по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ не расщедривался въ письмахъ къ роднымъ и землякамъ на описаніе своихъ петербургскихъ впечатлѣній, столь же скупъ онъ былъ и теперь относительно впечатлѣній заграничныхъ. Письма его, какъ къ петербургскимъ друзьямъ, такъ и къ нижегородскимъ роднымъ, носятъ исключительно дѣловой характеръ.

«Описывать мои переѣзды—нечего, пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ М. А. Кострову:—всѣ очень благополучно и просто совершаются по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ. Разсказывать о томъ, что видѣлъ—объ этомъ въ книжкахъ можно читать гораздо лучше; остается спрашивать и извѣщать о здоровьѣ,—что́ я дѣлаю. Но и это не надо дѣлать слишкомъ часто».

Въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ его поразило только изобиліе русскихъ.

«До сихъ поръ,—пишетъ онъ къ М. И. Шимановскому,—я какъ будто все въ родной Руси. Можете себѣ представить, что вчера первый день еще выдался мнѣ такой, что я русскаго языка не слышалъ. А то куда ни оглянись—вездѣ русскіе. Въ Дрезденѣ—такъ это доходитъ до неприличія. Въ театрѣ я разъ сидѣлъ, буквально окруженный русскими: впереди, позади и справа были пары и тройки, которыя несли ужаснѣйшую дичь, воображая, что никто ихъ не понимаетъ; слѣва сидѣлъ молчаливый господинъ, имѣвшій видъ нѣмца. Я обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ относительно актеровъ: онъ мнѣ отвѣтилъ, что самъ не знаетъ, что онъ въ первый разъ въ здѣшнемъ театрѣ; затѣмъ оказалось, что это русскій».

Дрезденъ Добролюбову не понравился.

«Въ Саксонской Швейцаріи,—пишетъ онъ въ письмѣ П. Н. Казанскому,—виды точно превосходные; но въ городѣ все такъ узко, темно, грязно, что онъ годится гораздо болѣе для панорамы, нежели для живого глаза. А въ панорамѣ онъ долженъ быть великолѣпенъ, со своими узкими, закопченными зданіями, мутной и узенькой Эльбой, разрѣзывающей его, и свѣжей зеленью, которая его опоясываетъ, составляя контрастъ съ копотью и грязью стѣнъ. Все это на картинѣ должно имѣть очень внушающій видъ, потому что останутся одни очертанія, а натуральная грязь исчезнетъ».

Въ Дрезденѣ Добролюбовъ совѣтовался съ докторомъ Вальтеромъ, который послалъ его въ Швейцарію, въ Интерлакенъ, а потомъ куда-нибудь купаться въ морѣ. Въ Интерлакенъ Добролюбовъ пріѣхалъ въ началѣ іюля и началъ здѣсь леченіе сывороткой и альпійскимъ воздухомъ, которое на время возстановило его силы и здоровье, какъ объ этомъ пишетъ онъ своимъ нижегородскимъ роднымъ: «Первый мѣсяцъ я былъ все такъ-же плохъ, какъ и дома, но по крайней мѣрѣ развлекся видомъ разныхъ мѣстъ и людей. А второй мѣсяцъ, который проведенъ мной въ Швейцаріи, принесъ положительную пользу моему здоровью. Кто меня здѣсь видѣлъ, тотъ говоритъ, что я послѣ петербургскаго уже значительно поправился. Я и самъ это замѣчаю, потому что теперь спокойнѣе и веселѣе смотрю на все»...

Въ началѣ августа Добролюбовъ, черезъ Бернъ и Парижъ, отправился въ Діепъ, гдѣ втеченіе всего августа онъ бралъ морскія ванны; а въ началѣ сентября онъ былъ снова въ Парижѣ, гдѣ ему предстояли очень непріятныя хлопоты съ паспортомъ. Дѣло заключалось въ томъ, что, какъ мы уже видѣли, онъ находился на номинальной службѣ при второмъ кадетскомъ корпусѣ и, какъ служащій человѣкъ, для путешествія за-границу имѣлъ отпускъ отъ корпуснаго начальства. Срокъ отпуска кончился, заграничный паспортъ, выданный ему на этотъ срокъ, потерялъ свое значеніе. Корпусное начальство почему-то отсрочку не разрѣшало, выходить же въ отставку Добролюбовъ боялся, такъ какъ срокъ его обязательной службы далеко еще не кончился, и Добролюбовъ не былъ увѣренъ, отпустятъ ли его въ отставку. Между тѣмъ русское посольство въ Парижѣ не хотѣло пропустить его на дальнѣйшее путешествіе съ просроченнымъ паспортомъ. Послѣ же увѣреній его, что онъ ждетъ новаго паспорта, рѣшило написать на старомъ паспортѣ, что онъ можетъ возвратиться въ Россію черезъ Сардинію. Вслѣдствіе этой подписи и французская полиція начала его выпроваживать изъ Франціи для возврата въ Россію. По счастью, незадолго передъ тѣмъ Педагогическій институтъ былъ закрытъ, и начальство безъ препятствій отпускало въ отставку бывшихъ казенныхъ воспитанниковъ его, не заставляя ихъ отслуживать требуемые года. Добролюбовъ въ свою очередь былъ уволенъ въ отставку 25-го сентября безъ всякихъ обязательствъ по болѣзни, и затѣмъ на старомъ паспортѣ ему написали отсрочку.

Проведя осень въ Парижѣ, на зиму Добролюбовъ поѣхалъ въ Италію, во Флоренцію, въ Миланъ, въ Римъ, Неаполь, Мессину.

Въ Италіи онъ пробылъ до іюня 1861 г. Здѣсь онъ имѣлъ послѣдній, предсмертный романъ Такъ, въ письмѣ къ одному петербургскому знакомому изъ Неаполя онъ между прочимъ пишетъ:

«Ѣздилъ я недавно къ Помпею и влюбился тамъ не въ танцовщицу помпейскую, а въ одну мессинскую барышню, которая теперь во Флоренціи, а недѣли черезъ двѣ вернется въ Мессину. Какъ видите, мнѣ представлялся превосходный предлогъ ѣхать во Флоренцію, но я, признаться вамъ, струсилъ и даже въ Мессинѣ вѣроятно не буду отыскивать помпейскую незнакомку, хотя отецъ ея и далъ мнѣ свой адресъ и очень радушно приглашалъ къ себѣ.»

Тѣмъ не менѣе Добролюбовъ не только разыскалъ своихъ помпейскихъ знакомыхъ, но и настолько сблизился съ дѣвушкой, что дѣло дошло до сватовства. Родители ея были согласны выдать дочь за него, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ остался въ Италіи. Добролюбовъ колебался и одно время былъ готовъ согласиться на эти условія, но неизвѣстно почему дѣло разстроилось. Вотъ что пишетъ онъ по этому поводу одному своему петербургскому знакомому 12 іюня 61 г.:

«Я рѣшился въ то время отказаться отъ будущихъ великихъ подвиговъ на поприщѣ россійской словесности и ограничиться, пока не выучусь другому ремеслу, нѣсколькими статьями въ годъ и скромной жизнью въ семейномъ уединеніи въ одномъ изъ уголковъ Италіи. Поэтому вопросъ о томъ, сколько могъ бы я получать отъ «Современника», живя за-границей, былъ для меня очень серьезенъ. Я бы не думалъ объ этомъ, еслибы былъ одинъ; но у меня есть обязанности и въ Россіи, и я зналъ, что при прежней платѣ за статьи и при перемѣнѣ жизни я не могъ бы вырабатывать достаточно для всѣхъ. Ваше упорство не отвѣчать мнѣ на мои вопросы отняло у меня возможность дѣйствовать рѣшительно, и предположенія мои разстроились и можетъ быть навсегда. Вы скажете, что еслибъ мои предположенія были такъ существенно важны для меня, то я не далъ бы имъ разстроиться изъ-за такихъ пустяковъ. Скажете, что при серьезномъ рѣшеніи я и писать долженъ былъ не такъ, какъ вамъ писалъ тогда. Правда, но что же дѣлать, если въ моемъ характерѣ легкомысліе и скрытность соединяются такимъ образомъ, что я даже предъ самимъ собой боюсь обнаружить силу моихъ намѣреній и начинаю чувствовать ихъ значеніе для меня только тогда, когда уже становится поздно.»

Около половины іюня Добролюбовъ отправился на родину, моремъ; по пути заѣзжалъ въ Аѳины, по всей вѣроятности въ Константинополь, и въ началѣ іюля былъ уже въ Одессѣ. Насколько поправилось его здоровье отъ этой заграничной поѣздки, можно судить по тому, что въ Одессѣ у него хлынула кровь горломъ, что́ заставило его замедлить дальнѣйшее путешествіе.

При всемъ этомъ, такъ какъ въ то время желѣзныхъ дорогъ на югѣ еще нигдѣ не было, Добролюбову пришлось ѣхать на лошадяхъ, гдѣ въ дилижансѣ, гдѣ на перекладныхъ, постоянно глотая дорожную пыль,—нужно-ли говорить о томъ, какъ губительно дѣйствовало такое путешествіе по отечественнымъ дорогамъ. Тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ заѣхать къ роднымъ въ Нижній-Новгородъ, за то пріѣхалъ въ Петербургъ совсѣмъ больнехонекъ.

Въ половинѣ сентября Головачова, бывшая въ то время заграницей, получила отъ мужа (Панаева) письмо, которое ее очень встревожило и огорчило: Добролюбовъ простудился и расхворался. Докторъ нашелъ, что у него очень серьезная болѣзнь въ почкахъ. Она начала подумывать о возвращеніи въ Петербургъ для того, чтобы, если Добролюбову не будетъ лучше, по возможности удалить отъ него заботы о братьяхъ, и вообще доставить больному болѣе удобствъ при его холостой обстановкѣ. Вдругъ она получила слѣдующее письмо отъ Добролюбова:

«Если вамъ возможно, то вернитесь поскорѣй въ Петербургъ, ваше присутствіе для меня необходимо. Я никуда не гожусь! Меня раздражаетъ всякая мелочь въ моей домашней обстановкѣ. Вы можете видѣть, насколько я боленъ, если придаю значеніе пустякамъ. Я убѣжденъ, что если вы пріѣдете, то мнѣ легче будетъ перенести болѣзнь. Я не буду распространяться о моей благодарности, если вы принесете для меня эту жертву. Отвѣтьте мнѣ немедленно, можете-ли вы пріѣхать?»

Добролюбовъ въ это время уже не жилъ при Некрасовѣ. Передъ его пріѣздомъ дядя нанялъ новую квартиру, въ которой Добролюбовъ и поселился вмѣстѣ съ нимъ и съ братьями. Когда Головачова, по пріѣздѣ, пошла посмотрѣть, какая у него квартира, она нашла, что квартира никуда не годится для больного человѣка: мрачная, темная и сырая. Когда она присмотрѣлась къ домашней обстановкѣ Добролюбова, то поняла причину его раздражительности. Дядя поминутно донималъ его жалобами на племянниковъ, на кухарокъ, постоянно заводилъ разговоры о томъ, какое тягостное бремя взялъ на себя, завѣдуя хозяйствомъ, обижался, что Добролюбовъ не можетъ ѣсть жирный супъ и тощую курицу, зажаренную въ горькомъ маслѣ.

«Я,—разсказываетъ Головачева,—распорядилась присылать Добролюбову обѣдъ отъ насъ, а за это дядя его надулся на меня».

Добролюбовъ попрежнему, если еще не съ удвоеннымъ рвені-

емъ заботился о журналѣ и, не обращая вниманія ни на какую погоду, ѣздилъ въ типографію и къ цензорамъ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ октября онъ пріѣхалъ къ Некрасову отъ цензора въ десятомъ часу вечера, сильно раздраженный тѣмъ, что не могъ уломать его, чтобы онъ пропустилъ вычеркнутыя мѣста въ чьей-то статьѣ. Не смотря на всѣ убѣжденія Некрасова, Добролюбовъ принялся за исправленіе статьи, но не прошло и часа, какъ человѣкъ пришелъ сказать Головачовой, что Добролюбову нездоровится. Она нашла Добролюбова лежащимъ на диванѣ; у него былъ сильный пароксизмъ лихорадки, и онъ едва могъ проговорить: «согрѣйте меня!.. Только, ради Бога, не посылайте за докторомъ». Головачова укутала Добролюбова, напоила горячимъ чаемъ: послѣ озноба у него сдѣлался сильный жаръ, и онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ уже идти домой.

Некрасовъ распорядился послать рано утромъ записку доктору Шепулинскому, чтобы онъ пріѣхалъ осмотрѣть Добролюбова, но при этомъ сдѣлалъ-бы видъ, что посѣщеніе случайное.

Шепулинскій, выслушавъ Добролюбова, объявилъ Некрасову, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, что Добролюбову не встать съ постели. Некрасовъ и Панаевы рѣшили, что Добролюбову будетъ удобнѣе лежать въ большой свѣтлой комнатѣ, нежели въ его маленькой квартиркѣ.

Силы Добролюбова уже не возстановлялись; но онъ продолжалъ заниматься журналомъ: просматривалъ цензорскіе корректурные листы, читалъ рукописи; у него было столько силы воли, что онъ ничего не говорилъ о своемъ болѣзненномъ состояніи, и ему было непріятно, если кто-нибудь разспрашивалъ о его здоровьи. Головачова стала замѣчать, что для Добролюбова сдѣлалось тягостно присутствіе постороннихъ лицъ; онъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ, ложился на кушетку и закрывалъ себѣ лицо газетой. Она запретила пускать къ нему постороннихъ. Добролюбовъ догадался объ этомъ и замѣтилъ ей:

— Вы угадываете мои мысли, я только-что хотѣлъ васъ просить, чтобы вы никого ко мнѣ не пускали, кромѣ Чернышевскаго.

Чернышевскій каждый вечеръ аккуратно приходилъ посидѣть съ Добролюбовымъ, который всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ его прихода и оживлялся бесѣдой съ нимъ.

Несмотря на физическую слабость, голова Добролюбова была попрежнему свѣжа, и онъ живо интересовался общественными вопросами, литературой и журналомъ. Физически-же съ каждымъ

днемъ онъ слабѣлъ и угасалъ; ему даже было трудно сидѣть въ креслѣ; онъ больше лежалъ на кушеткѣ, но продолжалъ работать. Разъ, въ послѣднихъ числахъ октября, принялся онъ читать какую-то толстую рукопись, но отъ слабости выронилъ ее изъ рукъ. Онъ тяжко вздохнулъ, и этотъ вздохъ скорѣе походилъ на стонъ. Онъ закрылъ глаза и лежалъ нѣсколько минутъ неподвижно. При этомъ лицо его приняло такое страдальческое выраженіе, что, смотря на него, трудно было удержать слезы. Черезъ нѣсколько минутъ Добролюбовъ окликнулъ Головачову.

«Я подошла къ нему,—разсказываетъ далѣе Головачова,—стараясь принять равнодушный видъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, покачалъ съ укоризной головой и потомъ проговорилъ:

— Прочитайте-ка мнѣ рукопись, надо скорѣе дать юному автору отвѣтъ, онъ бѣдный навѣрное измучился, ожидая рѣшенія участи своего перваго произведенія.

«Я принялась читать рукопись, а Добролюбовъ лежалъ съ закрытыми глазами; я думала, что онъ дремлетъ, да и не до того ему было, чтобы вникать въ чтеніе, но оказалось, что онъ слѣдилъ за чтеніемъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на счетъ невыдержанности характера героя романа. Чтеніе наше было прервано полученіемъ письма отъ сестры Добролюбова изъ Нижняго. Прочитавъ письмо. Добролюбовъ печальнымъ тономъ произнесъ:

— Мои сестры уже взрослыя, но вотъ братья!.. Онъ тяжко вздохнулъ и замолчалъ.

«На другой день Добролюбовъ былъ задумчивъ и чѣмъ-то сильно встревоженъ. Когда ему надо было ложиться спать и я хотѣла уходить, онъ попросилъ меня остаться еще не надолго, говоря, что у него есть до меня большая просьба.

— Только—прибавилъ онъ—прежде дайте слово не разспрашивать меня ни о чемъ, какъ-бы ни показалось вамъ страннымъ мое желаніе.

«Я дала слово.

— Наймите мнѣ новую квартиру и переведите меня скорѣй въ нее... Я зналъ, что вы удивитесь,—тоскливо произнесъ онъ.

«Я отвѣчала ему, что завтра-же утромъ пойду искать ему квартиру.

— Не подумайте, что мнѣ нехорошо у васъ, но такъ надо!.. Мнѣ стыдно, что я сдѣлался такимъ привередникомъ, что не могу лежать на своей старой квартирѣ. Мнѣ надо теперь больше

свѣта и воздуха. Я объ одномъ попрошу васъ, когда вы будете нанимать квартиру для меня, чтобъ она была поближе отъ васъ. Я хочу, чтобъ мои братья были возлѣ меня.

«Я нашла квартиру черезъ домъ отъ насъ, въ домѣ Юргенса. Пока ее устраивали, пріискивали прислугу и т. п., прошла недѣля, впродолженіи которой Добролюбовъ ни о чемъ меня не разспрашивалъ и былъ вообще очень молчаливъ и печаленъ. Перваго или второго ноября вечеромъ я сказала ему, что квартира совершенно готова. Добролюбовъ испуганно повторилъ:

— «Все готово? Значитъ я въ послѣдній разъ переночую у васъ?» Онъ задумался и съ тяжкимъ вздохомъ прибавилъ— «завтра утромъ, часовъ въ одиннадцать, перевезите меня... Только я васъ попрошу, чтобы никто со мной не прощался... Вы отъ меня поблагодарите Панаева и Некрасова... Мнѣ и такъ будетъ тяжело».

«На другое утро, придя поить Добролюбова утреннимъ чаемъ, я замѣтила, что у него опухли глаза отъ слезъ. Человѣкъ Некрасова сказалъ мнѣ, что у Добролюбова всю ночь горѣлъ огонь, и онъ раза два вставалъ съ постели и сидѣлъ подолгу въ креслахъ, положивъ руки на столъ и склонивъ на нихъ голову.

«Добролюбовъ всегда встрѣчалъ меня утромъ, улыбаясь и увѣряя, что спалъ хорошо; но въ это утро онъ встрѣтилъ меня молча, хлебнулъ два глотка чаю и легъ на диванъ къ стѣнѣ. Я ждала, когда онъ самъ скажетъ, что пора уѣзжать. У меня къ 11 часамъ стояла у подъѣзда карета и люди съ кресломъ ждали на лѣстницѣ новой квартиры, чтобы внести больного въ третій этажъ. Но проходилъ часъ за часомъ, а Добролюбовъ все лежалъ, не мѣняя позы. Некрасовъ и Панаевъ совѣтовали спросить его, хочетъ-ли онъ ѣхать, но я боялась еще сильнѣе разстроить его. Наступилъ часъ его обѣда. Я подошла къ нему и сказала, что обѣдъ поданъ. Добролюбовъ съ трудомъ привсталъ и удивленно спросилъ:—«Неужели уже 4 часа?» пересѣлъ на кресло къ столу, но ѣсть ничего не захотѣлъ и опять легъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ.

«Я подумала, что онъ отложилъ свой переѣздъ. Въ 9 часовъ вечера человѣкъ Некрасова пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что Добролюбовъ зоветъ меня къ себѣ. Я нашла его сидящимъ на диванѣ; онъ поддерживалъ голову руками, облокотившись локтями на колѣни.

— Ради Бога, увезите меня скорѣй,—умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ.

«Я пошла распорядиться, а черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ Некрасова прибѣжалъ опять за мной, говоря, что больной безпокоится, что я его не везу.

— Какъ долго!.. скорѣй одѣвайте меня,—произнесъ Добролюбовъ, когда я вошла.

«Одѣваніе его состояло въ томъ, чтобы надѣть большіе теплые сапоги. Я повязала ему горло теплымъ шарфомъ. Добролюбовъ со стономъ произнесъ: «какъ мнѣ тяжело!» упалъ лицомъ въ подушку и, качая головой, повторялъ: «тяжело, тяжело!..»

— Зачѣмъ вы уѣзжаете? останьтесь,—проговорила я.

«Добролюбовъ выпрямился и твердо произнесъ: «Нѣтъ, нѣтъ! надо уѣхать». Онъ всталъ и, не смотря на слабость, пошелъ въ въ переднюю, потребовалъ, чтобы скорѣй подали шубу. Но когда ее надѣли, онъ не могъ перенести ея тяжести, опустился на стулъ и закрылъ глаза. Я и прислуга съ минуту стояли передъ нимъ, не зная, что намъ дѣлать. Наконецъ Добролюбовъ встрепенулся и проговорилъ: «идемте».

«Его взяли подъ руки, свели съ лѣстницы и усадили въ карету. Я сѣла съ нимъ. Онъ молчалъ, пока мы подъѣхали къ его новой квартирѣ. На подъѣздѣ его хотѣли посадить въ кресло, чтобы нести на лѣстницу. Онъ воспротивился этому, говоря: «взойду самъ». Но конечно едва мы довели его подъ руки до первой площадки, какъ онъ уже не могъ идти далѣе и безропотно повиновался, когда его усадили въ кресло, понесли наверхъ, донесли до самой кровати, раздѣли и положили въ постель. Онъ неподвижно лежалъ нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами, потомъ обвелъ глазами комнату, посмотрѣлъ на меня, кивнулъ мнѣ головой и слабымъ голосомъ проговорилъ: «я спать хочу».

«Онъ спалъ болѣе часу. Чернышевскій и докторъ сидѣли въ столовой. Добролюбовъ болѣе недѣли какъ не хотѣлъ принимать лекарства и видѣть доктора, сказавъ мнѣ: «Теперь не нуждаюсь ни въ докторахъ, ни въ ихъ лекарствахъ». Когда онъ проснулся, то улыбнулся мнѣ и проговорилъ: «мнѣ теперь легче!»

«По моей просьбѣ онъ выпилъ немного бульону и потребовалъ къ себѣ братьевъ, которымъ началъ говорить объ ихъ урокахъ. Когда я ему сказала, что пора спать, и стала прощаться съ нимъ, онъ спросилъ меня, въ какое время я приду завтра. Я отвѣчала, что зайду напоить его утреннимъ чаемъ.

— Такъ рано? это было-бы очень хорошо, но вамъ надо отдохнуть, я васъ сегодня замучилъ. Я сталъ ни на что не похожъ.

— Ложитесь-ка спать, усните хорошенько,—отвѣчала я и спросила, не велѣть-ли человѣку лечь въ его комнатѣ?

— Зачѣмъ! вы вѣдь позаботились обо всемъ, у кровати есть снурокъ, я позвоню, если что будетъ мнѣ нужно.

«Со дня переѣзда Добролюбова на квартиру онъ уже не вставалъ съ постели и не могъ болѣе двухъ минутъ держать въ рукахъ газету; но былъ спокоенъ. Чернышевскій два раза въ день навѣщалъ больного и, чтобы онъ не утомлялъ себя разговорами, оставался не болѣе получаса въ его комнатѣ.

«Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ Добролюбовъ переносилъ возраставшую въ немъ слабость. Нанятый мной лакей говорилъ мнѣ о кротости его характера: «за здоровымъ ходить больше хлопотъ, чѣмъ за такимъ больнымъ!... только дивиться на него!»

«10-го ноября, когда я утромъ пришла къ Добролюбову, то человѣкъ, отворивъ мнѣ дверь, тревожно сказалъ: «Ахъ, Авдотья Яковлевна, нашему больному не хорошо, должно быть онъ всю ночь не спалъ; безъ ихъ звонка я не смѣлъ входить къ нимъ и, стоя у дверей, я слышалъ, что онъ стоналъ, а недавно у меня два раза спрашивалъ—не пришли-ли вы»...

«Добролюбовъ встрѣтилъ меня словами:—Мнѣ вообразилось, что у васъ сдѣлался припадокъ болей въ печени и вы сегодня не придете ко мнѣ, а у меня до васъ есть опять большая просьба—эта будетъ послѣдняя... Насилу дождался утра.

«Я видѣла, что онъ сильно взволнованъ и что его лицо за ночь страшно измѣнилось.

— Прислали бы за мной, чѣмъ ждать до утра! отвѣчала я.

— Не доставало только, чтобы я еще ночью не давалъ вамъ покою!

— Говорите-же, что нужно мнѣ сдѣлать?

— Привезите мнѣ доктора, который вылечилъ горло Некрасова.

«Я отвѣчала, что сейчасъ поѣду за докторомъ.

— Мнѣ именно и хотѣлось просить васъ, чтобы сами поѣхали, а то просить его запиской пройдетъ много времени, да можетъ быть онъ еще и не пріѣдетъ, а мнѣ нужно его видѣть сегодня... Непремѣнно сегодня!

Доктора съ большой практикой трудно застать дома, такъ что мнѣ удалось только въ 4 часа его видѣть. Но этотъ день у него былъ пріемный, и множество паціентовъ ждали его возвращенія домой.

Добролюбовъ былъ правъ: еслибъ я не поѣхала сама, то док-

торъ не пріѣхалъ бы, потому что находилъ безполезнымъ свой визитъ; доктору было извѣстно, что Добролюбовъ доживаетъ послѣдніе дни, что его желаніе—одинъ капризъ, о которомъ онъ скоро забудетъ. Но я упросила доктора пріѣхать, и онъ обѣщалъ быть въ 7 часовъ.

— Все однѣ неудачи мнѣ!—замѣтилъ Добролюбовъ, когда я явилась къ нему съ отвѣтомъ доктора.—Я надѣялся, что вы пріѣдете вмѣстѣ съ нимъ... Ну, что дѣлать, помучуюсь еще до его пріѣзда...

«Докторъ пріѣхалъ въ назначенный часъ, пробылъ у Добролюбова съ четверть часа, и когда вышелъ отъ больного, то печально сказалъ: «дня два или три развѣ протянетъ... Я пропишу рецептъ, чтобы не огорчить его... Онъ меня спрашивалъ, можно-ли ему шампанское и устрицы? Давайте все, что онъ попроситъ!»

«Когда я вошла съ рецептомъ въ рукахъ къ Добролюбову, онъ сидѣлъ на постели, сжавъ свою голову руками. Увидѣвъ рецептъ, онъ насмѣшливо сказалъ: «Таки прописалъ лекарство! пожалуйства, не посылайте въ аптеку!»

«Глаза Добролюбова блестѣли, и онъ, нервно улыбаясь, продолжалъ:

— Я чуть не разсмѣялся въ глаза доктору, когда онъ, послѣ обычныхъ докторскихъ утѣшеній, отвѣтилъ на мой вопросъ—можно-ли шампанское и устрицы? — «Все можно!» — онъ не понялъ моего вопроса и не выдержалъ своей роли. Онъ вообразилъ себѣ, что говоритъ съ больнымъ, у котораго голова потеряла способность ясно понимать вещи...

«Добролюбовъ опять схватился за голову и съ отчаяніемъ произнесъ:

— Умирать съ сознаніемъ, что не успѣлъ ничего сдѣлать... Ничего! Какъ зло насмѣялась надо мной судьба!.. Пусть бы раньше послала мнѣ смерть! Хоть-бы еще года два продлилась моя жизнь, я успѣлъ-бы сдѣлать хоть что-нибудь полезное... теперь ничего, ничего!

«Онъ упалъ со стономъ на подушки, стиснулъ зубы, закрылъ глаза, и слезы потекли по его впалымъ щекамъ. Я была не въ силахъ смотрѣть на его страданія и также расплакалась. Пролежавъ не болѣе минуты съ закрытыми глазами, онъ открылъ ихъ и слабымъ голосомъ проговорилъ:

— Не плачьте!.. Не совладалъ я со своими расходившимися нервами!.. Перестаньте! Вы стыдите меня за мое малодушіе и глупость, которую я сдѣлалъ!.. Будемъ попрежнему тверды... Ни

для васъ, ни для меня не былъ неожиданностью исходъ моей болѣзни! Встрѣтимъ конецъ, какъ слѣдуетъ! Я теперь буду покоенъ!.. Больше не разстрою васъ, и вы постараетесь попрежнему быть тверды.. Мнѣ легче будетъ... Позовите ко мнѣ братьевъ... Не бойтесь.. Я владѣю собой!

«Добролюбовъ все это говорилъ съ большими перерывами. Мальчики пришли. Добролюбовъ спросилъ, готовы-ли у нихъ уроки къ завтрашнему дню, пристально глядѣлъ на нихъ, потомъ погладилъ каждаго по головѣ и съ улыбкой произнесъ: «Теперь идите кончать свои уроки», и онъ закрылъ глаза, но скоро опять открылъ ихъ и спросилъ:

— Чернышевскій здѣсь?

— Позвать его? спросила я.

«Добролюбовъ не вдругъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, ему и мнѣ будетъ тяжело!.. Желаю отъ души ему всего хорошаго, какъ въ его семейной жизни, такъ и въ его литературной дѣятельности. Я попрошу болѣе никого не впускать ко мнѣ и вамъ-бы не слѣдовало быть около меня. Я усталъ, засну!

«Съ этого вечера Добролюбовъ сдѣлался молчаливъ. Онъ покорно выпивалъ бульонъ, когда я ему подавала, больше лежалъ съ закрытыми глазами. Откроетъ ихъ, поглядитъ на меня и опять закроетъ. Но слухъ у него сдѣлался чрезвычайно тонокъ: какъ бы тихо я ни сказала что-нибудь человѣку—онъ все слышалъ и просилъ меня не говоритъ шепотомъ. За три дня до его смерти я замѣтила, что онъ началъ не такъ внятно произносить слова. Я сообщила это доктору, и тотъ, желая удостовѣриться, не началась-ли уже агонія, тихонько вошелъ въ комнату. Но только-что онъ приблизился къ изголовью, Добролюбовъ открылъ глаза и спросилъ:—«кто вошелъ?»

«Я должна была солгать, что никого нѣтъ. На другой день не было уже сомнѣнія, что агонія началась: умирающій дышалъ тяжело, нижняя челюсть ослабѣла; онъ то высылалъ меня отъ себя, то снова посылалъ за мной человѣка. Желая мнѣ что-то сказать, онъ произнесъ нѣсколько словъ такъ невнятно, что я должна была нагнуться близко къ нему, и онъ, печально смотря на меня, спросилъ:

— Неужели я такъ уже плохо говорю?.. Можете меня спокойно выслушать?

— Могу, отвѣчала я.

— Поручаю вамъ моихъ братьевъ... Не позволяйте имъ тратить на глупости денегъ. Проще и дешевле похороните меня.

— Вамъ трудно говорить, потомъ доскажете,—замѣтила я, видя его усиліе говорить громче.

— Завтра будетъ еще труднѣй,—отвѣчалъ онъ. — Положите мнѣ руку на голову! Вы для меня дѣлали то, что только могла дѣлать одна моя мать, и онъ замолкъ...

«Чернышевскій безвыходно сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, и мы съ часу на часъ ждали кончины Добролюбова, но агонія длилась долго и, что было особенно тяжело, умирающій не терялъ сознанія.

«За часъ или за два до кончины у Добролюбова явилось столько силы, что онъ могъ дернуть за сонетку у своей кровати. Онъ только что выслалъ меня и человѣка... Но опять велѣлъ позвать меня къ себѣ. Я подошла къ нему, и онъ явственно произнесъ: «Дайте руку»... Я взяла его руку, она была холодная... Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и произнесъ: «Прощайте... Пойдите домой! Скоро!»

«Это были его послѣднія слова... Въ 2 часа ночи (на 18 ноября) онъ скончался.

«Втеченіе двухъ дней съ утра до вечера масса публики перебывала у покойника. Въ день похоронъ я въ восьмомъ часу пошла проститься съ нимъ, пока еще никого не было (въ 9 час. назначенъ былъ выносъ), но на дворѣ уже собралось множество народу, на лѣстницѣ также едва можно было пройти. Около дома и на улицѣ также стояла толпа. Я не поѣхала на кладбище, потому что чувствовала себя совершенно больной Въ 9 часовъ я подошла къ окну своей комнаты. Вся улица была запружена народомъ, хотя для любителей торжественныхъ похоронъ не на что было поглазѣть, потому что не было никакихъ депутацій, ни вѣнковъ. Нѣсколько священниковъ явились безъ приглашенія проводить покойника. Простой дубовый гробъ безъ вѣнковъ и цвѣтовъ понесли на рукахъ, а парныя дроги и двѣ-три наемныя кареты слѣдовали за процессіей.»

Похоронили Добролюбова на Волковомъ кладбищѣ на литераторскихъ мосткахъ. Надъ могилой его возвышается каменная плита съ лаконической надписью: «Николай Александровичъ Добролюбовъ, родился 27-го ноября 1836 г., умеръ 17-го ноября 1861 г.»

VI.

Характеристика литературной дѣятельности Добролюбова.

Мы уже говорили въ началѣ первой главы, что Добролюбовъ занимаетъ центральное мѣсто между Бѣлинскимъ и Писаревымъ, составляетъ какъ бы переходъ отъ перваго ко второму, отъ эпохи сороковыхъ годовъ къ шестидесятымъ.

Это серединное положеніе Добролюбова обусловливается и характеромъ второй половины пятидесятыхъ годовъ, во время которой развернулась литературная дѣятельность Добролюбова. Эпоха эта въ свою очередь была переходомъ отъ сороковыхъ годовъ къ шестидесятымъ. Въ философскомъ отношеніи міросозерцаніе передовыхъ, мыслящихъ кружковъ русскаго общества совершало въ это десятилѣтіе переходъ отъ гегелевой метафизики къ реализму англійскихъ и французскихъ философовъ; въ нравственномъ отношеніи отъ того мистическаго дуализма, въ духѣ котораго получали воспитаніе всѣ предшествовавшія поколѣнія,—къ монизму и утилитаризму. Въ то же время въ практическихъ сферахъ—это было время сильнаго общественнаго энтузіазма, общаго подъема духа, причемъ на первый планъ начали ставиться вопросы политическаго характера, и люди ждали отъ предстоящихъ реформъ прогресса не только общественной жизни, но и личности въ ея индивидуальномъ развитіи. Все это движеніе какъ нельзя болѣе ярко отражается во всѣхъ статьяхъ Добролюбова, и онъ въ этомъ отношеніи является наиболѣе типическимъ выразителемъ той переходной эпохи, въ предѣлахъ которой совершилась его литературная дѣятельность.

Такъ, что касается общаго міросозерцанія Добролюбова, то мы видѣли уже изъ его біографіи, что онъ получилъ воспитаніе въ дореформенные годы въ духѣ именно того мистицизма и дуализма, въ которомъ воспитывались въ началѣ 50-хъ годовъ всѣ его сверстники. Не только на семинарской скамьѣ, но и во время институтскаго курса мы видимъ въ немъ суроваго аскета, непрестанно боровшагося съ грѣшной плотію и стремившагося закалить себя отъ всякихъ молодыхъ страстей и соблазновъ. Но къ концу курса и къ началу литературной дѣятельности Добролюбова въ немъ совершился умственный переломъ: мракъ мистицизма и аскетизма разсѣялся, и онъ вступилъ на почву реализма. И дѣйствительно, въ тѣхъ немногихъ статьяхъ, въ

которыхъ наиболѣе ясно и опредѣленно выражается общее міросозерцаніе Добролюбова (каковы: «*Жизнь Магомета*», соч. Вашингтона Ирвинга; «*Буддизмъ, его догматы, исторія и литература*», *соч. Васильева, и* «*Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью*»), онъ является передъ нами вполнѣ реалистомъ. Такъ, въ статьѣ «*Органическое развитіе человѣка*» Добролюбовъ говоритъ, что «въ наше время успѣхи естественныхъ наукъ, *избавившіе насъ уже отъ многихъ предразсудковъ*, дали намъ возможность составить болѣе здравый и простой взглядъ на отношеніе между духовной и тѣлесной дѣятельностью человѣка»... «Въ возведеніи видимыхъ противорѣчій, говоритъ онъ далѣе,—къ естественному единству—великая заслуга новѣйшей науки. Только новѣйшая наука отвергла схоластическое раздвоеніе человѣка и стала разсматривать его въ полномъ, неразрывномъ составѣ, тѣлесномъ и духовномъ, не стараясь разобщать ихъ. Она увидала въ душѣ именно ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ весь тѣлесный составъ человѣка...» и т. д.

Изъ этого монистическаго взгляда на человѣческую природу вытекаетъ система нравственности, прямо противоположная прежнему дуалистическому воззрѣнію. Сообразно послѣднему, въ человѣкѣ постоянно совершается борьба между высшими, духовными, стремленіями и низшими, чувственными, а добродѣтель заключается въ томъ, чтобы, побѣждая страсти и похоти, принуждать себя силой воли слѣдовать нравственнымъ правиламъ и законамъ, предписаннымъ намъ свыше.

На почвѣ же монизма возникла новая система нравственности, основанная во-первыхъ на «утилитаризмѣ», выводившемъ всѣ самыя высокія духовныя стремленія человѣка изъ побужденій и видовъ сначала личной, а затѣмъ общественной пользы; а во-вторыхъ—на теоріи органической естественности и свободы всѣхъ психическихъ движеній. Обѣ эти теоріи были въ большой модѣ впродолженіи всѣхъ шестидесятыхъ годовъ, и Добролюбовъ былъ первый ихъ провозвѣстникъ. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ возставалъ противъ людей, руководящихся въ жизни не свободными, естественными влеченіями своей природы, а мертвыми, разсудочными или предписанными со стороны принципами. Наиболѣе полно выражена эта теорія нравственности Добролюбовымъ въ двухъ его статьяхъ: о Станкевичѣ и «*Русская цивилизація*,

сочиненная г. Жеребцовымъ». Такъ, въ статьѣ о Станкевич онъ говоритъ:

«У насъ очень часто превозносятъ человѣка тѣмъ всестороннѣ чѣмъ болѣе онъ принуждаетъ себя къ добродѣтели. Но, по нашем мнѣнію, холодные послѣдователи добродѣтели, исполняющіе предписан долга только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувств вали любовь къ добру, такіе люди не совсѣмъ достойны пламенных восхваленій. Эти люди жалки сами по себѣ. Ихъ чувства постоянн представляютъ имъ счастіе не въ исполненіи долга, а въ нарушені его; но они жертвуютъ своимъ благомъ, какъ они его понимают отвлеченному принципу, который принимаютъ безъ внутренняго сер дечнаго участія. Поэтому они всегда несчастны отъ своей добродѣтел жалуются на свои многотрудные подвиги и часто оканчиваютъ тѣм что ожесточаются противъ всего на свѣтѣ.

«Кажется, не того можно назвать истинно-нравственнымъ, кт только терпитъ надъ собою велѣнія долга, какъ какое-то тяжелое иг какъ «нравственные вериги», а именно того, кто заботится слить тре бованія долга съ потребностями внутренняго существа своего, кт старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внутреннимъ про цессомъ самосознанія и саморазвитія, такъ чтобы они не только сдѣ лались настоятельно необходимыми, но и составляли внутреннее на слажденіе...

«Скажутъ, что въ подобномъ направленіи выражается очень силь собственный эгоизмъ человѣка, и этому эгоизму какъ будто подчи няются всѣ другія, высшія чувствованія. Но мы спросимъ: кто же когд нибудь могъ освободиться отъ дѣйствія эгоизма, и какое наше дѣй ствіе не имѣетъ эгоизма своимъ главнымъ источникомъ? Мы всѣ ищем себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребно стямъ, стараемся добиться счастія. Разница только въ томъ, кто как понимаетъ это счастіе. Есть конечно грубые эгоисты, которыхъ взгляд чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое счастье въ грубых наслажденіяхъ чувственности, въ униженіи передъ собою другихъ т. п. Но вѣдь есть эгоизмъ другого рода. Отецъ, радующійся усп хамъ своихъ дѣтей,—тоже эгоистъ; гражданинъ, принимающій близ къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ, – тоже эгоистъ; вѣдь *онъ*, именно *онъ* самъ чувствуетъ удовольствіе при этомъ; вѣдь о не отрекся отъ себя, радуясь радости другихъ. Далѣе если человѣ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ, и тогда эгоизмъ оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на пр хоть; это значитъ, что онъ развился до того, чтопомощь бѣдняку дос вляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но ес онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а потому только, что считаетъ с имъ долгомъ,—тутъ уже дѣйствіене свободное, а принужденное; но и зд все-таки есть эгоизмъ. Почему нибудь человѣкъ предпочитаетъ же пре писаніе долга своему собственному влеченію. Если въ немъ нѣтъ любв есть страхъ. Онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собой н казаніе или какія-нибудь другія непріятныя послѣдствія; за исполнен же онъ надѣется награды, доброй славы и т. п. При внимательно разсмотрѣніи и окажется, что побужденіемъ дѣйствія формально

бродѣтельнаго человѣка служитъ эгоизмъ очень мелкій, называемый тщеславіемъ, малодушіемъ и т. п. Право, хвалить за это нечего.»

Въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Добролюбова болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ мы видимъ переходное положеніе отъ взглядовъ 40-хъ годовъ къ взглядамъ 60-хъ. Такъ, съ одной стороны взгляды Добролюбова вполнѣ почти сходятся съ эстетическими идеями Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности послѣдняго. Такъ, подобно Бѣлинскому, Добролюбовъ проповѣдывалъ теорію искусства для жизни и отрицалъ эстетическую критику, прямо говоря въ своей статьѣ «*Когда же придетъ настоящій день*», что эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень, и что малому знакомству съ чувствительными барышнями онъ одолженъ тѣмъ, что не умѣетъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Но въ то же время, опять-таки подобно Бѣлинскому, онъ отрицалъ и тенденціозное, надуманное творчество, требуя, чтобы оно было вполнѣ естественно и непроизвольно.

Такъ, въ началѣ своей статьи «*Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ*» онъ прямо говоритъ:

«Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ издавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собой. Такимъ образомъ напримѣръ философія Сократа и комедіи Аристофана въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ служатъ выраженіемъ одной и той же идеи—разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій; она достигается у него просто картиной нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло; то-есть онъ практически приводитъ насъ къ тому, что Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ.»

Но всѣмъ этимъ и ограничивается сходство взглядовъ на искусство Добролюбова и Бѣлинскаго. Рядомъ съ этими тождественными взглядами мы видимъ иные, въ которыхъ выражается въ свою очередь переходъ Добролюбова отъ метафизики къ реализму. Такъ Бѣлинскій хотя и говоритъ, что поэтъ отличается отъ ученаго лишь тѣмъ, что мыслитъ не иначе, какъ живыми образами, но оставался еще на метафизической почвѣ гегеліанства, полагалъ, что во всякомъ случаѣ искусство представляетъ свою особенную область, не имѣющую ничего общаго съ наукой.

*

Добролюбовъ вслѣдъ за Бѣлинскимъ повторяетъ, что разница между художникомъ и мыслителемъ лишь та, что одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій, а другой стремится все обобщать, слить частные признаки въ общей формулѣ. Но въ то же время, подъ вліяніемъ извѣстной диссертаціи Чернышевскаго «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», Добролюбовъ отрицалъ всякую существенную разницу между истиннымъ знаніемъ и поэзіей и отсюда выводилъ второстепенное, служебное значеніе искусства.

«По существу своему,—говоритъ онъ въ статьѣ «*Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ*»,—литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія; она только или предлагаетъ то, что́ нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что́ дѣлается и сдѣлано. Въ первомъ случаѣ она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки; во второмъ—изъ самихъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собой силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что́ и какъ она пропагандируетъ.»

Выдѣляя затѣмъ нѣсколькихъ геніальныхъ поэтовъ, вродѣ Шиллера, Данте, Гёте и Байрона, которые, служа полнѣйшими представителями въ высшей степени человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху и съ этой высоты обозрѣвая жизнь людей и природы и рисуя ее передъ нами, возвышались надъ служебной ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей, способствовавшихъ человѣчеству въ яснѣйшемъ сознаніи его живыхъ силъ и естественныхъ наклонностей, Добролюбовъ затѣмъ говоритъ: «что же касается до обыкновенныхъ талантовъ, то для нихъ именно остается та служебная роль, о которой мы говорили. Не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, они должны ограничиваться болѣе частнымъ, соціальнымъ служеніемъ: они проводятъ въ сознаніе массъ то, что скрыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно».

Проводя далѣе все ту же параллель между наукой и искусствомъ, Добролюбовъ прибавляетъ: «результатъ одинъ и значеніе двухъ дѣятелей было бы одно и то же; но исторія литературы показываетъ намъ, что, за немногими исключеніями, литераторы обыкновенно опаздываютъ, подмѣчаютъ и рисуютъ возникающее

движеніе тогда уже, когда оно довольно явственно и сильно, за то впрочемъ они ближе къ понятіямъ массы и больше имѣютъ въ ней успѣха; они подобны барометру, съ которымъ всякій справляется, между тѣмъ какъ метеоролого-астрономическихъ выкладокъ никто не хочетъ знать... Такимъ образомъ,—говоритъ Добролюбовъ въ заключеніе,—признавая за литературой главное значеніе пропаганды, мы требуемъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно «правды».

Въ подобномъ приписываніи литературѣ самой скромной служебной роли барометра, проведенія въ массы недоступныхъ ей научныхъ идей нельзя не видѣть задатковъ того еще болѣе смѣлаго и послѣдовательнаго отрицанія искусства, до котораго нѣсколько лѣтъ спустя дошелъ Писаревъ и какое проходитъ сквозь всѣ шестидесятые годы.

Въ то же время, разъ Добролюбовъ всталъ на ту точку зрѣнія, что искусство должно служить для проведенія научныхъ идей въ темныя массы, то изъ этого положенія вполнѣ естественно и послѣдовательно онъ долженъ былъ вывести отрицательный взглядъ на всю предшествующую русскую литературу, которая, совершенно игнорируя темныя массы, существовала для небольшого меньшинства образованныхъ людей, выражая ихъ интересы, симпатіи и антипатіи. И дѣйствительно, въ статьѣ «*О степени участія народности въ развитіи литературы*» Добролюбовъ высказываетъ между прочимъ слѣдующаго рода взгляды, до того времени еще не встрѣчавшіеся въ нашей литературѣ:

«Напрасно у насъ и громкое названіе *народныхъ* писателей; народу къ сожалѣнію вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится; онъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы дать средства полмилліону читающаго люда прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота не малая! Она-то и служитъ причиной того, что литература доселѣ имѣетъ такой ограниченный кругъ дѣйствія... Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ за немногими исключеніями въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе незначительнаго: оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ партіальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа и для него интересные,

то трактуются опять не съ общесправедливой, не съ человѣческой, не съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другого класса.»

Въ этихъ словахъ вы слышите голосъ вѣка съ его неодолимой тягой къ народу: въ нихъ выражается впервые возникшее горькое сознаніе поистинѣ жалкаго значенія литературы, существующей для ничтожной горсти интеллигенціи, теряющейся въ несмѣтныхъ массахъ темнаго люда. Изъ этого великаго сознанія вытекла естественная мысль, что даже и Пушкина нельзя назвать вполнѣ народнымъ писателемъ. «Народность,—говоритъ Добролюбовъ (т. I, стр. 599),—понимаемъ мы не только какъ умѣнье изобразить красоты природы мѣстной, употребить мѣткое выраженіе, подслушанное у народа, вѣрно представить обряды, обычаи и т. п. Все это есть у Пушкина; лучшимъ доказательствомъ служитъ его «*Русалка*». *Но чтобы быть поэтомъ истинно народнымъ, надо больше: надо проникнуться народнымъ духомъ, прожить его жизнью, стать вровень съ нимъ, отбросить всѣ предразсудки сословій, книжнаго ученья и пр., прочувствовать съ нимъ простымъ чувствомъ, какимъ обладаетъ народъ—этого Пушкину не доставало*».

Подобное опредѣленіе народнаго писателя представляетъ собой самое вѣщее и великое откровеніе столь славной эпохи, какъ конецъ пятидесятыхъ годовъ, и такого лучшаго представителя той эпохи, какимъ былъ Добролюбовъ.

Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ эстетическихъ взглядовъ Добролюбовъ и выводилъ критеріи своей критики, которую онъ называлъ по всей справедливости реальной. Реальная критика, по мнѣнію Добролюбова, должна относиться къ произведенію художника точно такъ-же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни: она изучаетъ ихъ, стараясь опредѣлить ихъ собственную норму, собрать ихъ существенныя, характерныя черты; передъ ея судомъ стоятъ лица, созданныя авторомъ, и ихъ дѣйствія; она должна сказать, какое впечатлѣніе производятъ на нее эти лица, и можетъ обвинить автора только за то, ежели впечатлѣніе это неполно, неясно, двусмысленно. Какъ скоро въ писателѣ, художникѣ признается талантъ, т. е. умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то уже въ силу этого самаго признанія произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о той средѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркою для таланта

писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы.

Для критики, по мнѣнію Добролюбова, тѣ только произведенія и важны, въ которыхъ жизнь сказалась сама собой, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ. Такъ, о романѣ Писемскаго *«Тысяча душъ»* Добролюбовъ ничего не говорилъ, потому что, по его мнѣнію, вся общественная сторона этого романа насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ, и положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ невозможно, потому что отношеніе къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво...

Подобныя задачи, выставляемыя Добролюбовымъ для критики, дѣлая критику не только реальной, но и публицистической, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали тому сильному общественному движенію, какое въ то время совершалось, и совершенно подходили къ эпохѣ, въ которую и беллетристы, и драматурги, и поэты, и историки, а тѣмъ болѣе критики выступали въ своихъ произведеніяхъ и трактатахъ прежде всего публицистами. Не уступилъ въ этомъ отношеніи общему настроенію и Добролюбовъ, и его лучшіе критическіе этюды, каковы: *«Темное царство»*, *«Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ»*, *«Что такое Обломовщина»*, *«Когда же придетъ настоящій день»*,—заключаютъ въ себѣ глубокій и всесторонній анализъ существенныхъ сторонъ русской жизни.

Взгляды, проводимые Добролюбовымъ въ качествѣ публициста, можно раздѣлить на двѣ категоріи. Одни стоятъ на чистокультурно-исторической почвѣ, выходятъ изъ анализа тѣхъ патріархальныхъ отношеній, какія перешли къ намъ по наслѣдію отъ допетровской старины и сохранялись въ жизни того времени во многихъ явленіяхъ семейнаго и общественнаго быта. Таковы были деспотизмъ и своеволіе со стороны старшихъ, и безправіе, безпрекословное подчиненіе авторитету, отсутствіе всякой самостоятельности и полное обезличеніе со стороны младшихъ. Анализируя различные степени и виды деморализаціи, проистекающіе изъ подобнаго порядка вещей, Добролюбовъ ставилъ въ противоположность старымъ, отжившимъ началамъ новыя, въ основѣ которыхъ стоитъ не страхъ, а любовь и довѣріе, и которыя требуютъ, чтобы жизнь развивалась свободно и естественно безъ всякихъ стѣсненій и насилованій, и каждой личности предоставлена была полная самостоятельность во всѣхъ благихъ и законныхъ проявленіяхъ ея воли.

сочиненная г. Жеребцовымъ». Такъ, въ статьѣ о Станкевичѣ онъ говоритъ:

«У насъ очень часто превозносятъ человѣка тѣмъ всестороннѣе, чѣмъ болѣе онъ принуждаетъ себя къ добродѣтели. Но, по нашему мнѣнію, холодные послѣдователи добродѣтели, исполняющіе предписанія долга только потому, что это предписано, а не потому, чтобы чувствовали любовь къ добру, такіе люди не совсѣмъ достойны пламенныхъ восхваленій. Эти люди жалки сами по себѣ. Ихъ чувства постоянно представляютъ имъ счастіе не въ исполненіи долга, а въ нарушеніи его; но они жертвуютъ своимъ благомъ, какъ они его понимаютъ, отвлеченному принципу, который принимаютъ безъ внутренняго сердечнаго участія. Поэтому они всегда несчастны отъ своей добродѣтели, жалуются на свои многотрудные подвиги и часто оканчиваютъ тѣмъ, что ожесточаются противъ всего на свѣтѣ.

«Кажется, не того можно назвать истинно-нравственнымъ, кто только терпитъ надъ собою велѣнія долга, какъ какое-то тяжелое иго, какъ «нравственные вериги», а именно того, кто заботится слить требованія долга съ потребностями внутренняго существа своего, кто старается переработать ихъ въ свою плоть и кровь внутреннимъ процессомъ самосознанія и саморазвитія, такъ чтобы они не только сдѣлались настоятельно необходимыми, но и составляли внутреннее наслажденіе...

«Скажутъ, что въ подобномъ направленіи выражается очень сильно собственный эгоизмъ человѣка, и этому эгоизму какъ будто подчиняются всѣ другія, высшія чувствованія. Но мы спросимъ: кто же когда нибудь могъ освободиться отъ дѣйствія эгоизма, и какое наше дѣйствіе не имѣетъ эгоизма своимъ главнымъ источникомъ? Мы всѣ ищемъ себѣ лучшаго, стараемся удовлетворить своимъ желаніямъ и потребностямъ, стараемся добиться счастія. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это счастіе. Есть конечно грубые эгоисты, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое счастье въ грубыхъ наслажденіяхъ чувственности, въ униженіи передъ собою другихъ и т. п. Но вѣдь есть эгоизмъ другого рода. Отецъ, радующійся успѣхамъ своихъ дѣтей,—тоже эгоистъ; гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ, – тоже эгоистъ; вѣдь это *онъ*, именно *онъ* самъ чувствуетъ удовольствіе при этомъ; вѣдь онъ не отрекся отъ себя, радуясь радости другихъ. Далѣе если человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ, и тогда эгоизмъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на прихоть; это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а потому только, что считаетъ своимъ долгомъ,—тутъ уже дѣйствіе не свободное, а принужденное; но и здѣсь все-таки есть эгоизмъ. Почему нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга своему собственному влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви есть страхъ. Онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собой наказаніе или какія-нибудь другія непріятныя послѣдствія; за исполненіе же онъ надѣется награды, доброй славы и т. п. При внимательномъ разсмотрѣніи и окажется, что побужденіемъ дѣйствія формально до-

бродѣтельнаго человѣка служитъ эгоизмъ очень мелкій, называемый тщеславіемъ, малодушіемъ и т. п. Право, хвалить за это нечего.»

Въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Добролюбова болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ мы видимъ переходное положеніе отъ взглядовъ 40-хъ годовъ къ взглядамъ 60-хъ. Такъ, съ одной стороны взгляды Добролюбова вполнѣ почти сходятся съ эстетическими идеями Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности послѣдняго. Такъ, подобно Бѣлинскому, Добролюбовъ проповѣдывалъ теорію искусства для жизни и отрицалъ эстетическую критику, прямо говоря въ своей статьѣ «*Когда же придетъ настоящій день*», что эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень, и что малому знакомству съ чувствительными барышнями онъ одолженъ тѣмъ, что не умѣетъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Но въ то же время, опять-таки подобно Бѣлинскому, онъ отрицалъ и тенденціозное, надуманное творчество, требуя, чтобы оно было вполнѣ естественно и непроизвольно.

Такъ, въ началѣ своей статьи «*Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ*» онъ прямо говоритъ:

«Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ издавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи, не потому что авторъ задался этой идеей при его созданіи, а потому что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собой. Такимъ образомъ напримѣръ философія Сократа и комедіи Аристофана въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ служатъ выраженіемъ одной и той же идеи—разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій; она достигается у него просто картиной нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло; то-есть онъ практически приводитъ насъ къ тому, что̀ Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ.»

Но всѣмъ этимъ и ограничивается сходство взглядовъ на искусство Добролюбова и Бѣлинскаго. Рядомъ съ этими тождественными взглядами мы видимъ иные, въ которыхъ выражается въ свою очередь переходъ Добролюбова отъ метафизики къ реализму. Такъ Бѣлинскій хотя и говоритъ, что поэтъ отличается отъ ученаго лишь тѣмъ, что мыслитъ не иначе, какъ живыми образами, но оставался еще на метафизической почвѣ гегеліанства, полагалъ, что во всякомъ случаѣ искусство представляетъ свою особенную область, не имѣющую ничего общаго съ наукой.

кимъ высокимъ бельведеромъ, что оттуда можно видѣть даже Москву».

Въ противовѣсъ этимъ отрицательнымъ качествамъ интеллигенціи Добролюбовъ постоянно выставлялъ народъ, въ которомъ одномъ онъ видѣлъ воплощеніе всѣхъ своихъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ и полагалъ единственную надежду на возрожденіе общества. Такъ, въ статьѣ «*Черты для характеристики русскаго простонародья*», мы читаемъ слѣдующее мѣсто:

«Общее разслабленіе, болѣзненность, неспособность къ глубокой, сосредоточенной страсти характеризуютъ если не всѣхъ, то *большинство* нашихъ «цивилизованныхъ» собратій. Оттого-то они и мечутся безпрестанно то туда, то сюда, сами не зная, чего имъ нужно и чего имъ жалко. Желаютъ они—такъ, что жить безъ того не могутъ, а все-таки ничего не дѣлаютъ для осуществленія своихъ желаній; страдаютъ они такъ, что умереть лучше, а живутъ себѣ, ничего, только меланхолическій видъ принимаютъ. Не то у простого человѣка: онъ или неглижируетъ, вниманія не обращаетъ на предметъ и ужъ не толкуетъ о своихъ желаніяхъ, или ужъ если привяжется, если рѣшится, то привяжется и рѣшится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна, и препятствія не страшатъ его, когда ихъ нужно одолѣть для достиженія страстно желаннаго и глубоко задуманнаго. Если ужъ нельзя достигнуть, простой человѣкъ не останется сложа руки; по малой мѣрѣ онъ измѣнитъ свое положеніе, весь образъ своей жизни, убѣжитъ, въ солдаты наймется, въ монастырь пойдетъ; часто онъ просто естественнымъ образомъ не переживетъ неудачи въ достиженіи цѣли, которая уже проникла въ существо его и сдѣлалась ему необходима въ жизни; если же физическое сложеніе его слишкомъ крѣпко и можетъ вынести больше, нежели сколько нужно для крайняго раздраженія нервовъ и фантазіи, онъ не церемонится покончить съ собой насильственнымъ образомъ. И это тоже служитъ для насъ свидѣтельствомъ, какъ для простого, здороваго человѣка, разъ почувствовавшаго свою личность и ея права, несносна жизнь безплодная, безполезная, автоматическая, безъ принциповъ и стремленій, безъ смысла и правды, жизнь,—подобная той, какую проводятъ напримѣръ господа и многіе другіе...»

Но не одну индивидуальную нравственность народа превозносилъ Добролюбовъ при каждомъ удобномъ случаѣ и не одну цѣльность и мощность натуры простого человѣка противуполагалъ онъ дряблости и развинченности интеллигентныхъ людей. Переходя отъ отдѣльныхъ личностей къ народнымъ массамъ, онъ постоянно видѣлъ въ нихъ единственную могучую стихійную силу, на которую можетъ всегда положиться безсильная сама по себѣ интеллигенція. Онъ вѣрилъ, что эта необъятная сила можетъ воспрянуть вслѣдствіе однихъ жизненныхъ опытовъ и переполненія чаши страданій. Такъ, въ статьѣ «*Народное дѣло*», мы читаемъ:

«Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія, и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности и пр. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо; факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета... Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка, породить тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжная теорія и предположенія образованныхъ людей можетъ быть такъ и останутся только теоретическими предположеніями».

Нужно-ли и говорить о томъ, что во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ Добролюбовъ является вполнѣ выразителемъ той всеобщей тяги къ народу, которая составляла главную сущность его эпохи.

Но проведеніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ взглядовъ не ограничивалась дѣятельность Добролюбова. Рядомъ съ ними мы видѣли взгляды совсѣмъ иного характера, вслѣдствіе которыхъ Добролюбову невольно приходилось вступать въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. Мы уже говорили выше о томъ центральномъ положеніи, которое занималъ Добролюбовъ между двумя эпохами—сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Вслѣдствіе этого центральнаго положенія, воспринявши идеи сороковыхъ годовъ, развивши ихъ, подтвердивши анализомъ русской дѣйствительности и формулировавши ихъ въ значительной степени и глубже, и шире, чѣмъ это удавалось людямъ сороковыхъ годовъ, Добролюбовъ въ то же время былъ предвозвѣстникомъ идей шестидесятыхъ годовъ. Вь самомъ характерѣ эпохи лежала особеннаго рода двойственность: рядомъ съ движеніемъ соціально-политическимъ, въ виду существенныхъ реформъ и тяги интеллигенціи къ народу, шло движеніе философское, переходъ мысли передовыхъ людей съ метафизической почвы на реальную, всеобщаго стремленія къ умственному развитію и обогащенію знаніями. Въ умственномъ развитіи, просвѣщеніи видѣли въ то время такую же панацею отъ всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ недуговъ

интеллигенціи, какъ и въ реформахъ. Мы переживали въ то время почти ту же самую безграничную вѣру въ царство разума, какой былъ преисполненъ XVIII вѣкъ. Нужно въ то же время принять въ соображеніе, что пятидесятые и шестидесятые года словно какъ-бы подѣлились между собой этими двумя параллельными теченіями, причемъ на долю пятидесятыхъ годовъ выпало движеніе соціально-политическое, а на долю шестидесятыхъ — философское. И дѣйствительно, въ пятидесятые годы были задуманы и приняты всѣ тѣ реформы, которыя въ шестидесятые годы лишь приводились въ исполненіе въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были завѣщаны пятидесятыми годами На первомъ же планѣ въ жизни передовой интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ стояли увлеченіе естествознаніемъ и стремленіе къ реализму въ мышленіи и въ самой практикѣ жизни.

Какъ у представителя пятидесятыхъ годовъ, въ статьяхъ Добролюбова преобладали идеи соціально политическія, но порою прорывались и иного рода взгляды, въ которыхъ обнаруживаются явные задатки движенія шестидесятыхъ годовъ, какъ-бы предвозвѣстіе этого движенія.

Такъ, при всемъ своемъ скептическомъ отношеніи къ интеллигенціи съ ея отвлеченнымъ, мишурнымъ образованіемъ и при всей вѣрѣ въ непосредственныя силы народа, у Добролюбова нѣтъ-нѣтъ да и проявлялась вѣра, что все зависитъ отъ разума, вооруженнаго положительнымъ знаніемъ, и что такой просвѣщенный разумъ можетъ дѣлать чудеса. Такъ напримѣръ, рядомъ съ приравненіемъ всей интеллигенціи къ обломовскому типу, рядомъ съ цѣлой серіей убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что типъ Инсарова до сихъ поръ еще невозможенъ въ нашей жизни, такъ какъ «наша общественная среда подавляетъ развитіе личностей, подобныхъ Инсарову», мы видимъ въ статьѣ «*Литературныя мелочи прошлаго года*» первое выставленіе людей молодого поколѣнія противъ поколѣнія стараго, какъ новый общественный типъ *людей реальныхъ съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ*. И появленіе этого новаго типа объясняется Добролюбовымъ не въ связи съ какимъ-либо улучшеніемъ общественныхъ порядковъ, какъ мы могли-бы ожидать сообразно основнымъ взглядамъ Добролюбова на зависимость нравственности людей отъ условій ихъ быта, а однимъ только измѣненіемъ философскихъ идей. Такъ, по его мнѣнію, молодые люди съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ по тому отличаются спокой-

ствіемъ и такой твердостью, что они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли и стали въ ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью. Отвлеченныя понятія замѣнились у нихъ новыми представленіями, подробности частныхъ фактовъ обрисовывались ярче и отняли много силы у общихъ опредѣленій. Люди новаго времени не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. Оттого для нихъ невозможно увлеченіе тенденціями, подобными напримѣръ слѣдующимъ: pereat mundus, fiat justicia; «лучше умереть, нежели солгать разъ въ жизни»; «лучше убить свое сердце, чѣмъ измѣнить хоть однажды долгу супружескому, или сыновнему, или гражданскому» и т. п. Все это для нихъ слишкомъ абстрактно и слишкомъ имѣетъ мало значенія. На первомъ планѣ всегда стоитъ у нихъ человѣкъ и его прямое существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Сознаніе своего кровнаго, живого родства съ человѣчествомъ, полное разумѣніе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній между собою—вотъ тѣ внутренніе возбудители, которые занимаютъ у нихъ мѣсто *принципа*. Ихъ послѣдняя цѣль—не совершенная, рабская вѣрность отвлеченнымъ высшимъ идеямъ, а принесеніе возможно большей пользы человѣчеству...

«Нынѣшніе молодые люди,—говоритъ Добролюбовъ,—хотятъ вести правильную, серьезную игру, и потому считаютъ вовсе ненужнымъ съ перваго же раза выводить слона и ферезь, чтобы на третьемъ ходѣ дать шахъ и матъ королю. Они навѣрное разсчитываютъ, что это только повредитъ ихъ игрѣ, и потому подвигаются по немножку, заранѣе обдумавъ планъ аттаки и безпрестанно слѣдя за всѣми движеніями противника. Они такъ же добьются своего шаха и мата, но ихъ образъ дѣйствій вѣренъ, хотя вначалѣ игры и не представляетъ ничего блестящаго и поразительнаго...»

Согласитесь, что всѣ подобныя опредѣленія Добролюбова новыхъ людей его поколѣнія очень напоминаютъ характеристики Писарева трезвыхъ реалистовъ базаровскаго типа. Въ этихъ опредѣленіяхъ чувствуется уже приближеніе шестидесятыхъ годовъ. Такую же двойственность встрѣтите вы въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сочиненія Добролюбова. Такъ, въ IV главѣ статьи «*Темное царство*» онъ говоритъ между прочимъ: «Самодурство и образованіе — вещи сами по себѣ противуположныя, и потому

столкновеніе между ними очевидно должно кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, причемъ, разумѣется, остается прежнимъ невѣждою».

Съ точки зрѣнія взглядовъ Добролюбова пятидесятыхъ годовъ никакого не можетъ быть тутъ *или*: разъ самодурство зависитъ отъ извѣстныхъ порядковъ жизни, никакое образованіе не въ состояніи заставить Кита Китыча перестать быть самодуромъ. Къ тому же истинное образованіе не можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ и доступно Киту Китычу. Но становясь на точку зрѣнія шестидесятыхъ годовъ, Добролюбовъ допускалъ возможность уничтоженія самодурства путемъ одного только образованія, и въ этомъ отношеніи въ свою очередь сходился съ Писаревымъ, полагавшимъ, что громадное вліяніе можетъ оказать на улучшеніе благосостоянія рабочихъ классовъ возвышеніе уровня образованія капиталистовъ и фабрикантовъ.

Такой же раціонализмъ въ духѣ шестидесятыхъ годовъ мы видимъ въ I-й главѣ «Темнаго царства», гдѣ Добролюбовъ сомнѣвается, чтобы Бородкинъ могъ великодушно простить измѣну любимой дѣвушкѣ, и видитъ въ этомъ натяжку со стороны Островскаго на томъ основаніи, что во всей пьесѣ Бородкинъ выставляется благороднымъ и добрымъ по старинному. Послѣдній же поступокъ его вовсе не въ духѣ того разряда людей, которыхъ представителемъ служитъ Бородкинъ. Здѣсь очевидно предполагается, что только «развитіе», «образованность» могутъ дѣлать людей способными къ столь великодушнымъ поступкамъ, какъ женитьба на обезчещенной дѣвушкѣ. Но мы только-что имѣли дѣло съ рѣчами Добролюбова совсѣмъ въ другомъ родѣ, именно съ рѣчами о преимуществѣ народа передъ интеллигентными людьми относительно силы, чистоты и деликатности чувствъ простыхъ людей, способныхъ и любить, и ненавидѣть, и *прощать* съ большею непосредственностью и беззавѣтностью, чѣмъ интеллигентные люди.

Всего вышесказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы Добролюбовъ вполнѣ ясно обрисовался и какъ критикъ, и какъ публицистъ. Намъ остается въ заключеніе обратить вниманіе на тотъ фактъ, что роль Добролюбова въ нашей литературѣ далеко не исчерпывается одной критикой изящныхъ произведеній: литературная дѣятельность его была крайне разнохарактерна. Стоитъ

только прочесть перечень его статей, чтобы убѣдиться, какой это былъ разносторонній писатель. Такъ, рядомъ съ статьями критическими вы найдете у него и педагогическія, каковы: «*О значеніи авторитета въ воспитаніи*»; «*Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова*»; «*Рѣчи и отчеты, читанные въ торжественномъ собраніи московской практической академіи коммерческихъ наукъ*»; «*Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами*»; «*Отъ дождя да въ воду*». Подвизался Добролюбовъ и на почвѣ внутреннихъ вопросовъ въ статьяхъ: «*Литературныя мелочи прошлаго года*»; «*Народное дѣло*»; «*Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности*». Заплатилъ свой долгъ Добролюбовъ и вопросамъ внѣшней политикѣ въ статьяхъ: «*По поводу одной очень обыкновенной исторіи*»; «*Непостижимая странность*»; «*Изъ Турина*»; «*Отецъ Алессандръ Гавацци и его проповѣди*». Писалъ въ то же время Добролюбовъ и статьи полемическаго характера, и стихотворенія элегическія, юмористическія, народныя, обнаруживая весьма недюжинный стихотворный талантъ. Мы видѣли выше, что въ «Созременникѣ» были напечатаны и двѣ его повѣсти.

Вообще нужно замѣтить, что подъ конецъ жизни Добролюбовъ все болѣе и болѣе переходилъ на почву публицистики открытой и незамаскированной личиной художественной критики; изъ него вырабатывался очевидно публицистъ въ истинномъ и спеціальномъ смыслѣ этого слова.

Въ качествѣ сатирика въ «Свисткѣ», о которомъ мы выше говорили, онъ былъ безпощаднымъ обличителемъ и грозой всякаго рода словесной мишуры, фразистости, напускного либерализма, скрывающаго подъ блестящей внѣшностью грубое азіатское варварство и закорузлое невѣжество. Бичъ его съ равной безпощадностью обрушивался какъ на жрецовъ чистаго искусства, вродѣ Фета и Тютчева, такъ и на тенденціозныхъ поэтовъ, вродѣ Розенгейма, съ паѳосомъ мнимой гражданской скорби обличавшихъ мелкихъ чиновниковъ за гривенникъ, взятый ими съ просителя. Строгій приверженецъ во всѣхъ сферахъ жизни естественности, искренности и простоты, при глубокомъ и страстномъ проникновеніи стремленіями къ общественной пользѣ, Добролюбовъ требовалъ и отъ литературы тѣхъ же качествъ. Таковъ былъ наиболѣе типическій и яркій представитель конца пятидесятыхъ годовъ.